

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
АЛТАИСТИКИ ИМ. С. С. СУРАЗАКОВА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ТВОРЧЕСТВО ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО
ДЕЯТЕЛЯ Э. М. ПАЛКИНА**

Сетевое электронное научное издание

ISBN 978-5-6049688-7-1

9 785604 968871 >

ГОРНО-АЛТАЙСК

2024

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук М. С. Дедина (отв. ред),
канд. филол. наук С. Б. Сарбашева,
канд. филол. наук А. Б. Чендекова.

Рецензенты:

канд. филол. наук А. Н. Майзина,
канд. филол. наук А. В. Киндикова.

Творчество Эркемена Палкина в контексте национальных культурных традиций. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения писателя и общественного деятеля Э. М. Палкина / Редколлегия: М. С. Дедина (отв. ред), С. Б. Сарбашева, А. Б. Чендекова. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2024. – 202 с.

В данный научный сборник вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции «Творчество Эркемена Палкина в контексте национальных культурных традиций», посвященной 90-летию со дня рождения писателя и общественного деятеля, а также ранее не опубликованные статьи о его творчестве. Сборник будет интересен специалистам в области литературоведения и языкознания, а также для всех тех, кто интересуется алтайской литературой и творчеством Эркемена Палкина.

ISBN 978-5-6049688-7-1

© БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2024
© Авторы статей, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ5

**НАСЛЕДИЕ ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА В СОВРЕМЕННОМ
ОСМЫСЛЕНИИ**

<i>Дедина М. С.</i> Национальный образ мира в поэзии Эркемена Палкина	7
<i>Киндикова Н. М.</i> Эркемен Палкиннинг лириказы: үлгерлештин ангылузы	19
<i>Мамадакова З. П., Тектиева С. С.</i> Эркемен Палкиннинг энчизи – жүрүмиске үредү	27
<i>Кудирмекова Н. И.</i> Эркемен Матынович Палкин – выпускник Горно-Алтайской Областной национальной средней школы	36
<i>Киндикова А. В.</i> Тема экологии в поэзии Эркемена Палкина ..	46
<i>Ядагаева Г. Е.</i> Символично-психологические приемы в романе Э. Палкина «Алан»	52
<i>Мекечинова А. М.</i> «Кебезен – жуук улузымнын салымында» (Э. М. Палкиннинг «Алан» деп чүмдемелине тайанып шиндеген иш)	64
<i>Абысова С. В.</i> Фольклорное наследие алтайцев и рукописные материалы Э. Палкина	70
<i>Шутина Т. К.</i> Сборник Э. Палкина «Бичигенеер јакшы, Эрте!»: жанровый аспект	79

**ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В
КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТРАДИЦИЙ**

<i>Зайцева Т. И., Максимова О. М.</i> Творческая индивидуальность удмуртского писателя-фронтовика М. А. Лямина в социально-историческом контексте	95
<i>Булгутова И. В.</i> Поиски идентичности в русскоязычной поэзии Бурятии	104

<i>Дедина М. С.</i> Лирика Владимира Бабрашева: особенности поэтики	113
<i>Майзина А. Н.</i> Алтай лингвокультурада салкыннын сүр-темдеги (Символика ветра в алтайской лингвокультуре)	120
<i>Мизиев А. М., Текуев М. М.</i> Функционирование фразеологизмов в творчестве Д.-Х. Шаваева	131
<i>Тарасова Е. Е.</i> Портреты-воспоминания удмуртского детского писателя Германа Ходырева	137
<i>Халхарова Л. Ц.</i> Народно-смеховые традиции в прозе монголоязычных народов	143
<i>Хуболов С. М., Ахматова М. А.</i> Фразеологизмы в поэме Даут-Хаджи Шаваева «Юсуф и его братья»	151
<i>Исаков А. В.</i> «Сокровенное сказание монголов» в рецепции бурятских и калмыцких писателей	158
<i>Ерленбаева С. А.</i> Жанр рассказа в творчестве алтайских писателей (1960–1980 гг.)	164
<i>Белеева А. А. Б. У.</i> Укачиннин «Кар ортодо кара јаныс тура» деп туујызында көдүрүлген темалар ла курч сурактар (О тематике и проблематике поэмы Бориса Укачина «Одинокий домик среди белых снегов»)	176
РЕЗОЛЮЦИЯ	193
ФОТОМАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	196
НАШИ АВТОРЫ	200

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эркемен Палкин является одним из ярчайших представителей поколения алтайской интеллигенции Горного Алтая второй половины XX в., которые внесли неопределимый вклад в развитие как литературы, так и культуры всего алтайского народа. Художественный мир писателя и переводчика Эркемена Палкина включает поэзию, прозу, публицистику, критические статьи, переводы...

25 апреля 2024 года в Научно-исследовательском институте алтаистики им. С. С. Суразакова состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя и общественного деятеля Эркемена Матыновича Палкина. Организаторами конференции выступили Министерство образования и науки Республики Алтай, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова и Горно-Алтайский государственный университет. Мероприятие прошло в рамках Десятилетия науки и технологий в России.

В работе конференции приняли участие ведущие ученые-исследователи, специалисты, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты научных учреждений и высших учебных заведений Республики Калмыкия, Республики Тыва, Республики Хакасия, Республики Башкортостан, Республики Удмуртия, Республики Бурятия, Республики Кабардино-Балкария, Республики Алтай. Всего на конференции было представлено 38 докладов.

Широкий спектр проблем, рассмотренных на пленарном и секционных заседаниях, а также представленных в стендовых докладах позволил обсудить круг вопросов, связанных с изучением творческого наследия Э. Палкина, проблем переводоведения, литературных взаимосвязей, сравнительно-сопоставительного изучения и языковых особенностей художественных произведений. На заключительном пленарном заседании была рассмотрена и принята резолюция конференции.

В настоящий сборник вошли материалы конференции, а также ряд ранее не опубликованных статей, касающихся творческого наследия писателя. В частности, это доклад Н. М. Киндиковой (1953–2022), сделанный в 2019 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы тюркского литературоведения: история и современность», посвященной

85-летию Эркемена Матыновича Палкина (Горно-Алтайск, 24–26 апреля 2019 г.).

Сборник состоит из двух разделов. Первый раздел сборника «Наследие Эркемена Палкина в современном осмыслении» включает исследования об исторических путях формирования личности, творческого наследия писателя, его роли в развитии алтайской литературы, особенностей художественной лаборатории и авторской стратегии писателя. Основная тематика статей посвящена поэтике лирических произведений Э. Палкина, различным аспектам его прозы, проблемам междисциплинарных исследований. Второй раздел – «Творческая индивидуальность писателя в контексте национально-художественных традиций» – объединил статьи, касающиеся актуальных проблем развития региональной литературы и современного литературного языка, основных теоретических проблем и прикладных аспектов осмысления авторского художественного мира, методологических принципов изучения художественного текста, осмысления роли личности в развитии литературных процессов в истории и современности и т. д.

Научное мероприятие, посвященное творчеству Эркемена Матыновича Палкина, стало необходимой платформой для обсуждения актуальных проблем тюркских литератур и культур на современном этапе, а также позволило наметить новые и перспективные пути изучения творческого наследия талантливого писателя и переводчика.

Редколлегия

НАСЛЕДИЕ ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА В СОВРЕМЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ

УДК 821.0 (821.512.151)

М. С. Дедина

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ПОЭЗИИ ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА

M. S. Dedina

THE NATIONAL IMAGE OF THE WORLD IN THE LYRICS OF ERKEMEN PALKIN

Аннотация. В статье рассматривается художественное отражение и авторское восприятие образа мира в лирике Эркемена Палкина. Базовыми для мировоззрения поэта стали обычаи и обряды алтайского народа, соблюдение которых воспринималось им как неперемное условие гармонии бытия. Лирический герой поэта, плоть и кровь родной земли, глубоко уважает и почитает вековые законы рода и народа, что актуализирует в его поэзии мотив памяти, проявляющийся в связи поколений и в понимании важности сохранения наследия предков.

Abstract. The article examines the artistic reflection and the author's perception of the image of the world in the lyrics of Erkemen Palkin. The customs and rituals of the Altai people became the basis for the poet's worldview and worldview, the observance of which is perceived by him as an indispensable condition for the harmony of being. The lyrical hero of the poet, the flesh and blood of his native land, deeply respects and reveres the age-old laws of the family and the people, which actualizes the motive of memory, manifested in the connection of generations and the preservation of the heritage of ancestors.

Ключевые слова: алтайская литература, Эркемен Палкин, лирика, образ мира, мировоззрение, традиция.

Keywords: altai literature, Erkemen Palkin, lyrics, image of the world, worldview, tradition.

Понятие национальный образ мира в последние десятилетия становится одной из интересных и актуальных тем, связанных

с национальным духовным развитием и самоопределением. Наиболее продуктивным нам видится культурно-эвристический подход Г. Гачева, который пытался «понять национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник...) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции – иные». Своей целью исследователь ставил «явить взаимную дополнительную, как бы разделение исторического и культурного труда между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли. Возлюбленная непохожесть – этим дорожить надо, это наша общая ценность. Ценить надо то, что не я и не мы, а значит, знают и умеют то, что восполняет мое уникальное тоже умение и понимание...» [1, с. 6]. Исходя из этого, несомненно то, что национальное мировидение и миропонимание в творчестве каждого писателя имеет общие и специфические черты, поскольку, каждый творческий человек, безусловно, индивидуален. В связи с этим в художественном произведении, а также в творчестве определенного писателя особенный интерес представляет изучение индивидуально-авторской картины мира как проявления своеобразной художественной рецепции. Во-первых, «национальная картина мира как особое взаимодействие человека с окружающим его миром представляет собой систему сведений, знаний, представлений о мире, которые заложены в мифологии, философии, языке, этнологии, фольклоре каждого народа» [2]. Во-вторых, преломление той самой национальной картины мира в творческом процессе, особенно в поэзии, где, по В. Кожинуву, присутствует сочетание «творчества и мастерства, дарования и искренности»¹.

Таким образом, в лирическом тексте преломляются и сосуществуют как общие, так и индивидуальные черты миропонимания и мироотражения, точка соприкосновения которых рождает в поэзии особый национальный образ мира. С. Каташ считал: «Творческим импульсом для поэтов и прозаиков

¹ «Существуют определенные наследственные задатки, врожденные свойства высшей нервной деятельности и особенности человеческого восприятия, без которых человек вообще не сможет добиться значительных достижений в поэтическом творчестве» [13, с. 13].

Горного Алтая является не только самобытный фольклор, но и первозданная природа Алтая и люди, которые являются героями их произведений. / Почти каждая гора связана с мифотворчеством алтайского народа, что ни река – то поэтическая легенда или сказка. Достаточно сослаться на поэтические образы «золотокошой» Катунь – славной дочери Алтая или воспетого многими поэтами легендарного Золотого озера – Алтын Кӧл. А знаменитые Чуйский тракт, Ёч-Сӱмер – Белуха, ставшие алтайской Меккой! Все это не может не волновать, не может не вдохновлять литераторов Горного Алтая!» [3, с. 5]. Нельзя не согласиться с новосибирскими этнографами, которые, исследуя категории пространства и времени в традиционных культурах народов Южной Сибири, утверждают, что реальные и мифопоэтические представления о мироздании здесь связаны неразрывно. При этом, «сопричастность земного бытия небесным, космическим сферам – одна из ведущих тем мифопоэтического сознания. К сожалению, эти темы перелагаются на язык современного мышления лишь в самых общих чертах. При этом неизбежно теряются оттенки, нюансы. Мифологическая мысль подчас переводима лишь на язык поэзии – в силу глубинного родства обоих явлений» [4, с. 16].

В истории алтайской литературы особое место принадлежит творчеству Э. Палкина. Он относится к первой волне алтайских писателей, выпускников Литературного института им. М. Горького, а также продолжателем традиций активно развивающейся в 1950-е гг. (время его вступления на писательский путь) алтайской литературы. Творческое наследие поэта включает около двух десятков книг, а жанровая палитра состоит из лирических, публицистических и прозаических произведений. Первый сборник стихотворений поэта «*Янгы кижги*» («Новый человек») был издан в 1956 г. О ранних стихах поэта Владимир Луговской писал: «Эркемен Палкин – один из талантливых людей, которых я встречал за время своей работы в Литературном институте. Необыкновенная наблюдательность, образная мощь, широта раздумий заставляют меня считать этого совсем молодого поэта зрелым литератором. На все у него особый угол зрения, свое слово, своя хватка, причем хватка совсем очень скромная, полная своеобразного достоинства. Он описывает природу кистью широкой и смелой, людей с большой думой и вниманием» [5, с. 3]. Сергей Каташ в своей известной монографии «Эркемен – человек ласковый» (1995) назвал поэта «певцом родной

земли, новой жизни, нового человека». «Своими произведениями Э. Палкин как бы приглашает читателя в удивительный мир доброты, в мир настоящей поэзии, в мир сопереживаний с лирическим героем. «Когда земля богата человеком, тогда она действительно сильна» – таков лейтмотив его творчества. Вся поэзия Э. Палкина пронизана любовью, лирическим целомудрием и утренней свежестью» [3, с. 6]. И. Белеков, вспоминая свой разговор с сокурсником Э. Палкина по литинституту Е. Евтушенко, цитирует его: «*Эркемен Палкин – один из лучших поэтов Советского Союза. Вот где настоящая глубинная поэзия! Вот где масштаб народного духа... Хочу побывать на его родине*» [6]. Далее И. Белеков, пишет: «В нашем восприятии триединство современной поэзии в лице Рождественского, Евтушенко и Вознесенского олицетворяло собой патриотизм, гражданственность и вечный поиск. И у нас в алтайской литературе складывалось такое же триединство в лице Палкина, Адарова и Кокышева. Их называли даже «тремя алтайскими мушкетерами». Но я бы этот обобщенный народом образ разделил. Лазарь Кокышев в моем представлении человек-вулкан, который всегда был заряжен на творчество. Аржан Адаров – это человек-скала, такими прочными и основательными были его убеждения. А Эркемен Палкин своего рода человек-долина. Его открытость и природная деликатность была просто поразительной» [6].

Следует отметить, что ранняя лирика Э. Палкина, отвечая требованиям своего времени, не отходя от канонов соцреализма, в то же время, имеет фольклорно-мифологическую основу. Мифопоэтический контекст произведений поэта по своей природе отражает авторское понимание величия и красоты, сакральности родной земли. Безусловно, определяющим здесь стали традиционные символы-маркеры Алтая, своими корнями восходящие к мифологическим представлениям народа. К примеру, в стихотворении с символическим названием «*Эзен!*» («Здравствуй!») художественное пространство выстроено согласно традиционной модели мира: в вертикальном (небо, птица, островерхая вершина горы...), и в горизонтальном (шоссе, сенокосные поля, Катунь, аржаны...) направлениях.

Для лирического героя Э. Палкина характерно понимание кровнородственной связи с родной землей. «*Эне јалангым, ада кырларым, / Слерди чын сүүрге үрендим. / Таныш јолло эмди*

барадырым, / Санаама једерим деп кожондойдым» [7, с. 4–5]. Лирический герой ранней лирики поэта, наслаждаясь единением с родными просторами, все же стремится к новым далям: «*Кайдаар да ыраак, ыраак учарга / Энчикпей ајыктайдым чанкырды* (Куда-то далеко, далеко желая улететь, / С нетерпением смотрю в синеву (неба)» [7, с. 3]. Однако в отдалении от родины чувство любви и преданности к ней только усиливается.

Герой раннего Э. Палкина близок самому автору. Часто это студент, вернувшийся из «дальних дорог» (в образе которых подразумевается, в том числе и Москва) в родные края. Он смотрит «другими» глазами на родную землю, отмечает положительные изменения в жизни людей («*јангы јүрүм*»). «*Москва биске јерибисти сүүтирген, / Кажыбысты ла сакыйт чыккан јерибис ...*» [7, с. 6].

В стихотворении «*Менин ойум*» («Мое время») из первого сборника стихов поэта, лирический герой погружается в философские размышления об испытаниях, выпавших в прошлом на долю его народа. В то же время он рад, что его поколению посчастливилось жить в другую эпоху, в эпоху мира и дружбы между народами. В стихотворении «*Корум*» («Курган»), вслед за седым профессором, производящим раскопки, он с трепетом ожидает увидеть тайны прошлого, сокрытые в этих древних курганах.

*Алтайдын јылыјган озогы бүдүјжи
Будыстын алдында деп билбегенис [7, с. 8].
Мында шүүлтелер, јенүлер көмүлген!
Корумнан кожондор угулгандый бодолот,
Ой јеткен! Ончозы кодорылзын,
Ончозы чыгып, күнге көрүнзин.
Ой јеткен, Алтай куучындазын,
Оны телекей сонуркап билзин! [7, с. 9].*

Одной из вершинных в творчестве Э. Палкина стала его поэма «Амыр», ознаменовав творческую зрелость поэта. Это была его дипломная работа и В. Луговской, руководитель творческого семинара курса, о ней писал так: «Прекрасное дарование Эркемена Палкина лучше всего выражено в поэме «Амыр». О чем эта поэма? Даже трудно рассказать о чем. Студент приезжает на родину, в Горный Алтай. Он много наблюдает, горюет, знакомится, влюбляется, расстается – это целая цепь раздумий о судьбе своей родины, о ее природе, о своем народе, любовное истолкование

обычаев старины. Вообще, эта поэма о становлении молодой горно-алтайской интеллигенции» [5, с. 4]. В. Куницын писал, что «Амыр» – это «маленькая поэтическая энциклопедия жизни алтайского села, первая реалистическая поэма в алтайской литературе. Здесь заключены некрасовский метод изображения и показа народной жизни» [8, с. 5].

В поэме присутствует несколько топосов, различных и по образному наполнению, и по восприятию, и по лексико-семантическому выражению. Прежде всего, это Горный Алтай и Москва. Последняя у поэта в большей степени представлена как фоновое пространство, воплощающее величие, красоту, мощь, множество возможностей, знакомств, впечатлений и т. д. Горный Алтай представлен мозаичным набором топосов, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку. В то же время они объединены единым собирательным образом «своей» земли.

В центре художественного пространства – дорога, с одной стороны изображенная как реальный путь, а с другой, репрезентованная в широком понимании как судьба. Открывает повествование образ железной дороги и поезда, стремительность движения которого ассоциируется у поэта с ветром, с переменами:

*Мен эмди де макалу јоруктаарым,
Кӧп јерлерди кӧрӧрим, билерим.
Эмди де кӧп эзиндӧ јуртаарым,
Эмди де кӧп ӧзӧрим, ӧзӧрим* [9, с. 241].

Хронотоп дороги, продолжая движение, трансформируется в шоссе, а лирический герой мчится уже не на поезде, а на машине. Очевидно, что это дорога из Бийска в Горно-Алтайск, что подтверждается композиционной структурой произведения.

*Кӧригер, кырларым кӧрӧнди, макалу!
Кӧӧркиј эзин кӧӧлеп келет.
Тан адын, туман ӧзӧктӧ кайылат.
Туулар ыракта тымык кӧгӧрӧт.
Шонкор айланым, айланым учат,
Тенгери чанкыр мааныдый кӧрӧнет* [9, с. 242].

Следующим узнаваемым топосом, становится Горно-Алтайск. Здесь возвышенно патетический тон, избыточные восклицательными знаками, длинными в большинстве своем 10–12 сложными строфами, вдруг сменяется на размеренный, спокойный

песенный лад, с преобладанием традиционной 8 сложной строфы.

*Кичинек город јажарым,
Ичиме кару билдирет.
Јангы туралар кӧзиме
Јакишы эттӧ кӧрӧнет.
Јолуккан улус кандый да
Солун, солун кӧрӧнет.
Алтай балдар, кӧӧркијлер,
Араай мениле эзендежет* [7, с. 243].

Далее, сужаясь, пространство ограничивается стенами родной для лирического героя школы.

*Јус ӧзӧктин балдарым
Јууп јуреткен школым.
Кӧп сууларды бириктирген
Кӧл бодолду школым* [7, с. 245].

Размеренный ритм, неторопливость повествования сочетается с неторопливыми шагами Амыра, провожающего понравившуюся на праздничном вечере девушку. Этот путь (проводал он спутницу на окраину, на гору), имеет двустороннее направление.

*Карангуй серӧӧн тӧн турды,
Кысты Амыр јӧйдейти.
Јуредӧ, Москва керегинде
Јзе-ончозын куучындаиты.
Амыр: «Айлыгар кайда?» – деди.
Кыс: «Бӧраак кырда» – деди* [9, с. 247].

Если в одну сторону шли двое, то возвращается Амыр один и мысли его заняты другой девушкой, из «другого» мира, из Москвы («Кыс ыраак јылдыстыј / Јӧрегинде кӧйӧн јат»).

И следующая картина – вновь ритмичное движение и дорога, мчащаяся вдоль Катуня, Чуйский тракт. И здесь машина обретает черты фольклорного аргымака, присутствует образ эпической вещи кукушки.

*Кей таманду машина,
Кандый јымжак јеледин!
Торко јндӧ ӧткӧн кӧӧк,
Токтобой не эдедин?* [9, с. 250].

Вспоминает Амыр о брате, рано погибшем на войне, но жизнь продолжается в нем.

Алтай жеримнин кырлары

Удура уткуп келгилейт.

Алдында жүрүмди ойгозып,

Удура санаалар келгилейт [9, с. 250].

Он представитель своего рода и народа, плоть и кровь этой земли. Очень тонко и деликатно автор раскрывает своего героя, окружающих его людей, его земляков. К примеру, психологически эмоционально и сдержанно ведет себя мать, настороженно вглядываясь в сына, год прожившего, «росшего» на чужбине.

Онын кебери, куучыны

А что он скажет,

Ончозы солун болды.

как поставит слово –

Нени эмди ол айдар,

как мальчик или взрослый
человек?

Неле ол сонуркадар?

– Здоровье как?

Жүрүм керегинде нени айдар?

Как жизнь? – Амыр с
вопросом.

Жүрүмимди, байла, сураар.

А жизнь в глазах –

Айса жангы кижидий,

не спрячешь за спиной.

Аайлу-баишту куучындаар.

Журчат слова –

Айса эмдигинче уулчактый,

Не кедр черноволосый

Алгыс-телгис каткыраар...

беседует с задумчивой

луной

[7, с. 39].

[10, с. 187;

пер. Д. Блынский].

В сцене встречи матери и сына показана вся народная деликатность, эмоциональная сдержанность.

Бистин жаан улустар

У нас при встрече

Лолыгып, качан тушташса,

взрослых не целуют

Окшожып, жыташпайтан,

и только молча руку подают,

Он колдордон тудужатан.

сожмут ее, глядят в глаза,

Бош күлүмзирениши ажыра

как в совесть

Бойлорын билижетен.

[10, с. 186; пер. Д. Блынский].

Эмеш ичте токынаганда,

Эрмек-куучын төгүлетен...

[7, с. 39].

Особое место в лирике Э. Палкина занимает хронотоп свадьбы – «той», всегда связанной с философской темой судьбы, традиций и индивидуального выбора. Уже в первом сборнике поэта присутствует стихотворение «Тойдо» («На свадьбе»), в котором

уверенно заявлен мотив долга и ответственности, проблема самореализации. Благодать и изобилие народного праздника по контрасту сравниваются с тяжестью груза, который лежит на лирическом герое:

Колхозчылар кожоны

Песня колхозников звеня,

коолоп,

Дремлющие горы

Кырларды ойгозот,

разбудила, встрепенула.

көкүдет.

Белеющие от лунного света

Булуттар айга агарып,

облака,

Карын-жуудый көрүнөт.

Словно нутряной жир

смотрятся [7, с. 12]¹.

С одной стороны, герой Э. Палкина понимает важность свадьбы, как перехода в иной статус, поскольку именно в создании семьи и в продолжении рода традиционно заложено зерно будущего. При этом, данный мотив у писателя всегда связан с единением, с полнотой жизни, которая у него заключается в гармонии, залогом которой в свою очередь становится любовь.

Лирический герой поэта понимает, что существует множество вариантов самореализации. К примеру, в стихотворении «Бүгүңги күң» («Сегодняшний день») он восклицает:

Айландыра көрзөм,

Смотрю вокруг, всюду

ончозы жыргалда.

праздник.

Нөкөрлөр токуналу

Друзья мирно улыбаются.

күлүмзиренип жүрөт.

Кто-то свадьбу играет в

Кезиктери той эдет

тайге,

тайгада,

Вторые радуются, что они в

Экинчилери черүде бис деп

армии.

сүүнөт.

Третьи, возложив на плечо

Үчүнчүлери жардында маска

молот,

жүктенип,

Движутся каждый день по

Таштарла ичкерлейт күнүң

скалам.

күңге.

Все, достигнув рано цели,

Ончолоры амадузына эрте

Видятся мне

јединип,

умиротворенными [7, с. 39].

Сүүнчилү токунагандый

көрүнөт меге.

Однако не менее важным видится для поэта и саморазвитие, стремление к другой реальности, которую открывает новое время:

¹ Здесь и далее, если не указан переводчик, смысловой перевод наш.

*Меге көп иштенерге керек,
Ойлөр мени кезедет.
Онын учун эдетен ижжим
Бараткан коштый
бодолот.*

Мне нужно много работать,
Время меня не щадит.
Поэтому моя работа,
Словно тяжелая ноша
[7, с. 12].

Эта тема становится доминантной для размышления в поэме «Амыр». Одной из ключевых здесь является сцена алтайской свадьбы. С одной стороны, автор развивает ту же мысль, что и в стихотворении «Той» о долге, о важности и значимости традиций и законов рода, соблюдаемых издревле. С другой же стороны, подчеркивается неизбежность перемен в жизни общества.

В этнографической зарисовке обрядов и обычаев, отражающих красоту и сакральность народного праздника, особая роль отведена пожилым сельчанам, мудрецам. В аиле, где собрались уважаемые и почитаемые представители села, начинается разговор о жизни и о бытии. В центре повествования фигура Акай, в котором автором воплощен образ пожилого и уважаемого старца. Именно через него писатель передает мысль о преемственности между поколениями, о памяти, о творчестве. Акай дарит Амыру икили¹, когда-то полученный от старого сказителя. В ту пору он и сам был молод, как Амыр, и тогда он услышал от седого кайчи следующие слова:

*Аргалу ишттер эмтиреер,
Алдаарда көп жылдар бар.
Учы-түбин кем билер,
Учы та кандый бол калар...
Чинем чыгыт, карыдым,
Чирик тыттый жегилдим,*

Вы сильные юноши,
Много у вас впереди лет.
Кто же знает,
что будет в конце.
Состарился я, изнемог.
Словно трухлявая
лиственница, полегчал.

*Куу тумандый удабас
Кунугып кайылып каларым.
Сыным сергиткен икилимди*

Словно сизый туман скоро,
С грустью растворяюсь.
Облегчавшую душу
мою икили

*Сыйлап берейин балдарым.
Айткан сөзи бу деп,*

Подарю я вам, дети мои.
Сказанное его слово это,
говоря,

*Алып жүрзегер, уулдарым.
Тынду кижидий, оны слер
Таштабай алып жүрзегер.
Ээзи онын болгон деп,
База айдын жүрзегер...*

Пользуйтесь, сыновья мои.
Словно живого, его вы
Не оставляя, берегите.
Был у него хозяин, говоря,
Тоже говорите...

[9, с. 291–292].

¹ Алтайский национальный музыкальный инструмент [16, с. 234]

смычковый двухструнный

«Доминантной мыслью поэмы становится то, что каким бы ни было мучительным расставание со своей малой родиной, но оно необходимо для дальнейшего развития. Невозможно, по мысли автора, вечно оставаться в родной колыбели: учеба в Москве, знакомство с другими людьми, культурой иных народов позволяет шире взглянуть на мир, дает другие возможности для творчества и для работы» [11, с. 126].

Мифопоэтический контекст лирики Э. Палкина в поздний период отличается стремлением к философским обобщениям, обретает эсхатологические черты. Не случайно сборник поэта, вышедший из печати уже после его ухода из жизни, готовившая к изданию супруга поэта, Р. Палкина назвала «Энебис јер, адабыс күн» (1991). В данный сборник вошли стихотворения зрелого периода, написанные в 1980-е, в 1990-ом гг. Традиционное мифологическое понимание мира остается центрообразующей, но меняются смысловые акценты, тематическая доминанта. Лирический герой поэта здесь уже зрелая личность, жизненный опыт которого только прибавил вопросов. Не случайно он восклицает:

*Јүс те јаш – ол кандый ас!
Јүрүмис – кыска, көк – ак айас.
Канайып оны элбедер, узудар?
Кандый ырыс, салым табылар?.. [12, с. 7].*

Все сильнее у поэта звучит мотив не сказанного, не сделанного, не совершенного... В связи с этим в позднем творчестве поэта наблюдается тяготение к элегии, а также к лиро-эпической форме, к циклизации. К примеру, это такие произведения, как «Ангыр», «Кара көстү эликтер», «Койон», «Кый темдек», «Јай. Больница. Москва» и т. д. Отдельного внимания заслуживает стихотворение «Аржан», написанное в феврале 1991 г.

Таким образом, лирика Э. Палкина, отражает художественные и философские искания поэта, гражданина, общественного деятеля... Глубоко народная в своей основе, от раннего периода творчества к зрелости, она свидетельствует о развитии и эволюции мастерства писателя, о трансформации его мировоззрения от фольклорно-песенного начала к нравственно-философским обобщениям.

Источники и литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – 432 с.
2. Матуева А. Б. Взаимодействие культурных и этнопоэтических традиций в национальной картине мира бурятских поэтов 1960–1980-х гг. (лирика Д. Ултызуева, Ц.-Д. Хамаева): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Б. Матуева; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2011. – 26 с. – Библиогр.: С. 24–26. – Место защиты: Бурятский государственный университет. – Текст : непосредственный.
3. Каташ С. С. Эркемен – человек ласковый. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1995. – 100 с.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1988. – 225 с.
5. Луговской В. Эркемен Палкин // Палкин Э. Родной край. – М., 1976. – С. 3–4.
6. Белеков И. И. В поэзии нет карьеры, есть судьба // Звезда Алтая. – 2014. – 16 февраля. Режим доступа: <https://zvezdaaltaya.ru/2014/02/v-poezii-net-karery-est-sudba/?ysclid=lvbtikhqui571239273>
7. Палкин Э. Яны кижы = Новый человек. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд.-во, 1956. – 44 с.
8. Куницын В. «Нам надо расти, обгоняя года...» // Палкин Э. Нам надо расти, обгоняя года... Стихи, поэмы. – Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2014. – 216 с.
9. Палкин Э. М. Белые цветы: Стихи и поэмы. Избранное. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1984. – 404 с.
10. Палкин Э. Нам надо расти, обгоняя года... Стихи, поэмы. – Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2014. – 216 с.
11. Дедина М. С. Художественная картина мира в лирике Эркемена Палкина // Языки и литературы народов Горного Алтая: международный ежегодник 2016. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. – С. 124–129.
12. Палкин Э. М. Земля – мать, солнце – отец: Стихи и поэмы, переводы. Сборник стихов. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1991. – 136 с.

13. Кожин В. В. Как пишут стихи / О законах поэтического творчества. – М.: Алгоритм, 2001. – 320 с.

14. Киндикова, А. В. Национальная картина мира в современной алтайской литературе / А. В. Киндикова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023 — Т. 14 — № 3 — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/55FLSK323.pdf> DOI: 10.15862/55FLSK323

15. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. – Челябинск, 2002. – 191 с.

16. Алтайско-русский словарь. – БНУ РА «НИИ алтаистики им.С.Суразакова. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.

© М. С. Дедина, 2024

УДК 821.0 (821.512.151)

Н. М. Киндикова¹

Э. ПАЛКИННИН ЛИРИКАЗЫ: ЁЛГЕРЛЕШТИН АНГЫЛУЗЫ ЛИРИКА ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА: ОСОБЕННОСТИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

N. M. Kindikova

LYRICS BY ERKEMEN PALKIN: FEATURES OF VERSIFICATION

Аннотация. В статье речь идет о порядочном, скромном, интеллигентном человеке, духовном лидере алтайского народа – писателе Э. М. Палкине. Подчеркиваются особенности стихосложения лирики Э. Палкина: начальная и конечная рифма, пауза внутри стиха, 11–12 сложные строки поэта. Предлагается установить памятник классикам алтайской литературы второй половины XX века.

Abstract. The article is about a decent, modest, intelligent man, the spiritual leader of the Altai people – the writer E.M. Palkin. The features of the versification of E. Palkin's lyrics are emphasized: the initial and

¹ Доклад был подготовлен ко Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы тюркского литературоведения: история и современность», посвященной 85-летию Эркемена Матыновича Палкина (24–26 апреля 2019 г.), прошедшей на факультете алтаистики и тюркологии ГАГУ.

final rhyme, a pause inside the verse, 11–12 complex lines of the poet. It is proposed to erect a monument to the classics of Altai literature of the second half of the twentieth century.

Ключевые слова: лирика поэта, особенности стихосложения, начальная и конечная рифма, 11–12 сложные строки, строфа.

Keywords: the poet's lyrics, features of versification, initial and final rhyme, 11–12 complex lines, stanza.

Уткуул сөс.

Эзендер, билим-практикалык конференциянын туружаачылары, айылчылар, Раиса Атвасовна, Александр Матынович, Э. М. Палкиннинг најылары, кычыраачылары, үредүчилер ле үренчиктер, ГАГУ-нын катчылары (преподаватели) ла студенттери, магистранттар ла аспиранттар. Ыраак Жоло журттан келген Э. Палкиннинг жерлештерине ле төрөөн-туугандарына жаан быйан. Бу конференцияны бис текшироссиялык деп темдектегенис, же бүгүнгү айалгада билимчилер јол-јорукка атанып болбой, бичиктери ле бичимелдери учун бойы төлөп турган учун, көбизи келип болбоды, же статьяларын аткарган, оны бис үнделте кычыраарыс, јуунтыда элбеде жарлаарыс.

Шинжүчилер ле бичиичилер бирлик колбуда. Бичиичилердин толун жажыла (круглая дата) колбой белетелген бичиктер кепке базылып чыгат [1, 2]. XXI-чи чак башталарда, литературанын билимчилери «Алтай литературанын түүкизин» (2004, 2008) орус ла алтай тилле кепке базып чыгарган, анда Алтайдын эрјинези болгон атту-чуулу классиктердин јайааны толо көрүлген [3]. Оны ээчиде билимчилер үч жаан сурак шиндеген: кееркедим көчүрменин айалгазы, айдуга айдаткан ла аттырткан чүмдеечилердин салымы ла энчизи, јууда турушкан бичиичилердин биографиязын ла энчизин јангырта шиндегени ле оног до өскө [4–8].

Туулу Алтайдагы Бичиичилер биригүзинин 60 жылдыгы быжыл темдектелген, алтай бичиичилердин узак јылга каруулу качызы болгон бичиичи Э. М. Палкиннинг, РСФСР-дин культуразынын ишчизинин, эл-јондык чүмдеечинин 85 жажы толгон. Бу сүрекей учурлу байрамдарла колбой, Алтай Республиканын төс калазында литературалык музей төзөлөр эмезе чүмдеечилердин кереес аллеязы ачылар керек болгон. Не де эдилбеди. Андый музейлер ончо республикаларда бар: Якутияда, Тывада, Хакасияда. Керек

дезе, кажы ла бичиичиге тангынан музей төзөлгөн. Ненин учун бисте бу сурак курч туруп јат дезе, XXI-чи чактын башталганында көп бичиичилер, алтай литературанын классиктери јүрүмнен јүре берген. Олордын энчизи ајару јок арткан: бичиичинин көмзөзи, кере бичиктер, колбичинтилер ле эдинген-тудунган бичиктери, кепкийими. Карын, Раиса Атвасовна Палкинадый, Эмилия Ивановна Каинчинадый, Раиса Дмитриевна Суркашевадый эпшилер эжинин энчизин кичееп ле корулап турганы учун ологро быйан айдадыс.

Экинчизинде, эрјинедий үч чүмдеечиге туку качан кереес тургускадый болгон. Онын төзөлгөзи – јурукчы И. И. Ортонуловтын триптиги. Је калганчы өйдө бу сурак кемге де керек јок болуп барадыры. Керек дезе, конференция да өткүрери күчке келижет. Гранттын акказыла өткөн јылда прозачы Д. Б. Каинчинин, поэт ле көчүреччи В. Т. Самыковтын 80 жажын темдектеп, ологро учурлай јуунтыны кепке базып чыгарганыс [9, 10]. Өрө айдылган курч сурактарды ойтодон орныктырар учурыс бар. Ненин учун дезе, јаны үје өзүп јат, атту-чуулу бичиичилериле ологро оморкоор учурлу.

Эркемен Палкинди эзедип...

Эрке-эрке јүректү Эркемен Матынович Палкинге мен эмдиги јетире быйанду јүредим. Ненин учун дезе, Горно-Алтайсктагы госпединститутта мен критиктердин кружогына јүрүп (оны С. М. Каташев башкаратан), кыскачак кычырымдар (отзыв), элгештирим (рецензиялар) бичийтем. Оны бичиичилер одузы шүүжип те турар өй болгон, јиит критиктердин семинарында туружатам. Институтты божодоло, мен ыраак Шыргайты журтта үредүчи болуп иштегем. Не дезе, эки јылдын бажында мени педагогика аайынча үредүге ийерге пландаган деп кийнинде профессор Н. Н. Суразакова айдатан.

Бот, анайда ол тушта јолдон туура јерге једеле, тын ла иштенерге турзам, октябрь-ноябрь айда Бичиичилер биригүзи алдырткан, телеграммала бедиреп, мени тургуза келзин деп. Үренчиктеримди арттыргызып салала, Горно-Алтайск калага келзем, Москвада, чокумдап айтса, Малеевака јиит критиктердин Бастырароссиялык семинары өдүп јаткан, ого мени барзын дешти.

Алтайдан бир кижери керек деерде, учтым ла, јеттим ле. Көрөр болзо, анда ады јарлу литературоведтер, критиктер јуулган. Кажы ла республикадан бир кижиден келтир. Бир недеlege бисти канайда критика бичиирине үредип јат, лекциялар кычырган улустын

тоозында атту-чуулу литературовед Ю. Боров те болгон. Онон келеле, мен альманахта толо жетируу эткем [11].

Кийинде мен критик те болбодым, үредүчи де болбодым, ол тушта Горно-Алтайсктагы научно-исследовательский институтка (кыскарта ГАНИИЯЛ) ишке кычырган, литературанын секторында Раиса Атвасовна Палкина иштеп турган. Байла, ого мени Эркемен Матынович айдып берген деп бодойдым. Онойып мен литература шиндечинин жолун талдап алгам.

Же Москвада ИМЛИ-де стажировкада болорымда, литературанын секторынын планыла мени жайгы өйдө бичиичилер керегинде материал жуузын деген. Анайда мен баштап ла Жоло журтка једип, Э. Палкиннин ада-энезиле, төрөөн-туугандарыла, јерлештериле туштажып, көп солун јетирүүлөр жууп алгам. Чынын айдар болзо, «Аланды» кычырала, мен Эркемен Матыновичти ада-энези јок кижиде деп бодогом. Журтка келер болзо, карганактар агаш чадырында экүлезиде отурлаары. Ол меге эн баштапкы ачылта ла үредү-ченелте болуп арткан. Ол тушта мен баштапкы катап јүрүмде чын керек (жизненная правда) ле литературада кееркедим учуралды (художественный вымысел) ылгаштырып баштагам. Онон улам ойто такып «Јангы кижиде» (1956), «Төрөл улус» (1958) «Јангы өй» (1960) деп бичиктерин кычырып, «Амыр» деген туујыла оморкойтом. Орустап үч үлгерлик жуунты чыккан эди. Онын экүзиде Москвада: «Такой обычай» (1959), «Родной край» (1976), бирүзиде – Горно-Алтайскта: «Нам надо расти, обгоняя года» (2012). Бичиичинин көзиле төрөл јери, онын улузы канайда јуралганы меге анчада ла јилбилү болгон. Сонында школдын программазыла 8 класстын «Алтай литература» (1983) деп бичик тургузып тура, мен тоолу сурактарла Эркемен Матыновичке база баштангам. Онын каруузы школдын бичигине кирген, ойто такып «Бичигенер јакшы, Эрте» (1997) деп бичикте јарлалган эди.

Эркемен Матынович Палкин – су-алтай эрлердин јакшынак сүр-кеберин керелеген тоомјылу кижиде, јайалталу бичиичиде, элбек көрүмдү эл-јондык ишчиде, јакшынак көчүрөөчиде. Мен оны тооп тура, ол јалакайд, кокырчы кижиде деп ондогом. Андый улусты буурзак, јымжак јүректү кижиде деп айдар. Качан да тарынганын көрбөгөм. Је ол ончо ачуларды, байла, бойында, јүрегинде тутатан. Байла, онын да учун јүреги эрте артап, бу јүрүмнен эрте барган...

Калганчы јылдарда мен оны јангы ла төп эмес, каткычы ла кокырчы кижиде деп көрүп калгам. Најыларынын үниле куучындап, оларды өткөнип кокырлап та турар. Отурган улус онын кокырына јир-каткыда болотон.

Бир тушта ол сөсти Пешперовага берип турум деерде, бис чек кайкап, бу кем болотон дештис. Көрөр болзо, ол онын эжи Раиса Атвасовнага баштанган эмтир.

Бир катап ол литературанын секторына сүүнип, керек дезе јүрексиреп калган келген. Жоло барып келер арга болды деп. Је удаган јок ойто келди, јол-јорык келишпеди деп. Айдарда, Раиса Атвасовна айткан: канадынды кадырдын ба? – деп. Каруу ого јарабаган, је ол арга-јокто токынай берди ошкош. База бир тушта баргайым деп, өскөртө айтса ол, байла, јаныксаган туш болор, јерине једер, ада-энезин көрүп ийер деп. Је јол-јорук өскө өйгө көчүрилген.

Бир катап мен оны Москвада, узун очердейте турганын көргөм. Бойы торт ло бачымдап турган, је магазинге кирер өй јок. Мен айттым, слер баргар, мен турајын, адресин арттыргар. Көрөр болзо, онын жуундап баратканын билип, јени ого замшевий-тере сопог јакыптыр. Ол јылдарда, чындап та, сопог алары күч болгон. Канча өйин кысканып, байа сопогты алган болзо, почтада база очерде. Адакыда мен оны бир сопогты бандерольло, эки башка бандероль эдип, аткарган эдим. Кийинде Жолодо бир таныш эмес кижиде туштајла, сопог учун быйан деерде, билбей тура, арбанарга санангам – андый јаан иштү, јамылу, бош јок кижиге слер не чаптык эдип тураар деп. Је унчукпадым. Не дезе, ол тушта Э. Палкиннин «Башка-башка очердејтер керегинде» (1972) деп үлгери эске кирген.

Бүткүлинче көрзө, Э. М. Палкин – алтайлардын ады-чуузы јарлу, тоомјылу улузынын бирүзиде болуп јат. Кылык-јаныла төп, јалакайд, буурзак кижиде деп айдар, орустап айтса, оны «порядочный, скромный, интеллигентный человек, духовный лидер алтайского народа» деп айдар. Кычыраачыларына сүүнчилер үлештирген чүмдечиге, онын сөстөриле, «кижинин јакшызы күн јаркынды» болгон кижиге мен эмдигенче ле јаан быйанду јүредим.

Э. Палкин – алтай үлгерлештин узы

Беженинчи јылдардын учында алтай литературанын агынына үч профессионал үлгерчи кожулган. Олордын үлгерлеји бой-бойынан чокум аныланып туру: Л. Кокышевте кожон кептү, частушкага түней, кокыр-каткылу ла онон до өскө; А. Адаров

санаага алдырткандый терен шүүлтөлөрлү үлгерлер; Э. Палкин десе су-алтай көрүмиле солун үлгерлешке жайылган. Үлгерлеш (стихосложение) дегени – ол угаштыру, токтоду, мадак ла ошон до өскө эжилер.

Бойынын ойинде мен онын элегия деп жанрын анылап шиндегем, билим биографиязын орныктырарга ченешкем [12, с. 74–76]. Бу тушта онын үлгерлежине аяру эдейин, ненин учун десе, шак бу сурак – алтай литература билимде терен шинделбеген сурактардын бирүзи. Экинчизинде, жаны чүмдеп тургандар шак бу суракка аяру этпейт. Айдарда, тундештирү эп-арга тuzаланып, Э. Палкиннинг үлгерлежине аяру эдели. Летенинчи жылдарда бу суракты шинжүчи С. М. Каташев көргөн [13]. Сибирь талада десе Н. Тобуроков – Якутияда, У. Донгак – Тывада, С. Майнагашев – Хакасияда ла ошон до өскөлөри түрк үлгерлешти ширтеген. С. М. Каташевтин анылаганыла, орус үлгер силлабо-тонический эжиле тургузылган болзо, түрк үлгерлеш силлабикага келижет. С. М. Каташевтин сөстөриле, «алтай үлгердин ритмиказы, силлабика система тургузу аайынча төзөлгөн. Ритмика үлгерлик жолдордогы үйелердин тоозы бой-бойына туней болбой, жүк ле келижип те турганда табылат (7–8 үйелу)» [13, с. 40]. Темдек эдип, алтай кожонды тындайлы:

Кадынды төмөн кас келди,
Канады төзи бош келди.
Кайран Алтайды сананып,
Кара көзимнен жаш келди.

Жолдык 8 үйеден турат. Мындый эжиле көп алтай үлгерчилер чүмдеген: Ш. Шатинов, А. Ередеев, Б. Суркашев ле ошон до өскөлөри. Алтай үлгер десе 4–12 үйелү де болор аргалу. Темдек эдип, туку 1950-чи жылдарда чүмделген Э. Палкиннинг «Энем» деген үлгеринин бир мадагын тындайлы. Баштамы угаштыру эжерлү, учында угаштыру эптү угулат, жолдык 7 үйелу:

Күнүн ле мен энемди
Күнле кожо уткыйдым.
Кандый жүрүмдү болгонын
Катап эске аладым.

Орус үлгерлеште аллитерационный ла ассонансный рифма болзо, алтай үлгерлик жолдыкта үйелик угаштыру бар: өрөги мадакта ку/ка деп үйе баштамы угаштыруда чике угулат. Үлгердин учын тындаза, учындагы угаштыру база солун: «чечек/ кинчек; кебери / тенери»:

Омок жарык сөстөрдү
Ороонло кожо айткандый.
Жаан тынып, сананып,
Жаны ойди баштагандый.

Өскө үлгерди алза, баштамы угаштырудан башка, учындагы угаштыру база солун: «чечек/ак чечек»; «кебери/тенери»:

Өзөк ичи – ак чечек,
Өзөгиме не кинчек.
Жалакай кыс кебери
Жап ла жаны тенери.

Үстине «өзөк ле өзөгим» деп эжерленген үйеден турган баштамы угаштыру болуп туру. С. Каташевтин бүдүмжилегениле, баштамы угаштыру туней табыштан турбай жат, үйеден башталат. Онын сөстөриле, «үлгердин ритмиказын төзөөринде жангыс ла туней тоодон бүткен үлгерлик жолдордын үйелери туружып турган эмес, же токтодулар, туней угулар табыштар, интонация-күрмелиш үлгердин күүзин база тындып жат» [13, с. 40–41]. Темдектезе, Э. Палкин 1959 жылда чүмдеген үлгеринде мынайда угаштырып туру:

Эдил күүги жанкылдап,
Энке-тонко жай келди.
Ак чечеги жайылып,
Арка ичи кениди.

Эжерленген баштамы угаштырудан башка, үч угаштыру анылу. Мадактагы жолдыктар 7 үйелү. Бириктире көрзө, бу «жай келди» деген үлгерде ак чечектерлү Алтайдын жаранып келген сүр-кебери журалган. Үлгерчинин 50 жажына учурлай белетеген жуунты анайда тегинде адалбаган. Поэт озо чүмдеген үлгерлерин жангырта жазап, кажы ла мадакты келиштире угаштырулап, жолдыктарды эптеп жазаган болтыр.

Ак чечектер сүүген поэтин үлгерлеринде ненин учун кара мөштин сүр-кебери туштайт? Б. Укачин мөшти Алтайдын сүр-темдеги деп үлгерлерген: «Мен – Алтайда өскөн мөнүн мөштин мөнкүлик бүри!». Үлгерчи Э. Палкин десе, «Кый темдек» деп үлгеринде Алтайды үстинен төмөн, бийиктен көрүп, онын сүр-кеберин, чындап та, жараш, жебрен, седен деп бүдүмжилейт. Албатызы десе мынан тарап-таркап барган, анчада ла төлөстөр. Мөш агаш десе Алтайдын «чактарга каруулчыгы» болуп арта.

Бүгүн Жер-эне (Планета – земля) эмдиги үйеге ачынат. Ненин учун десе ол ар-бүткенин бүртөткөн, албатызын кунураткан. Онын да учун лирикалык герой ачыгынча жашөскүримге баштанш туру:

Ар-бүткөн ле кижиге түйнө бир (9 үйе),

Айлабаган сурактарар көп эмтир (11 үйе).

Оны ээчиде автор жашөскүримнин једикпес-тутактарын тоолойт: ол, кылык-јаны тайыс болгоны, байланышты билбези, ада-өбөкөнин угы-төзин билбези, јаан-јаштуны тообозы ла оной до өскө сурактар. Автордын јураганыла, кара мөш кыйгырат, кайа бажынан, бийик-бийиктен, «кычырат, айдат, каныста, јүрегисте, кый темдек болуп кыйгырат бу биске».

Айдарда, өскө үлгерчилерле тундештире көргөндө, Э. Палкиннин үлгерлери көп нургуны 10–12 үйелү, үч токтодулу эмтир. Бу учуралды С. М. Каташев јолду темдектеген. Анчада ла автордын «Ак чечек» деген үлгерлик јуунтызы бу айланган чокум керелйт [14]. Поэт озо чүмдеген үлгерлерин јазап, түзөдүлөр кийдирип, үлгерлешти чокумдап, мадакты быжулап, баш ла уч угаштыруны јангырткан. Онын да учун оны табылу, токуналу кычырып, үлгердин учурын, шүүлтезин тангынан ондоор керек.

Бүгүн Э. М. Палкиннин чүмдемелдерин школдо, педколледжде, университетте текши үренип турулар. Онын ады јангыс ла Алтайда эмес, Россиянын өскө талаларында элбеде јарлу [15]. Эмди онын чүмдемелдерин јангырта шиндеер өй келди.

Источники, литература

1. Шинжүде Л. Кокышевтин чүмдемелдери. – Горно-Алтайск, 2010. – 104 с.
2. Наследие А. Адарова в современном восприятии. – Горно-Алтайск, 2012. – 100 с.
3. История алтайской литературы в 2-х книгах. – Горно-Алтайск, 2004; Алтай литературанын түүкизи эки болүктү. – Горно-Алтайск, 2008.
4. Тюркоязычные литературы Сибири: проблемы художественного перевода. – Горно-Алтайск, 2004.
5. Перевод тюркских литератур. История и теория. – Горно-Алтайск, 2005.
6. Взаимоперевод национальных литератур: сохранение этнокультурных особенностей. – Горно-Алтайск, 2014.

7. Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд их XXI века. – Горно-Алтайск, 2010. – 190 с.

8. Судьба и наследие писателей-фронтовиков: взгляд из будущего. – Горно-Алтайск, 2015. – 104 с.

9. Идеино-художественные искания алтайских писателей конца XX – начала XXI вв.: к 80-летию Дибаша Каинчина. – Горно-Алтайск, 2018. – 253 с.

10. Сын солнца – Күн уулы». Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию известного алтайского писателя и переводчика Паслея Самыка. – Горно-Алтайск, 2018. – 376 с.

11. Киндикова Н. М. Јиит критиктердин творчествозы: тил ле стиль // Алтын-Көл. –1977 – № 1. – С. 51–52.

12. Киндикова Н. М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. – Горно-Алтайск, 1989. – 240 с.

13. Каташев С. М. Алтай үлгер керегинде. – Горно-Алтайск, 1974. – 108 с.

14. Палкин Э. М. Ак чечек. Талдап алган үлгерлер ле туујулар. – Горно-Алтайск, 1984. – 400 с.

15. Киндикова Н. М. Материалы к созданию литературной биографии писателя // Киндикова Н. М. Литературы Сибири: опыт исследования. – Горно-Алтайск, 2014. – С. 98–105.

© Н. М. Киндикова, 2024

УДК 821.0

З. П. Мамадакова, С. С. Тектиева
ЭРКЕМЕН ПАЛКИННИНГ ЭНЧИЗИ
– ЈҮРҮМИСКЕ ҮРЕДҮ
НАСЛЕДИЕ ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА
– УРОК ЖИЗНИ ДЛЯ НАС

Z. P. Mamadakova, S. S. Tektieva
THE LEGACY OF ERKEMEN PALKIN IS A LIFE
LESSON FOR US

Аннотация. В статье рассматривается художественное отражение и авторское восприятие образа мира в лирике Эркемена

Палкина. Базовыми для мировоззрения и мировосприятия поэта стали обычаи и обряды алтайского народа, соблюдение которых воспринимается им как неперемное условие гармонии бытия. Лирический герой поэта, плоть и кровь родной земли, глубоко уважает и почитает вековые законы рода и народа, что актуализирует мотив памяти, проявляющемся в связи поколений и сохранении наследия предков.

Abstract. The article examines the artistic reflection and the author's perception of the image of the world in the lyrics of Erkemen Palkin. The customs and rituals of the Altai people became the basis for the poet's worldview and worldview, the observance of which is perceived by him as an indispensable condition for the harmony of being. The lyrical hero of the poet, the flesh and blood of his native land, deeply respects and reveres the age-old laws of the family and the people, which actualizes the motive of memory, manifested in the connection of generations and the preservation of the heritage of ancestors.

Ключевые слова: алтайская литература, Эркемен Палкин, лирика, образ мира, мировоззрение, традиция.

Keywords: altai literature, Erkemen Palkin, lyrics, image of the world, worldview, tradition.

*Элес эбирип
Жылдар өдөрдө,
Эзедип слерди
Эске алындым...*

Байкал Адаров

Алтай калыктын ойгор кеп сөзи бар: «Эди јакшынын мўни јакшы, энези јакшынын балазы јакшы. Айгыры јакшынын кулуны јакшы, адазы јакшынын уулы јакшы». Андыйлардын тоозында Э. М. Палкин. «Ол кемле де куучындажып отурганда, чырайы ээрү, көстөри күлүмјилү, эрмеги јымжак ла табылу, айтканы шўүлтелү болотон. Онын ортозынан сан башка этире коқырлап ийер» – деп, Байкал Адаров бичиген эди [1, с. 15].

Јолонын орто үредүлү школы јарлу бичиичи, ады-чуузы чыккан јерлежинин Э. М. Палкиннин адыла адалганы 30 јылдан ажа берди. Школдын эжигин ачып, бозогозын алтап кирзеер ле слерди Эркемен Матынович Палкиннин күлүмјилү сўр-кебери ле мындый учурлу јолдыктары уткыыр:

...Элбеде көрзөн, бийиктеде билзен,
Эзенин тыныыр, сўүнчинг өзөр...

(«Јүс јаш») [2, с. 163].

Бүгүнги күнде бистин ороондо кажы ла албатынын культуразынын, ол тоодо бойынын төрөл тилинин байлыгын ла јаражын кичееп чеберлеер айалгалар јылдын-јылга јаранып, өзүм алынат. Албатынын јүрүминде, өзөк-јүрегинде алтын-мөнгүндер тил ажыра казылып өзөт. Онын да учун балдарды төрөл тилине школдо јаан кичеemelдү үредери сүреен јаан керек болуп јат. Албатынын тили – ол онын јүрүми, ичкери јолы, санаа-кўүнди көдүрер айалга.

Бойынын тилин билетен бе, үренетен бе? деп сурак курч турат. «Тилин билбес кичи сокор эмезе түлей кижиге түней, јүрүмнин тал-ортозын ол эмезе база бир јанын ол билбес. Төрөл тилин билетени кижиге кичи болуп өзөрине јайалган. Бойынын тилиле куучындап, ол ажыра јүрүмди ондоп, јер-телекейди билип ачканы балага су-кадык өскөниле түней» деп Эркемен Матынович бойынын бичимелдеринде ајару эдет [3, с. 208].

Јүрүм берген байлыгынан, от-јаркынынан ийде-кўчинен кичи бойы айрылбас учурлу. Эркемен Палкин төрөл тилинин јүс айрызын јүректен сезип, алтай јоннын азыдан бери айткан чечен сөстөрин, јанжыгуларын, белгелерин билгир ле бойынын ойинде тузаланып турганы база аңылу.

...Эмеш уйукта, тан атсын деп,
Энем уйку аразынан айдатан.
Чычкан кичинек тос көнөккө
Суу экелер деп айдатан... (үлгер «Суузадым»)

[2, с. 47].

Албатынын оос творчествозын таскамал иште једимдү тузаланып, балдарды јаан улустын куучынын тындап угуп, оморды чўм-јандарды билерине үредери бүгүнги ойдин некелтези. Албатынын айткан кеп сөзи бар эди: «Бичик билбес карануйда јүрет, бичик билер јарыкта јүрет». Бир ойдө ол јүрүмнин төс сурагы болгон.

Э. М. Палкин «Книга – кижинин најызы» – деп бичиген эди [3, с. 135]. Совет ойинде улус «книга јокко билеринг де јок, билерин јокко коммунизм де јок» деп тегин айтпаган. Јылдын јылга алтай бичиктердин тоозы көптөп, ич те, тыш та јаны јаранып, албаты-јонго, јаш үйеге јуук ла тузалу болуп браадыры.

Балдардын јилбиркеп, кажы ла јангы бичикти күүнзеп, алып турганы, сүүндирет ле оморкодот. Төрөл тилиле кычырып, бичикти бойына јуук нөкөр эдип алган кычыраачылардын тоозы бир эмештен көдүрилет. Балдар орус та, алтай да бичиктерди элбеде кычырып, эмдиги ойди, төрөлинин өзүмин, бойынын албатызынын јолын јакшы билип турзын деп амаду кажы да ойдө үредүчи улустын алдында турат. Бичик оогош болчомдордын күүн-санаазын күндий жарыдат, балдардын ару, јымжак өзөк-буурына бойынын изин узак-узак ойлөргө арттызып салат.

...Јүрегеерди ару, чек тудыгар,
Јүс јашка ол јолды табар.
Айаска, улуска сүүнигер, јууктагар,
Анча кире јүрүмеер узаар... («Јүс јаш»)
[2, с. 163].

Бичикти јилбиркеп кычырып, балдар јүрүмнин јакшызын-јаманын ылгаштырып билер сезим алат. Бичик јангы үйени бийик санаа-күүндү, чындык ла бек эдип өскүрерине болужып јат.

Э. Палкиннин чүмделге јолын текши көргөндө, ол келер ойдө лө јүрүмге чын иженген, онын јараш, јаркынду болорына терен бүткен ап-ару айас күүндү поэт. Онын үргерлерин, поэмаларын токыналу отурып, сананып, такып-такып кычырар керек. Ол кижини санаңдыратан поэт.

Кажы ла бичиичи бойынын ойн, бойынын билерин бичийт. «Э. Палкиннин алтай литературада учурын үч нөкөр – Л. Кокышев, Э. Палкин, А. Адаров – очоктын үч будынды, алтай литератураны көдүрип ле бектей тутканын, ондогы Эркемен Палкиннин үлү-кирезин – оны кем де кемјип болбос» – деп, Ј. Б. Каинчин айткан эди [4, с. 15].

Литература шинжүчилер Э. Палкиннин јайаандык иштеринде көпчидиш, көкидиш јок болгонун, албатынын чүм-јандары, кылык-јангы чындык јуралганын чокум темдектегендер. Эркемен Матыновичтин ич көрүм-шүүлтези бай, бийик культуралу, сөстөрине турар, ак-чек кижини болгон.

Э. Палкиннин чүмдемелдеринде албатызынын өткөн јолдоры, јадын-јүрүми, ал-санаазы, сүүнчизи элбеде ле теренжиде көргүзүлгөн:

Јаан сууны кечип чыккандый,
Кайа көрүп, кайкап турадыс.

Уур јүктер јардыстан түшкендий,
Санаабыс јарып, јенил көрөдис
Улу ижемји јүрүмиске киргендий,
Сан башка јангы ийде-күч сезедис.
Улус та јуук боло бергендий,
Удура ак-чек, ару көрөрис...

[5, с. 119].

Б. У. Укачиннин бичигениле, «...ол бойынын поэзиясында ырысту ла сүүнчилү табынтыларды көп эткен... Ол сөстин күүзин, онын табыжын база јайалталу тузаланат» [6, с. 112–113].

Темдектезе, үлгер «Сары киштейт»:
Эрген тура эбире апагаш:
Кыру,
кыру,
кыру.
Јанып бараткан турналар јараш:
Крр-у,
крр-у,
крр-у

[4, с. 132].

Бичиичинин чүмдемелдеринде төс шүүлте, эн ле јаан јайалта – јакшы кижини болотону. Бичиичи јаан да, јаш та кижини јакшыга јүткүп, кижинин јакшызын ајарзын деп јаантайын кычырат:

... Сенен артык мен јүрзем,
Меге кандый сүүнчи ол?
Сен менен јаман јүрзег,
Меге кандый туза ол?
Менен артык эрлер јүрзе,
Мен ологорго сүүнейин.
Менен артык јакшыны
Эдереер деп сакыйын

[2, с. 16].

Јолонун школында көп јылдарга үредүчи болуп иштеген А. Я. Бабанова мынайда эске алынган эди: «Јерлејис јашөскүримди онын јүрүмин ондоорына, јүрүмдик чүмдемелдерин кычыраарына ууламјылаары, ол кижини чилеп эл-калыгын, чыккан-өскөн јерин, Алтайын, Төрөлин сүүрине үредери – агару керек деп бодойдым» [2, с. 2].

Поэт бойынын ойиле тен-тай алтап, ойдин ле улустын кылык-жандарынын кубулуп турганын анылуу көргүзөт:

...Карган улус жииттерден
Качпаган ой болгон дийт.
Озо отуруп, озо айдып,
Оттый бийик жүрген дийт.
Эмдиги уулдар күчтү не:
Эзирик жүрөп жанду не ... («Карганактын кожонгы»)
[4, с. 20].

Карган өрөкөн «оттый бийик жүрген» деп айдып, от ло кижини үргүлжикке бирлик, бийик ле ойгор санаалу болгону көргүзөт. Жаш үйе азыгы жанжыгуларды ла ээжилерди бузуп, жаандардын айтканын «жанчыкка салбай» турганын, жаан жашту өрөкөннүн комудалы ажыра чыгара айдат. Мындый учуры бийик, жүрүмдик жолдыктарды үренчиктерле кожо ылгап, ойдин кубулталарын түндөштирип, жаманды ла жакшыны башкалап билерине үредери жолду ла жарамыкту болот.

Э. Палкиннин чүмдемелдерин кычырып, шиндеп, балдар көпти билип аладылар. Айдарда, бистин жерлеш бичиичи бойынын үргерлеринде, тууларында терең шүүлтелеринде бисле кожо куучындажып, жүрүмнүн учуры, онын жедикпестери, буудактары ла сүүнчилери керегинде бисле жөптөжип, сананып, жүрүмди баалаарына кычырат. «Чын сүүп билетен болзобус...» деп үлгерди кычырып, бийик ле агару күүн-тапка бүдүп иженерин:

Жүрүмди чын сүүп билетен болзобус,
Жүрүмдү, жүрүмдү болор эдигис.
Ак-чек, ак-чек, ару жүрзобис,
А, кандый жаан жүрүм көрөрис!
Бойы-бойысты тоойтон болзобус,
Болбогон ырысты бойыстан табарыс.
Кижиден кижини күн көрүп жүрзе,
Кижини болуп ол бойы өзөр.

Эмезе

Жакшыны исте, жакшы бол, нөкөр,
Жангыс ол – жаан жол, өткүн, чын көр.
Жедикпестеринди өштү деп танызан,
Жер жарык сеге, жөнүгө жазан
[5, с. 163–164].

Эмдиги ой лө жүрүм өскө. Жаңы иш, жаңы жан-кылык, жаңы сана-шүүлте. «Оттый изү, орчыландый жараш өскө сүүнчилер бар. Бис билбеген, көрбөгөн сүүнчилер ичкери жылдарда, ичке кару жаан иштерде, бийик ле ару жүрүмде!» – деп, Э. Палкин ижемжилейт. [3, с. 191].

Сүүнчилер суркуражып, шынкыражып,
Карманымда жаткан болзо,
Кажыгарга ла бир ууштан,
Кузук алып бергендий,
Уруп берер эдим.
Ол сүүнчилер алаканаарда жымырап,
Эди-каныгарга өдүп шинер («Сүүнчилер»)
[2, с. 93].

Бу жолдыктар ажыра бичиичи албатызынын кеберин бийик көдүрөт. Э. Палкинге кажы ла кижини жуук ла баалу. Жанында отурган карындажы, кожо өскөн нөкөри, куучындажып жүргөн жерлежи болзын, ол ончозына күүнзеп, жедимдерине сүүнүп жүрөт.

Кижинин жүрүмүнүн бийиги, күчтүзи ле жаражы «Көк тенгери» деп поэмада тын кеберлер ажыра көргүзөт:

Тат өткүрө –
болоттын жаркыны,
Туман өткүрө
көк чанкыр тенгери:
Түндө болзо – Жылдыстар ла Ай,
Түште болзо – Күн ле Алтай!
[2, с. 314].

«Иш кижинин ырызы» – деп, жаан улус айдатан. Чындап та, иш кижини жүрүмгө үредет ле таскадат. Акту күүнине бүдүрүп жүргөн ижиле кижини күндүлү ле жараш.

Жүрүмдө сүүнип иштеген
Кижини катан болотон.
Иш этпестер чык жетпеген
Агаштый куру туратан («Иш»)
[2, с. 92].

Кажы ла кижини бойы алдынан жайалталу, кандый бир керекке, ишке жаан күүндү. Оны эдип, бүдүрүп ийер аргалу ийде-күчтү. Айдарда, ончо керек, озо ло баштап, кижинин бойынан камаанду. Кижини бойында бүдүп калган арга-күчти, нени эдип билерин

бойынан табып, оларды өскүрүп тыңыдарына кичеенер учурлу. Кижини болоры учун кажы ла күн тартыш деп, албаты үредет.

Э. Палкиннинг чүмдемелдеринде жаш үйени жүрүмди жүрерине, санаа-күүнниңди элбедип, теренжидерине, бүгүңги жүрүмнен артпай кижини болорына үренери төс таскамал болот.

«Жашөскүрүмди өскүрүп, чыдадатаны жаантайын женил керек эмес болгон, ол келер де өйлөрдө, байла, эл-жоннын эн жаан иштеринин бирүзи болуп артар» – деп, Э. Матынович «...Жакшыңды өскүр» деген чүмдемелинде бичийт [1, с. 129].

Кижинин жакшызы керегинде санаазыла, жүрегиле акту күүнинен айдар керек:

Жарашка, өзүмге једерис,
Көр ырада, жаан күүндү.
Жүрүм ончозын берип јат,
Артканы бистен камаанду
(«Ойынду жүрегим ойто ло»)

[4, с. 30].

Алтай эл-калыгын, жаш үйени ак-чек, турумкай, киленкей, иштенкей болорына кычырган:

Жакшыны жакшы ээчип,
Жакшыңды сен,
Кайа-ташта алтын чылап,
Жадып калар деп бодобо,
Жакшызын улус јер үстүне
Изи эдип арттырат.
Кижинин жакшызы күн-жаркынды
Кайдан ла көрүнер («Чанкыр тенери» деп туујы)

[2, с. 2].

Албатылардын најылыгы, таныжып ла билижип жүретени чактар туркунына улалып келген улу керектердин бирүзи. Анчада ла эмдиги өйдө бистин ороондо албатылар најылыгынын учуры да, колбулары да аайынча шүүлтелер эн бийик ле көрүмјилү јерде туруп, бастыра јанынан өзүп, бүгүңги күннин кеен јараш жүрүми болот.

Кажы ла албатынын кожонгы, онын күүзи, ойын-јыргалы сүрекей бай. Алтай кожоннын күүзи солун ла аңылу. Улустын күүн-санаазы ла эткен ижи кожонло качан да тудуш, албатынын культурный өзүми телкем ле кен болгонын көргүзет.

Өскө калык-жоннын јадын-јүрүмин, ижи-тожын бүгүңги ле эртенги күнин ондоорго жаан күүн-санаалу, ак-чек, ару жүрер керек.

Амыр-энчүни корулап тыңыдары бистин ижистен ле жүрүмистен камаанду.

Бүгүңги бийигис, эртенги бийигис.

Албатылар нагы – астабас ийдебис,

Ап ла ару тен билгенис.

Күнле кожо күнүн ле уткуйдыс,

Јерде күнис – Төрөлис, иженген өзүмис

(«Јажына јолыбыс»)

[2, с. 205].

Жакшы керектер улусты бириктирет, жакшыга кычырып, бойын бойы тууразынан көрөрине, јаныдан ийде-күч јууп аларына көдүрет.

«Кижини жүрүмди канча ла кирези тын сүүзе, ол бойы анча ок кирези түзелип, күн алдындагы чечек эмезе өлөн чилеп јажарып, јайылып келер» – деп, Э. Палкин «Алтан јаш – алтын јаш» деп статьясында бичиген эди [3, с. 243].

Албатынын көгүс-байлыгы, культуразы, эбире ончо немеле колбу тудар аргазынын кеми, жакшы-јаманды ондоп сезетени, киленкей-јалакай ак сагышту болотони – ончозы албатынын улалып келген јанжыгуларыла, оос чүмделгезиле тудуш, ончозы анда салынган, ненин учун дезе кабай јаштан ала эненин эрке кожонгы, јилбилү чөрчөги, коо күүзи кажы ла кижиге аңылу кылык-јан, аңылу ондомол таскадат.

Эмдиги өйдө алтай калыкка, онын тилине, түүкизине, көрүмјизине жаан ајару эдилет. Ненин учун дезе эскизи энделип, јаш үйени неге тазыктырар, канайда тазыктырар деп сурактар тура берген. Калыктын јандаган јандары ундулып, байланбас «кал үйе» чыдап јат деп, жаан улус тегиндү айтпайт.

Јаандарыстын айтканын да угуп, бис өйдин өзүмиле тен алтап, бичиичилердин энчизин төрөл тилистин байлыгын, сүрлүзин, эрјинезин үренчиктерге сестиртип, оларды төрөл тилиле сананарга ла бойынын аңылу күүнин једимдү ачып билерине, санаа-шүүлтезин чыгара ајдарына темиктирери – бистердин эн ле жаан једимис, ырызыс ла ижистин турултазы. Ол једимдеристин алтын кайырчагы. Ады-чуузы јарлу бичиичилеристин арттызып салган энчизи жүрүмиске јажына үредү болор деп иженип турубыс.

Источники и литература

1. Адаров Б. Эрке акабыс, Эркемен // Алтайдын Чолмоны. – 1999. – № 21-22.
2. Эркемен Палкинди кычыралы / сост. Р.А. Палкина. – Горно-Алтайск, 2011. – 340 с.
3. Палкин Э. М. «Бичигенер якшы, Эрте!». – Горно-Алтайск: Ыч-Сүмер, 1997. – 328 с.
4. Каинчин Д. Б. «Алан» – жүрүмдик бичимел // Алтайдын Чолмоны. – 1994. – № 27.
5. Палкин Э.М. Энебис – Жер, Адабыс – Күн». – Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. – 104 с.
6. Укачин Б. У. // Эркемен Палкинди кычыралы. – Горно-Алтайск, 2011. – С. 300–304.

© З. П. Мамадакова, С. С. Тектиева, 2024

УДК 37 (091)

Н. И. Кудирмекова

ЭРКЕМЕН МАТЫНОВИЧ ПАЛКИН – ВЫПУСКНИК ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

N. I. Kudirmekova

ERKEMEN MATYNOVICH PALKIN GRADUATE OF THE GORNO-ALTAY REGINAL NATIONAL SECONDARY SCHOOL

Аннотация. Статья посвящена периоду обучения и воспитания известного писателя Республики Алтай Э. М. Палкина в Горно-Алтайской областной национальной средней школе. Выявлены условия и обстоятельства развития личности будущего писателя в стенах школы, показана ее система учебно-воспитательной работы под руководством директора В.К. Плакаса. Определена роль школы в формировании личности Э.М. Палкина.

Abstract. The article is devoted to the period of education and upbringing of the famous writer of the Altay Republic in the Gorno-Altay Regional Secondary School. The conditions and circumstances of the

development of the personality of the future writer within the walls of the school are revealed, its system of educational work under the guidance of director V.K. Plakas is shown. The role of the school in the formation of the personality of E.M. Palkin is determined.

Ключевые слова: Э. М. Палкин, писатель, Горно-Алтайская областная национальная средняя школа, обучение, воспитание, формирование, личность, учитель.

Key words: E. M. Palkin, writer, Gorno-Altay Reginal National Secondary School, training, education, forming, personality, teacher.

В 2024 г. исполняется 90 лет со дня рождения известного алтайского писателя, общественного деятеля Республики Алтай Эркемена Матыновича Палкина (1934–1991). Его имя связано с развитием языка, литературы и культуры алтайцев, творческим становлением нового поколения национальной интеллигенции 1960-х гг., ведущими ценностными идеалами которого явились идеи гуманизма, демократизации социальной жизни и интернационализма.

Актуальность изучения жизни и деятельности Э. М. Палкина обусловлена необходимостью осмысления творческого феномена Эркемена Матыновича, познания его богатого наследия для развития литературы и культуры Горного Алтая второй половины XX – начала XXI вв. В связи с этим важно выявить условия и обстоятельства, определившие формирование личности писателя, показать роль таких социальных институтов, как школа и образование.

Настоящая статья посвящена важному периоду в жизни Э. М. Палкина – обучению и воспитанию в Горно-Алтайской областной национальной средней школе (ОНСШ). Считаю важным обратиться к школьным годам Эркемена Матыновича, изучить роль школы, учителей и сверстников в формировании его личности.

Предпринятый нами анализ литературных источников показал определенную изученность истории школьного (городского) периода в жизни Э. М. Палкина. Данные об его обучении в ОНСШ постоянно приводятся в публикациях исследователей жизни и литературного творчества. Это во многом связано с историей самой школы – знаменитой Горно-Алтайской областной национальной средней школы, открытой в 1949 г. после реорганизации местного Ойротского национального рабочего факультета (рабфака).

Помимо школы, не менее легендарной является личность ее директора Василия Константиновича Плакаса (1905–1964), заложившего основы формирования сплоченного ученического и педагогического коллективов, эффективной организации учебно-воспитательного процесса школы. Раскрывая роль личности директора ОНСШ, авторы историко-научных публикаций в качестве успешного примера приводят имена его учеников, знаменитой «тройки» одноклассников, выпускников 1952 г. – писателей Владимира (Аржана) Ойынчиновича Адарова, Лазаря Васильевича Кокышева и Эркемена Матыновича Палкина.

Важной публикацией о жизни и творчестве Э. М. Палкина выступает статья известного литературоведа С. С. Каташа во второй книге «Истории алтайской литературы», изданной в 2004 г. Здесь представлен анализ становления и развития творческого пути Эркемена Матыновича, приведены биографические данные о семье, родителях и школьных годах писателя. Сергей Сергеевич назвал Эркемена Матыновича певцом родной земли, новой жизни, нового человека, талантливым поэтом и прозаиком [1, с. 88].

Имя руководителя Горно-Алтайской областной писательской организации Э. М. Палкина постоянно упоминается в юбилейных книжных изданиях Республики Алтай. Так, в 2006 г. вышел биографический справочник «Моя судьба в судьбе Алтая», подготовленный сотрудниками Государственного архива Республики Алтай и изданный к 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России. Представленная здесь биографическая статья об Э. М. Палкине раскрывает его портрет как одного из известных руководителей региона, талантливого представителя культуры и искусства Горного Алтая, члена союза писателей СССР, орденосца, именем которого названа улица в столице Республики Алтай и школа в родном селе Ело Онгудайского района [2, с. 334].

Сведения о выпускнике 1952 г. Э. М. Палкине имеются в музее Республиканской гимназии им. В. К. Плакаса – современной образовательной организации, созданной в 1992 г. в условиях реформирования системы образования региона на базе Горно-Алтайской областной национальной средней школы. Содержательные коллекции школьного музея и объемный выставочный материал показывают первые годы деятельности ОНСШ – трудных лет послевоенного восстановления школы и образования Горно-Алтайской автономной области.

Среди литературных источников по заявленной теме следует отметить значимость книг ветерана педагогического труда Республики Алтай, участника Великой Отечественной войны Н. Ф. Копытова. Опираясь на данные архивов, Николай Федорович опубликовал серию очерков по истории образования Горного Алтая, посвятив отдельные издания Горно-Алтайскому педагогическому училищу, областному национальному издательству и лидерам образования.

Являясь очевидцем событий прошлого века, непосредственным участником и организатором (заведующим областного отдела народного образования) системы образования Горного Алтая, Н. Ф. Копытов оставил ценную историко-педагогическую информацию о становлении общего и профессионального образования в Республике Алтай. Будучи выпускником послевоенного Ойротского рабфака, Н. Ф. Копытов раскрыл особенности типа этого учебного заведения, условия его реформирования в среднюю алтайскую национальную школу.

Подчеркнем важность книги журналиста Н. В. Витовцева «Школа Плакаса или Повесть об утраченном времени», изданной в 1991 г. [3]. В ней показана роль директора В. К. Плакаса, принимавшего живое участие в судьбах учеников и создавшего условия для успешного развития ОНСШ в последующие годы.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии опубликованных материалов об ОНСШ, о жизни и деятельности Э. М. Палкина и его одноклассников, ставших в середине прошлого века представителями первого поколения молодых поэтов и писателей Горного Алтая. Вместе с тем отсутствуют обобщенные данные об условиях формирования личности Эркемена Матыновича в Горно-Алтайской областной национальной средней школе, его учителях и одноклассниках, оставивших неизгладимый след в становлении его мировоззрения, навыков и характера.

Школьная юность Э. М. Палкина определила его взгляды и жизненный путь на ближайшие годы, способствовала верному выбору профессионального становления как творческого человека, гражданина мира и национального писателя. Однако до сих пор многое из истории выпуска ОНСШ 1952 г. остается малоизвестным и неопубликованным.

В связи с этим мы определили тему данной статьи, нацеленную на изучение школьного периода жизни Э. М. Палкина в ОНСШ.

Считаем важным определить условия и факторы, повлиявшие на становление его личности, раскрыть опыт деятельности педагогов школы тех лет, чей труд подготовил выпускников 1952 г. к самостоятельности и личной ответственности во взрослой жизни.

В качестве источников мы используем архивные материалы, отложившиеся в фондах Республики Алтай и Алтайского края. Эти документы относятся к периоду преобразования Ойротского национального рабфака в Горно-Алтайскую областную национальную среднюю школу, формирования педагогического состава и ученического контингента. Данные о деятельности ОНСШ с национальным содержанием образования вошли в историю развития школы и образования Алтайского края.

В архивах изучены годовые отчеты ОНСШ и отчеты Горно-Алтайского областного отдела народного образования, программно-методические материалы и документы по личному составу педагогических работников и сотрудников ОНСШ. Отметим, что выявленные архивные данные позволили нам осуществить отдельное специальное исследование по истории алтайской национальной школы (1917–1958 гг.), где хронологически и содержательно раскрыта история ОНСШ как первой средней национальной школы алтайцев.

При изучении темы мы опираемся на воспоминания одноклассников Эркемена Матыновича, в разные годы зафиксированные автором данной статьи и частично опубликованные. Также мы располагаем коллективными фотографиями выпуска 1952 г., личными снимками ученика Э. Палкина и его школьных друзей, фотографиями директора В. К. Плакаса и учителей. Это фотографии из архива матери автора данной работы, Кергиловой (Бедушевой) Екатерины Дмитриевны (1932–2018), одноклассницы Э. М. Палкина.

Областная национальная средняя школа была создана в условиях реализации «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны на 1946–1950 гг.», принятом Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г., предусматривавшего увеличение числа начальных, семилетних и средних школ с осуществлением всеобщего обязательного начального обучения с семи лет как в городе, так и в деревне. Расширение сети учебных заведений должно было обеспечить обучение той части молодежи, которая не получила школьного образования в годы войны.

В соответствии с пятилетним планом в Горном Алтае намечалась программа послевоенного школьного строительства, организации школ рабочей и сельской молодежи, оснащения необходимым оборудованием и учебными пособиями, открытия пришкольных интернатов. Одной из главных задач восстановления системы образования в середине 1940-х гг. выступало введение семилетнего всеобщего. В эти годы осуществлялось укрупнение учреждений школьного образования, их реорганизация.

Областная национальная средняя школа начала функционировать 5 августа 1949 г. в областном центре, г. Горно-Алтайске на учебно-материальной базе Ойротского национального педагогического рабфака. В факте открытия ОНСШ получила реализацию идея обучения алтайских учащихся из отдаленных сельских школ в одном учебном заведении повышенного типа – средней национальной школе.

Коллектив учащихся данной школы составили воспитанники городского национального детского дома (начальные классы), средних и старших классов – учащиеся Кош-Агачского, Онгудайского, Улаганского и Усть-Канского аймаков (районов). После закрытия V-VII классов Балыктуюльской семилетки их ученики были направлены на обучение в ОНСШ [4, с. 104].

Новое учебное заведение разместилось в двух зданиях довоенного Ойротского рабфака: учебном корпусе и общежитии. Для проведения уроков и внеклассной работы в школе имелось девять кабинетов, небольшой зал, комната для хранения одежды, пионерская комната, несколько комнат для хранения оборудования учебных предметов, спортивная и географическая площадка, библиотека с фондом в 4679 книжных изданий [5].

Несмотря на то, что открытие ОНСШ закреплялось отдельным постановлением Горно-Алтайского облисполкома, в течение первых шести месяцев школа испытывала большие трудности по финансированию своей деятельности. Решить вопросы своевременного и постоянного выделения средств на государственное обеспечение школьников могло только соответствующее постановление Министерства просвещения РСФСР. Такое решение было вынесено в феврале 1950 г. [6, с. 106–107].

Согласно данному постановлению, Горно-Алтайская областная национальная средняя школа определялась как среднее

общеобразовательное учреждение интернатного типа, целью которого являлось обучение и воспитание учащихся алтайской национальности. Воспитанники школы обеспечивались полным государственным бесплатным содержанием в пришкольном интернате. В 1953–1954 учебном году школа обучала 502 ученика IV–X классов [7].

Как видим, ОНСШ явилась одним из крупных учреждений общего образования в Горно-Алтайской автономной области. Открывая среди прочих средние национальные школы с интернатами, государство планировало удовлетворить потребности народного хозяйства в квалифицированных специалистах различных отраслей народного хозяйства. Необходимо было в короткий срок обеспечить комплектование вузов и техникумов молодежью с хорошей общеобразовательной подготовкой, в том числе в национальных регионах страны.

В связи с этим в условиях Горного Алтая особую значимость приобретали проблемы повышения качества знаний учащихся, разработки и реализации мер совершенствования деятельности учителя, воспитания у учащихся сознательного и добросовестного отношения к учебе. В архивных документах тех лет говорится об открытии в ОНСШ подготовительных классов (подклассов) для учащихся-переростков и проведении большой дополнительной работы по ликвидации пробелов в знаниях учащихся.

Полагаем, что приведенные выше данные о начале работы ОНСШ отражают ту образовательную ситуацию, когда Эркемен Палкин и его сверстники – алтайские подростки 1932–1934 годов рождения приехали на обучение в г. Горно-Алтайск. Они сформировали отдельный класс в количестве 26 человек; все проживали в интернате, находились на полном государственном содержании.

Как вспоминала Кергилова Е. Д., в их классе обучались Адаров Владимир, Бардин Александр, Баштыков Егор, Быжлаков Николай, Кокышев Лазарь, Палкин Эркемен, Садыков Улужай, Чараганов Коля, Черлояков Алексей, Яныканов Леонид, а также девочки Алексеева Лиля, Бабаева Вера, Бадина Рая, Бедушева Катя, Бородина Нина, Комина Маша (русская, хорошо знала алтайский язык), Корнеева Нина (русская, из с. Чемал), Конокпоева Валя, Табадякова (имя не уточнено), Чичинова Лена и др.

Класс постепенно сформировался как дружный ученический коллектив, созданный из способных, активных и любознательных учеников из разных школ Чемальского, Онгудайского, Улаганского, Шебалинского и Майминского районов области. Со школы их объединила общая судьба поколения, чье детство омрачила война. Дети трудной судьбы вместе прошли годы ученичества в ОНСШ. Классным руководителем была назначена учительница физики Денисенко Анна Васильевна, уехавшая в декретный отпуск и вернувшаяся к работе в классе.

Математику преподавал директор школы В. К. Плакас, до войны обучавшийся в Москве на операторском факультете Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК). Завучем и учителем алтайского языка являлись известные деятели образования Горного Алтая Шабуракова Софья Николаевна и Суразакова Нина Николаевна. Нина Николаевна также обучалась в Москве, на ойрототделении филологического отделения Московского педагогического государственного института им. В. И. Ленина.

На сохранившихся фотографиях выпуска ОНСШ 1952 г. запечатлены многие сюжеты насыщенной школьной жизни Э. М. Палкина и его одноклассников. Это участие в многообразной школьной художественной самодеятельности, работе драматического кружка, радиоузла, в подготовке тематических вечеров, организации самоуправления и дежурства в школе и интернате.

Отдельным направлением воспитательной работы в школе В. К. Плакаса явились физическая культура и спорт. Школьники посещали различные спортивные секции, участвовали в городских и областных спортивных соревнованиях, организовывали пешие и лыжные походы, летние многодневные походы и экскурсии в Чемал.

Несмотря на полное государственное обеспечение детей в ОНСШ, учащиеся принимали участие в уборке школьных помещений, жилых комнат, дежурстве в корпусах и столовой, участвовали в заготовке дров, работали на полях подшефного колхоза «Искра» и школьном подсобном хозяйстве.

В воспоминаниях одноклассников Э. М. Палкина неоднократно утверждается о внимательном отношении коллектива педагогов и сотрудников ОНСШ к каждому ученику. Они были в курсе дел в интернате, интересовались деятельностью воспитанников, а также

состоянием их здоровья. Учителя постоянно поддерживали связь с родителями обучающихся.

Целенаправленная и плановая воспитательная работа ОНСШ способствовала развитию у детей познавательного интереса, самостоятельности и творчества. Ученикам в начале учебного года предоставлялся на выбор широкий перечень кружков художественной самодеятельности и спортивных секций, возможность реализовать себя в предметных кружках, которые вели преподаватели учебных дисциплин.

В стенах ОНСШ Э. М. Палкин и его одноклассники получили мировоззренческие установки и политехническую подготовку советской школы, способствовавшие развитию у каждого ученика разносторонних интересов, практических навыков и умений. Все это получило полную реализацию при обучении выпускников 1952 г. в высшей школе.

Директор ОНСШ В. К. Плакас постоянно был рядом с учениками, посещал классные часы, участвовал в подготовке и проведении общешкольных воспитательных мероприятий. Василий Константинович интересовался профессиональным выбором выпускников, изучал и поддерживал их наклонности и интересы.

Как вспоминала Кергилова Е. Д., В. К. Плакас предложил своим трем ученицам поступать на физико-математическое отделение нового учебного заведения – Горно-Алтайского учительского института. А рано проявившим индивидуальное литературное творчество В. Адарову, Л. Кокышеву и Э. Палкину рекомендовал поступать в Московский литературный институт им. М. Горького. Аттестат зрелости им вручили 27 июня 1952 г.

После школы Алексеева Лиля, Бадина Рая и Бедушева Катя учились в учительском, позднее педагогическом институте в г. Горно-Алтайске. Бабаева Вера обучалась в Алма-Атинском государственном медицинском институте, после завершения которого по распределению работала педиатром в Средней Азии. Валя Конопоева училась на отделении языка и литературы в местном вузе, работала учителем в школах Шебалинского района.

Улужай Садыков свою профессиональную деятельность связал с языком, литературой и культурой Горного Алтая, долгие годы руководил областным комитетом по радиовещанию. Деятельность Александра Бардина была связана с развитием

сельского хозяйства области; он многие годы руководил крупными колхозами и совхозами области.

Мы привели лишь небольшой фактический материал о школьном периоде жизни Э. М. Палкина, биографические данные о знаменитом выпуске ОНСШ 1952 г. В связи с ранним уходом из жизни Л. В. Кокышева, одноклассники не смогли издать книгу о своем классе, учителе и школе, как это задумывалось ранее. Обстоятельства не позволили им сделать историю своей школьной юности открытой и широко известной новым поколениям учеников ОНСШ.

Безусловно, такие ученики, как Эркемен Матынович Палкин и его одноклассники, составили славу Горно-Алтайской областной национальной средней школы, показали высокую эффективность педагогической системы школы, подвижнической деятельности В. К. Плакаса и его единомышленников.

ОНСШ явилась важнейшим жизненным приобретением Э. М. Палкина, ведущим фактором становления и развития его личности, необходимым условием успешной социализации, способствовавшим становлению Эркемена Матыновича как народного писателя своей Родины.

Опыт прошлого должен служить будущему. Поэтому автору данной работы представляется важным выявление и анализ источников о жизни и деятельности Э. М. Палкина, дополнение историко-литературного и историко-педагогического знания о выдающихся представителях Республики Алтай XX в., получивших стартовый, жизненный багаж обучения и воспитания в Школе Плакаса.

Источники, литература

1. История алтайской литературы. Книга 2. Литературные портреты. – Горно-Алтайск, 2004. – 390 с.
2. Моя судьба в судьбе Алтая. Биографический справочник. XX – начало XXI вв. Горно-Алтайск, 2006. – 367 с.
3. Витовцев Н. В. Школа Плакаса или Повесть об утраченном времени. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991 г. – 131 с.
4. Кудирмекова Н. И. Становление и развитие алтайской национальной школы (1917-1958 гг.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 180 с.

5. Государственный архив Республики Алтай (Госархив РА). Ф. Р.-55. Оп. 6. Д. 175. Л. 17.

6. Копытов Н. Ф. Лидеры народного просвещения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское респ. книжное изд-во, 1995. – 148 с.

7. Госархив РА. Ф. Р.-55. Оп. 6. Д. 138. Лист не обозначен

© Н. И. Кудирмекова, 2024

УДК 821

А. В. Киндикова

ТЕМА ЭКОЛОГИИ В ПОЭЗИИ ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА

A. V. Kindikova

THEME OF ECOLOGY IN THE POETRY OF ERKEMEN PALKIN

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть экологическую проблематику в стихотворении алтайского поэта Э. Палкина «Кый темдек». Поэт поднимает актуальные вопросы по защите природы и старается достучаться до каждого читателя. Основной мотив стихотворения – человек и природа едины.

Annotation. The article attempts to consider environmental issues in the poem by the Altai poet E. Palkin “Куу Темдек”. The poet raises topical issues of nature protection and tries to reach every reader. The main motive of the poem is that man and nature are one.

Ключевые слова: писатель, творчество, экология, природа, человек, тематика, лирический герой, экологическая культура.

Keywords: writer, creativity, ecology, nature, man, theme, lyrical hero, ecological culture.

Первая книга Эркемена Матыновича Палкина «Новый человек» вышла в 1956 г. Позднее вышли и другие его сборники — «Родные люди», «Новое время», «Радости», «Утро Родины», «Дыхание Земли». Его перу принадлежат поэмы «Наташа», «Амыр», «Ненасытный», «Чёрное пламя», «Душа», «Сердце», «Белый камень», «Синее небо», «Алтайские горы». В творческом наследии Э. Палкина значителен пласт лирических стихотворений. Тематика его поэзии многообразна — малая родина, тема труда,

нравственные и философские проблемы, научно-технический прогресс, внутренний мир героя, образ простого человека, образ матери и любимой девушки.

Нами же предпринята попытка рассмотреть в его творчестве экологическую тему. Известно, что «в художественной литературе экология природы рассматривается в основном на материале прозаических произведений (рассказ, повесть, роман), экологическая тема в лирике практически не затронута. И если в прозаических произведениях авторскую концепцию выражают персонажи с конкретными судьбами, а экологическая проблема преломляется в ключе сюжетной композиции текста, то в поэтических произведениях лирический герой открыто и непосредственно выражает свою позицию.

Известно, что в литературоведении достаточно хорошо изучена пейзажная лирика. Рассмотрение лирических стихотворений о природе под углом экологической проблематики предполагает исследование текста с точки зрения натуроцентричности изображённой в нём картины мира, наличия элементов «экологического сознания» в авторском мироощущении (осмысление взаимодействия мира природы и мира человека, темы защиты природы и ответственности человека за её преобразование и т. п.)» [1].

Экологическая поэзия – это мощный и возвышенный жанр литературы, который объединяет красоту слов с глубокой проблематикой природы и экологии. Поэты экологической поэзии не только воспевают природу, но и поднимают важные экологические вопросы. В их стихах мы находим отражение экологических проблем, вызванных деятельностью человека, изменением климата, угрозой вымирания видов и загрязнением окружающей среды. Эта поэзия призывает к действию и бережному отношению к природе.

Тематика экологической поэзии разнообразна. Это и красота природы, и размышления о связи человека и природы и другие.

В творчестве алтайского поэта Э. Палкина природа Алтая и проблемы экологии становятся объектом художественного осмысления, тема защиты природы и ответственности человека выходят на первый план. В свое время, С. С. Каташ охарактеризовал творчество Э. Палкина как «поэт-эпик, поэт-лирик, поэт-публицист» [2]. И как поэт-публицист Э. Палкин в своем творчестве поднимал

важные, глубокие философские, нравственные, экологические проблемы. Так, в 1983 г. в литературно-художественном сборнике «Бай терек» публикуется стихотворение Э. Палкина «Кый темдек» (он не переведен на русский язык), и если дословно перевести, то получается «Восклицательный знак». Вчитываясь в стихотворные строки данного произведения, хочется рассмотреть ее под углом экологической проблематики, где естественная природа является высшей ценностью человеческого бытия. Поэтому перевод стихотворения больше подходит на «крик души поэта».

По мировоззрению алтайца, человек и природа едины, природа – это живой дух, исполин. «Экологическое сознание» (к примеру, поклонение Алтаю, благословения Алтая, обряд очищения) было органичным, вековым укладом жизни алтайского народа. В стихотворении «Кый темдек» лирический герой, пролетая на самолете, с высоты обзрывает Алтай. Он видит синеву Телецкого озера, размышляет о родовой принадлежности телесов. Его взгляд останавливается на вечном кедре, который вырос на расщелинах скал. Образ-символ кедра уподобляется воину и защитнику: *Чанкыр бийикте, кайада мөш кара, / Чактарга каруулчык, чактарга ол турат / Жүрегис сүүндирген сүрлү жуучыл, / Жүрүмисте ол жаантайын каруулчык.*

Вдруг взгляд лирического героя попадает на гору: *А ол турган кыр не сан башка?! (А почему та гора отличается?)* Лирический герой задается вопросом: *Кандый буру эткен Жер-эне?! (В чем же провинилась Мать-земля?!)*

<i>Бүдүн туу чек бүрте</i>	Целая гора спилена,
<i>кезилген,</i>	Изувечена – истоптана.
<i>Бүдүм де жок – борорто</i>	Словно лишаем покрытая
<i>тепселген.</i>	шея теленка
<i>Чакалайтыган торбок</i>	Словно помятый лес голубой
<i>мойнындый</i>	...
<i>Чанкыр арка уужалып</i>	Гора совсем испортилась. ¹
<i>калгандый...</i>	

Кыр чек үрелген

Действительность описывается поэтом глубоко и правдиво. Кедр пытается высказаться, проговориться: *Много поколений видел*

¹ Здесь и далее смысл. пер. наш.

на всем веку / Дерево – это радость, для земли, для людей. / Пусть пользуются, строятся. / Но чем виновата, природа, / Сто лет, это не сто дней.

Он удивляется новому подрастающему поколению и задается вопросом: Что это за поколение? Какой след они оставляют? Ведь Земля, как человек, имеет одно лицо.

Канча үйени көргөм – деп айдынды.

Агаш – сүүнчи, ол жерге, жонго.

Алзын, тутсын ырыска, ороонго

Же Алтай неге бурулу, Жер-женес?

Жүс жыл дезе жүс күн эмес.

Кандый үйе, кандый ол истү?

Кайран жер ол жангыс жүстү.

Лирический герой обостренно переживает разобщенность человека с окружающей естественной средой. Разрушена гармония человека и природы.

<i>Ар-бүткен ле кижги түнгей</i>	Природа и человек, одно
<i>бир,</i>	целое,
<i>Аайлалбаган сурагаар көп</i>	Много еще недопонятых
<i>эмтир.</i>	вопросов.

В тексте возникает мотив поучения, нравоучения, который заставляет задуматься читателя. Способность познавать и жалеть природу, разглядеть и почувствовать нечто социально важное и нравственно-поучительное для каждого человека прослеживается в следующих строках:

<i>Ар-бүткен деп бичийдеер,</i>	Все пишите,
<i>айдадаар,</i>	говорите – Природа,
<i>Аргадап кичееттен күчигер</i>	Но силы не находите,
<i>таппайдаар.</i>	чтоб спасти ее.
<i>Кыйра буулап кыйгырыжып</i>	Все кричите,
<i>турадаар,</i>	повязывая ленточку,
<i>Кылык-жангар тайыс та,</i>	Характер слабый,
<i>канайдар.</i>	что поделаешь.
<i>Байы-куды жок балыражаар</i>	Почему много
<i>не көп?</i>	безцеремонно пустословите?
<i>Бастыразын билереер,</i>	Много знаете,
<i>та чын, та көп...</i>	Но правда ли это,
	или сплетни...

Прошло более сорока лет после выхода этого стихотворения, но проблемы, поднятые Э. Палкиным, актуальны до сих пор. Вопросы в защиту родной природы продиктованы жизнью. И эти жизненные проблемы заставили Э. Палкина сказать слово против тех, кто нарушил законы природы и забыл, что человек и природа единое целое и, по выражению В. В. Радлова, «дитя природы».

Источники и литература

1. Кулешова С. В. Экологическая тема в поэзии В. М. Башунова: к постановке проблемы // Филология и литературоведение. – 2013. – № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology.snauka.ru/2013/01/417> (дата обращения: 14.05.2024).

2. Каташ С. С. Лик Алтая. – Горно-Алтайск, 2000. – 140 с.

© А. В. Киндикова, 2024

УДК 821.0 (821.512.151)

Г. Е. Ядагаева

СИМВОЛИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В РОМАНЕ Э. ПАЛКИНА «АЛАН»

G. E. Yadagaeva

SYMBOLIC AND PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES IN THE NOVEL «ALAN» OF E. PALKIN

Аннотация. В статье автор на примере романа Э. Палкина «Алан» рассматривает символично-психологические приемы в современной алтайской прозе. Автор статьи предпринимает попытку анализа образов и символов животных, явлений природы, пейзажных зарисовок, которые передают психологические характеристики героев, их душевные переживания, различные эмоции, особенности взаимоотношения персонажей. Статья знакомит с интересной художественной находкой писателя, как психологизмы-символы в романе «Алан»: конь, жеребенок, мышь, кабарга, кукушка, пчелы. В романе можно наблюдать стилистический прием, который называется психологический параллелизм между явлениями природы, пейзажными описаниями

и внутренним миром, эмоциями персонажей. Психологический параллелизм «описание пейзажа, явлений природы и внутренний мир, психологическое состояние» помогает понять эмоциональный мир героев и создает психологический фон в повествовании. В статье изучено соотношение форм психологизма с символично-психологическими приемами в романе «Алан».

Abstract. In the article the author considers symbolic and psychological techniques in modern Altai prose using the example of a novel «Alan» of E. Palkin. The problem of the symbolic and psychological techniques in work of Altai writer insufficiently studied. The theoretical basis of the study of the symbolic and psychological techniques in the article are the L.S. Wygotskys idea about art psychology. The great scientist talked about the need to study the reaction that will cause the text when reading. The author of the article was guided by I.W. Strachovs idea about psychology and psychological realism. The article gives a characteristic forms of psychologyism in fiction: direct form, indirect form, summary-designation form. The author of the article makes an attempt to analyse images and symbols of animals, natural phenomena, landscape sketches. They convey the characteristics of the characters of the novel. Symbol and psychologism animals in the novel «Alan» are: the horse, the fowl, the mouse, musk deer, the cuckoo, bees.

Ключевые слова: символы, психологизм, психологический параллелизм, форма психологизма, прием психологизма, внутренний мир героев.

Keywords: altai prose, psychologism, psychological techniques, symbolics, inner world, emotions.

Л. С. Выготский, исследуя психологию искусства, отмечал: «До сих пор психологическое исследование искусства всегда производилось в одном из двух направлений: либо изучалась психология творца, создателя по тому, как она выразилась в том или ином произведении, либо изучалось переживание зрителя, читателя, воспринимающего это произведение. Несовершенство и бесплодность обоих этих методов достаточно очевидны. Надо попытаться за основу взять не автора и не зрителя, а самое произведение искусства [1, с. 38, 39]. «Его (Выготского Л. С.) замысел состоял в том, чтобы, анализируя особенности структуры художественного произведения, воссоздать структуру той реакции,

той внутренней деятельности, которую оно вызывает», — писал А. Н. Леонтьев в предисловии в книге «Психология искусства» [1, с. 7]. В своей статье мы будем основываться также на теоретические положения И. В. Страхова, доктора психологических наук, который в своем исследовании психологии литературного творчества выбрал именно этот путь, указанный Л. С. Выготским.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать символично-психологические приемы в романе Э. Палкина «Алан». Роман Э. Палкина «Алан» является художественным произведением, отражающим социально-политические процессы своего времени, другими словами, художественное описание социально-производственных отношений часто выходит на передний план. Изображение психологических и личностных характеристик героев, человеческих отношений, душевных переживаний персонажей не так наглядно, однако мы находим, что познание психологии отношений, внутреннего мира персонажей передается через разные приемы-психологизмы, такие, как внутренний монолог, невербальные и вербальные средства коммуникации, мир вещей, сны, архаические и мифологические мотивы и др. В романе довольно распространенным приемом психологизма является также восприятие образов природы, животных, и, на наш взгляд, использование символов. Эти образы и символы в романе Э. Палкина можно назвать художественным методом познания внутреннего мира героев, именно такой метод И. В. Страхов назвал психологическим реализмом [9]. «Внутренний мир человека в фокусе литературы получает специфическую интерпретацию и оценку. Происходит перекодировка неовещественного материала (психики) в систему художественных знаков (форм, способов, приемов психологизма)», — объясняет данный художественный метод О. Б. Золотухина [4]. Для того, чтобы перейти к анализу приемов психологизмов и символов, несущих в себе большую семантическую психологическую нагрузку, считаем необходимым провести краткий теоретический экскурс по природе психологизмов в литературоведении.

Исследователями выделяются две основные формы психологического анализа: «изнутри» (прямая форма) и «извне» (косвенная или внешняя форма). Л. Я. Гинзбург считала, что «... психологический анализ осуществляется в форме прямых авторских

размышлений и форме самоанализа героев, или косвенным образом — в изображении их жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель» [2]. И. В. Страхов также называет две формы психологического анализа характеров, внутреннего мира персонажей произведения: «изнутри» — «путем познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения» и «извне» — «интерпретацию писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и др. средств внешнего проявления психики» [9].

Литературовед А. Б. Есин типологию психологического анализа характеров художественного произведения И. В. Страхова дополняет третьей формой — «суммарно-обозначающей»: «способ сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа — с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [3]. Все три основные формы психологического изображения мы в той или иной мере можем увидеть в романе Э. Палкина «Алан»:

— прямая форма психологического изображения — изображение характеров «изнутри», которая включает в себя внутреннюю речь, внутренний монолог, образы памяти, воображение персонажа. Нужно отметить, что прямая форма психологического изображения играет, по мнению А. Б. Есина, ведущую роль в системе психологизма, непосредственно воссоздавая и показывая процессы внутри жизни человека;

— косвенная форма психологического изображения — в психологическом анализе «извне», наиболее интересными для нас являются этнокультурные паттерны в вербальной и невербальной коммуникации персонажей, изображенные автором в своем произведении. В этом случае можно отметить, что большую роль в понимании внутреннего мира играют невербальные средства коммуникации, такие, как проксемика в контексте культуры (хронотоп времени и пространства), изображение дистанции взаимодействия между героями, тактильные взаимодействия персонажей, которые являются характерными для представителей алтайского этноса (их наличие или отсутствие), особенности изображения душевной и поведенческой межличностной синхронности (согласованности) персонажей, национальные особенности изображения зрительных

контактов, экстралингвистические средства (паузы, смех, плач, кашель, вздохи) и паралингвистические средства (темп речи, тональность, ритм, тембр голоса), мимика, жесты и пантомимика героев, использованные автором для передачи чувств и эмоций персонажей. При косвенной форме психологического анализа автор не изображает прямо процессы, происходящие в сознании и психике героя, о психологических коллизиях или эмоциях и чувствах героев мы узнаем через внешние симптомы и манеры поведения.

– суммарно-обозначающая форма психологического изображения внутреннего мира, когда мысли и чувства персонажа читателю сообщаются с помощью их называния, предельно краткого обозначения. При этом автор может называть эти чувства и эмоции, но не показывать как это происходит, не раскрывать, что чувствует герой; или же автор подробно отслеживает процесс протекания эмоций, чувственных ощущений во времени, эти чувства предстают перед читателем с большей живостью и художественной силой, и так же живо и сильно читатель может их ощущать (переживания Алана по случаю смерти матери, встреча вернувшегося из плена Тарына и предавшей его Зои, душевные переживания Шуры, Шине и др.)

Как соотносятся формы психологизма и символические приемы в романе? Считаем, что символические приемы присутствуют во всех трех формах, создавая особый эмоциональный фон, обогащая художественное восприятие читателя, усиливая формы и приемы психологизма. В романе много приемов психологизма, например, как замок на двери – символ тревоги, когда Алан возвращается с войны; воспоминания героя, внутренняя речь, размышления, легенды и мифы, воспроизведенных устами персонажей, которые тоже дают более глубокое понимание внутреннего мира персонажей романа, народная песня, сон и т. д., они остаются предметом для будущих исследований.

Предметом анализа в данной статье являются символично-психологические приемы, такие как, к примеру, передача эмоций через представителей животного мира: жеребенка, коня, мыши, кабарги, кукушки, пчелы, которые эмоционально дополняют художественную образность в романе «Алан». Кроме того, особый психологизм, душевный настрой персонажей помогают раскрыть природные явления: дождь, гром, молния, град, снег, облака, потоп,

мираж и т. д. Особое внимание следует уделять деталям пейзажным зарисовкам, которые помогают внимательному читателю прочувствовать настроение героев, их внутренний мир, понять психологический и символический параллелизм.

Как же представлены символично-психологические приемы в романе? Главный герой романа Алан вернулся с войны, эпизод с кукушкой передает внутреннее мироощущение и чувства фронтовика, когда он увидел, как тяжело живут его земляки, в его душе боль от того, что мать не дождалась его, он растерян и чувствует себя одиноким.

В алтайской народной сказке про происхождение кукушки есть мотив одиночества, печали. По легенде, брат и сестра терпели каждый день ругань и притеснения злой мачехи. Однажды девушка, которой доставалось больше всего от злой женщины, не вытерпев насилия, превратилась в кукушку и вылетела в дымоход. Мачеха только и успела схватить башмачок на одной ноге девушки. Девушка улетела, брат так и остался в аиле, с тех пор кукушка всю жизнь мается одна, кукует и зовет родного брата. Существует еще поверье, что кукушка считает годы жизни человека. В литературном аспекте кукушка тоже олицетворяет одиночество.

В начале повествования, когда главный герой тяжело переживает утрату своей мамы, он слышит кукование кукушки. Им овладевает чувство одиночества. «Ку-куу! – вдруг доносится с гор, как эхо... Опять встревожилась душа Алана. Опять он увидел, что деревня пустынна, ни одной живой души» [6, с. 27]. «Не ко времени раскричавшаяся птица будто всхлипывала и нагоняла тоску. От ее монотонных причитаний у Алана защемило сердце» [7, с. 26]. «О чем же кукует кукушка?» – проносится мысль в голове Алана, почему же так пустынно в деревне и пусто в душе у солдата? Примечателен факт, что Алану захотелось с кем-либо поговорить, он решает завтра же отправиться со всеми на сенокос.

Следующий символ – представитель животного мира, придающий тонкую эмоциональную тональность в романе – мышь. В литературе мышь – это символ, представляющий хрупкость жизни, который говорит о том, как важно в жизни помогать тем, кто слабее, уязвимее в создавшейся ситуации. Мышь как будто напоминает людям о том, что есть такие чувства, как сострадание, сочувствие. В романе с мышкой с глазу на глаз встречается молодая

девушка Шинге, старшая сестра многочисленных сестер и братьев, которые недоедают, у которой семья находится в бедственном положении. Шинге находит в поле норку мышки с запасом зерна на зиму. Она радуется своей находке, забирает запасы мышки в свой мешочек и вдруг увидела мышку, которая дрожит от страха. Мышка, оказывается, не одна, у нее есть маленькие мышата в глубине норки, «А! Вас здесь много!... Ну, что поделаешь, придется поделиться с вами», – думает она [7, с. 114,]. Девушку удивляет безропотность мышки, которая не двигается с места, она как будто поражена тем, что человек забирает все ее зерно. Шинге кажется, что перед ней сидит маленький беспомощный ребенок: «*Ол Шингеден кӧс салбайт, кандый да јобоиш, кунукчылду бӱдӱмдӱ кӧрӱнет. Сырангай ла кӱлге бороро уймалала, очоктын јанында отурган бала ошкош деп, Шинге сананып ийгенин бойы да билбей калды*». «*Бу не отурат не? Мени кӧрӱп турган ба? А куда-а-а-й! – деп, Шинге кенетийин нени де сезип ийгендий ачу сананды... / ...Удабас ла кар тӱжсер. Ол тушта канайдарын, чычкан? / ...Шинге колын таарына сукты. «А бу мен канайып тургам? Чычканда бай бар ба мында!» – деп, ойто сананды*» [5, с. 122]. Символический прием с мышкой обнажает противоречивые чувства и эмоции героини, связанные с безысходностью, голодом, тяжелой жизнью большой семьи в послевоенное время, эпизод заставляет читателя задуматься, трогает за тончайшие струны души.

В своем романе Э. Палкин не раз обращается к теме охоты на кабаргу, чтобы полно отразить жизнь в бригаде, трудности и радости трудящегося коллектива людей. Кабарга – дикое животное, которая традиционно присутствует в жизни алтайцев, ее мясо всегда служило пропитанием, спасло много людей в голодные годы и сегодня пользуется большим уважением. Персонаж Тодыр на ночь уходит на охоту, когда люди попив пустой чай, ложатся спать, а на утро приходит с добычей! Радости нет предела, хотя внешне все ведут себя размеренно, описание этого утра, приведенные диалоги отражают хорошее настроение и радость людей: «*Ончо улус эликтин эдин кӧрӱп: «Кайда аттар, кӧп элик келди бе, кажсы киреде келгиледи» деп соныркагылап, бойлоры дезе ичтеринде сӱӱнгилеп, эт јиирге мендегилеп, јӱстерин јунгулап, оттон салыжып, суу экелгилеп турдылар*» («Подъем» кричать не пришлось. Вокруг охотника и поварихи мгновенно собралась вся бригада. Еще бы – мясо!

Торопливо умывались, подбрасывали хворост в огонь, заглядывали в казан, нюхали аппетитно клубившийся над костром пар, каждый старался чем-то помочь и ускорить вкусный завтрак. Наперебой спрашивали Тодыра – где убил, много ли козлов видел...») [7, с. 84,]. Следующий эпизод, связанный с охотой на кабаргу, дает возможность глубже понять внутренне состояние главного героя романа, его характер. Алан рассудителен, честен перед собой и людьми [5, с. 266–269]. После конфликта с Качаа, неприятного разбирательства на партийном собрании он внутренне неспокоен, поэтому выпросил день–два у председателя, чтобы сходить на охоту, а главное, со стороны посмотреть на происходящее вокруг. Единение с природой, раздумья в полном одиночестве, ночевка под елью помогут ему разобраться в себе, в своих чувствах, подумать об отношениях с Шинге. «*...Кенетийин кайда да таш шалыраганы угулды. Алан нени де кӧрӱп ийерге, окпӧӧрип ајыктанды. Эликтер сақыбаган јанынан кӧрӱнгиледи...*» [5, с. 267]. Встреча с кабаргой, волнение и возбуждение охотника говорят о традиционной чистоте души человека, живущего в гармонии с природой. Пусть охотничья удача на этот раз прошла стороной, но это единение с тайгой дает ему больше душевных сил. «*Аланга бу серӱӱн кӱски кӱнде кырда јӱргени арка-сынын сергидип, санаа-кӱӱнин арутап, ӧзӧк-јӱрегине јангы ал-санаалар алгандый болгон*» [5, с. 269]. Считаем, что кабарга в романе – это символическое изображение неразрывной связи с национальными традициями, корнями, чистой и богатой души главного героя и других персонажей.

В романе есть глава, которая называется «*Адарунын уйазы*», в переводе А. Китайника «Пчелиный рой», В. Чукреева «Пчелиный улей». Пчела является многоплановым символом в литературе. Традиционно с пчелой ассоциируются трудолюбие, чистоплотность, мудрость, организованность, порядок и др. В начале повествования Алан после возвращения к мирной жизни, вливается в коллектив бригады, начинает знакомиться с людьми поближе, встречает Шуру, у него просыпается теплое чувство к девушке. Это волнующее чувство рождается после укуса пчелы, когда Шура перевязывает ему раненое от укуса лицо. Рассматривая растормошенный Шурой пчелиный рой, в его голове возникают мысли о том, как много сил вкладывается, чтобы наладить мирную, трудовую жизнь, как вероломная война рушит все мирное, приносит хаос и беды

народам. Думается, встреча главного героя с пчелиным роем, укусы пчелы в начале повествования символизируют новую, трудовую и напряженную жизнь героя, богатую на события, не лишённую тревог и забот, но также и любви и радости.

Особое место в романе «Алан» занимает символика коня и жеребенка по прозвищу «Кускун». В культуре алтайцев без лошади мужчина себя не мыслил. Конь – это не только средство передвижения, друг и помощник, конь для мужчины – это олицетворение свободы, движения вперед, преодоления жизненных препятствий. Примечательно, что первая часть романа на алтайском языке называется «*Кулун киштейт*». Это словосочетание в дословном переводе на русский язык – «Ржет жеребенок» – теряет свой национальный колорит, в алтайском варианте есть некая образность, возможно, свойственная именно национальному менталитету («вечный зов»), восприятию четвероногого друга. Работая табунщиком вместе с молчаливым человеком по имени Дьумур, Алан сильно привязался к коням, стал их понимать и относится к ним с большим уважением. Он наблюдал отношение Дьумура к коням, как этот суровый мужчина, который не пожалел сына-дезертира, ласково и с пониманием относится к ним. Он ловко и искусно объезжает необъезженного жеребца, в конце объездки «все смиреннее конь, все ласковее голос Дьумура» [7, с. 161]. В тексте мы находим выражения, характеризующие отношение Дьумура к коням: «*Тооло, тооло, јазап тооло*» – деп, *јымжак кјүлүмзиренип, бөрүгин чупчып, бажын сыймайтан*»; не давая в обиду неугомонную кобылу, говорит: «*Јок, ол шыраңкай мал, јакшы өлөңдү јерди табарга сүрекей*» [5, с. 180]; «*Тирү мал ары-бери баспай, канайып јүрер ол*» – деп, *өббөгөн капшай ла малдын адаанын алатан*»; «*Мал киштебес болзо, ончо өзөк-јаландар эн артар эмей*» – деп, *ол јаантайын айдатан*» [5, с. 181].

Особый лиризм чувствуется в описании взаимоотношений Алана и маленького жеребенка Кускун. «Предметом неустанных забот и ласки Алана становится жеребенок Кускун, которому он поверяет свои мысли. И Кускун отвечает ему привязанностью», – отмечает литературовед Р. Палкина [8, с. 99]. «*Кулун десе атка эмес, Аланга јүренген учун кожо мантап јүретен. Текишлеп-текишлеп, ойноп мантап, онын бажынанг ачу-ачу киштеп туратан. Онын киштегени Аланнын көксине өдүп, сүрекей кару ла јылу билдиретен. Капшай ла оны түдүп эркелеер кјүни келетен...*» [5, с. 185].

«*Кускун, кел бери*» – деп айдар болзо, ол канайда да *јараштыра чокчондодо секирип, јерди јыткарып, базып келетен. Алан онын бажын, јалын, арка-сынын сыймап, эркеледип туратан. Ол тушта Алан ончо јүрүмин сананып, энезинин эркелеткенин, айткан сөстөрүн эске алынатан. – Сенде эне јок, менде эне јок – деп, ичинде айдынатан...*

– *Бис экү өскүс* – деп, Алан кунукчылду туратан. – *Је алдырбас – чыдап өзөрис! Кускун! Бу јер-алтайдын үстинен азыранып, айды-күнди көрөрис...*» [5, 185–186]. «Порой на Кускуна нападала самая настоящая грусть. Алан сразу же замечал это по горькому, проникающему в душу голосу жеребенка. Вот и сейчас ночью, затосковал он, зовет к себе, ищет ласки» [7, с. 167]. На наш взгляд, жеребенок является олицетворением самого героя, его состояния души, которому нужна ласка и любовь, внимание. Жеребенок – символ того, что наш герой в развитии, у него все впереди, как жеребенок подает голос, так и будущее откликается в его душе и зовет к обновлению.

В романе можно наблюдать стилистический прием, который называется психологический параллелизм между явлениями природы, пейзажными описаниями и внутренним миром, эмоциями персонажей. В романе насчитывается более 20 явных описаний явлений природы, времен года, пейзажных описаний, которые предваряют эмоциональное состояние героев, окрашены личными чувствами главного героя Алана и других персонажей, и превращаются в символический пейзаж. Про «изображение природы в ее соотношении с героем» в романах в литературах народов Южной Сибири отмечает Р. Палкина [8, с. 94].

Необходимо отметить, что психологический параллелизм тонко подмечает состояние героев и передает читателю связь пейзажа, явлений природы с внутренним состоянием героев. В вышеупомянутой главе про кукушку как символа одиночества, начинается с описания темнеющего неба: «Громыхание за Бош-Туу утихло – близкая гроза прошла стороной. Но небо, которое с утра было ясным, теперь потемнело. С вершин, белеющих вдали и закрывающих с юга долину, сползают и сползают темно-синие тучи. Кажется, что они не вмещаются там, за этими пиками и скоро расползутся, заполнят собой весь белый свет...» [с.27, 6]. «*Эртен тура турган айас тенери эмди бастыра келтейиненг чон кара*

булуттарга арададып алган турды. Ыраактан агарып көрүнип туратан Үч-Сүмердин бажынан булуттар чыгып, жер-телекейдин үстине жайылып тургандый көрүнөт» [5, с. 25].

Некоторые природные описания не существуют сами по себе. Они переходят из одного состояния в другой, на фоне цепочки пейзажных образов или природных явлений происходит какое-либо событие или наблюдаются внутренние эмоциональные процессы у персонажей. Такую цепочку природных явлений мы наблюдаем в первой главе второй части романа под названием «Борщевик» («Суу-балтырган»): мелкий дождь – сильный дождь – молния – гром, гроза – сильный дождь – град – мелкий дождь. Алан во власти этих природных явлений, на этом фоне идут воспоминания Алана, он как бы заново переживает непростые по эмоциональным оттенкам встречи с людьми, когда объезжал чабанские стоянки весной. Пейзажные зарисовки в данном эпизоде представляют собой динамичные явления, погружающие в ощущение «здесь и сейчас», мы ощущаем все движения природы, более эмоционально воспринимаем события в романе [5, с. 209–211]. У него мрачные воспоминания, он видит, как непогода влияет на настроение людей, он везде слышит жалобы, некоторые его встречают даже агрессивно:

«Как перекечевали, ни разу солнца и своей тени не видели. Льет без перерыва, того гляди и снег выпадет. Ягнята дрожат от холода...» [6, с. 176].

У людей, пасущих торбоков – молодняк крупного рогатого скота, особенно много недовольства: «Вон их сколько! Около двухсот! Разве можно их спасти двоим? Ни сна, ни отдыха! – встретили Алана руганью...» [6, с. 176]. В этом эпизоде мы видим, что цепочка неблагоприятных природных явлений соотносится с мыслями и ощущениями людей.

Пейзажные зарисовки отражают событийность романа, создают определенное впечатление: дают более полное впечатление о месте и времени действия; характеризуют героев и их переживания, чувства и эмоции, также уклад жизни персонажей; служит фоном, на котором разворачиваются те или иные события; описание природы поэтизируют действия героев, указывают на единство мира людей и мира природы.

В последней главе романа («Новый аил»), на наш взгляд, выступает итоговый пейзажный образ, наглядно рисующий

ситуацию, что пришел финал заданной линии действия в романе, но впереди героев ждут новые радости и горести, новые события. Жизнь продолжается. «Күндөр жакшы ла турза, кыра көрөр-угар жетпес – көк-жажыл тура берер... / Жанмыр май айдын экинчи жарымында көп жааган. Жылу чыкты санап калган жер тургузула калын жажарып, өскөлөнүп, кеен жада берген. Тенгери күркүрөп, кенетийин ургун жанмырлап, онон ойто айазып, жалакай күндөп турган» [5, с. 374] («Весна, как всегда, была капризной. В «Кызыл Чолмоне» хотя и были недовольны то слишком ветреной, то слишком щедрой на солнце, то ударявшейся в поздние заморозки весною-красною, а дело делали») [6, с. 297]. Итоговый пейзаж в последней главе романа выступает как символ вечной жизни на земле.

Таким образом, символично-психологические приемы в романе в образах животных, в пейзажных зарисовках создают пейзажный параллелизм, способствуя раскрытию внутреннего мира героев произведения.

Источники и литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Искусство, 1968. – 345 с.
2. Гинзбург Л. Я О психологической прозе. [Электронный ресурс] <http://19v-euro-lit.niv.ru/>
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы [Электронный ресурс] https://thelib.ru/books/a_b_esin/psihologizm_russkoy_klassicheskoy_literatury-read.html
4. Золотухина О. Б. Психологизм в литературе. Учебное пособие. [Электронный ресурс] https://ebooks.grsu.by/psihologizm_lit/3-genezis-i-evolyutsiya-khudozhestvennogo-psihologizma-s-pozitsij-istoricheskoy-poetiki.htm
5. Палкин Э.М. Алан. Роман. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2006. – 384 с.
6. Палкин Э. Алан: Роман / Пер.с алт. В.Чукреева. – М.: Современник, 1983. – 304 с.
7. Палкин Э.М. Алан. Роман. Книга первая / пер. с алт. А. Китайника. – Барнаул: Алт.кн.изд., 1975. – 176 с.
8. Палкина Р. А. Роман в литературах народов Южной Сибири. – Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 123 с.

9. Страхов И. В. Л. Н. Толстой как психолог // Ученые записки Саратов. пед. ин-та. Вып. 10. Кафедра психологии. – 1947. – № 3. – 316 с.

© Г. Е. Ядагаева, 2024

УДК 821.0 (821.512.151)

А. М. Мекечинова

**КЕБЕЗЕН – ЖУУК УЛУЗЫМНЫН САЛЫМЫНДА
(Э. М. ПАЛКИННИН «АЛАН» ДЕП ЧҮМДЕМЕЛИНЕ
ТАИАНЫП ШИНДЕГЕН ИШ)**

A. M. Mekechinova

KEBEZEN – IN THE FATE OF MY LOVED ONES

Аннотация. В статье исследуются произведения Э. М. Палкина, в которых отражены исторические события послевоенных лет. Статья представляет собой сравнительный анализ реальных исторических событий по воспоминаниям Д. А. Аткуновой, Д. А. Емеевой с художественным текстом Э. М. Палкина (глава «Кебезен» из романа «Алан»). В 1947–1954 гг. по Постановлению облисполкома людей отправляли в село Кебезен для заготовки леса. В те трудные послевоенные годы, несмотря на голод, отсутствие одежды, дети и фронтовики готовили лес и сплавливали по реке Бия. Каждый выполнял свою норму, работал на совесть. Проведенный анализ позволил выявить, что в романе «Алан» Э. М. Палкиным отражены реальные исторические события.

Abstract. The article draws attention to the works of E. M. Palkin, which describe the historical events of the post-war years. The article is a comparative analysis of real historical events based on the memoirs of Atkunova J. A., Emekeeva J. A. with a literary text by E. M. Palkin (title “Kebezen” from the novel “Alan”). In 1947-1954, by Decree of the regional executive committee, people were sent to the village of Kebezen for logging. In those difficult post-war years, despite hunger and lack of clothes, children and front-line soldiers prepared timber and floated along the Biya River. Everyone fulfilled their norm, worked conscientiously. The analysis revealed that E. M. Palkin truthfully writes in his novel “Alan” about the historical events of those years.

Ключевые слова: Кебезен, Великая Отечественная война, лесоповал, роман, фольклор, писатель, жизненная правда.

Keywords: Kebezen, Great Patriotic War, felling of timber, novel, folklore, writer, truth of life.

«Бу јобош кылыкту, көп эрмек-сөс айтпас, мендебес бичиичи керсү ле ак-санаалу, јаан анылу ла солун үлгерликтин төзбөчизи ле јайаачызы эмтир. Ол поэзиясында јакшынак эпик ле лирик, романтик ле реалист, јенүлү јайалталу көчүрөечи, үлгерчи. Ак онг, ак санаа, ак-јарык, јаркын – бичиичинин эн сүүген сүр-кеберлери» – деп, поэт Паслей Самык Эркемен Палкиннин јайаандык јолын бийик баалаган.

Көп јакшынак үлгелердин, туујылардын, «Кулун киштейт» деп повезинде ле сондо «Алан» деп адалып ак-јарыкка чыккан романнын авторына Улуу јылда 90 јажы толгонын темдектеп, ойгор бичиичини эске аладыс.

Эркемен Матынович Палкиннин чүмдемелдеринин темалары сүрөөн байлык:

- төрөли, төрөл јери, онын улuzu керегинде;
- алтай албатынын оос чүмделгезине, јанжыгуларына тайанганы;
- Ада-Төрөл учун Улу јуунын кату јылдарын, албатынын өткөн түүкилик јолын чындык көргүскени;
- јаны үйенин јүрүми, сүүш керегинде;
- најылыктын јолын үлгерлеринде теренжиде көргүскени;
- биленин учуры јүрүмде агару болгонын кереестеп көргүскени.

Бичиичинин чүмдемелдерин үренери баштамы класстардан башталып јат. Орто ло јаан класстарды алза: 5 класс «Сары киштейт» (үлгер), 6 класс «Алтай» (үлгер), 7 класс «Аржан» (үлгер), 8 класс «Ээчий-деечий турадыс», «Амыр јобош бу түнде», (үлгер.), «Амыр» (туујы), 11 класста хрестоматияда «Көк тенери» (туујы) ле «Алан» деп романнын Кебезен керегинде үзүги кийдирилген.

Канду јуу токтоды, онын јанылгазы
Алтайысла туура өтпөди.

Ары болуп барарда, атту-чуулу Кебезен.

Айланып ойто келерде, алкы бойыс тербезен...

1947 жыл. Туулу Алтайда Кебезенде агаш кезип жыгар деп облысполкомнын жөби чыккан. Бу иште бастыра аймактардан улус турушкан, 14 жаштан өрө уулдар ла кыстар, канду жуудан жанган фронтовиктер. Кышкыда агаш кезип, будагын арчып, тарткандар. Жаскыда, жайгыда – агашты суула агыскан. Кийим-тудумы коомой, курсагы ач улус, кыжы-жайы агаш кезер нормадын бүдүрүп, уур иштин учына эрчимдү чыккандар. «Алан» деп романда Кебезен керегинде бажалык мени тын жылбиркедип, сонуркаткан. Үренчиктерле чүмдемелди кычырып, айылда жуук улузынан, эне-адазынан, жаандардан сурап, ол өйдө болгон керектер керегинде эске-алыныштар бичип алзын деп шинжү иш беремиз. Бажалык өзөк-жүрегимди өйкөп, бичиичинин геройларынын жүрүмиле Алан, Тодыр, Умсуур, Боробош ло о. ө.менин жуук улузымнын түүкилик салымы биригип, тизилип калгандый сезилген. Темдектезе, романда жаан иштин учурын көргүскөн жолдыктар: «1947–1954 жылдар. Туулу Алтайдын эн жаан иштеринин бирүзи бу жыш, кайыр жерлерде өдүп турган. Октябрь айдын учы жаар көп аймактардан, башка-башка өзөктөрдү төмөн өлөң, кош тарткан чанакту аттар тошторло такылдадып, ээчий-деечий баргылайтан... Кажы ла жердин улузы бойлоры тан алдынан да жадып, иштеп турза, озор туштажып, таныжып, бой-бойлорына болушкылап туратан» [1, с. 296].

Ол өйдө Кебезенде иштеген улустын эске алынганы ла романда айдылганы келижип турганы учурлу: «... Жадык тартары эн ле күч иштердин бирүзи. Алан элден баштап тын чучураган эмей: эртезинде уйкудан туруп келер болзо, торт ло бастыра бойы өнзүретип калатан. Алан анчада ла чанакка жадыктар саларынан калажырайтан, же жаан удабай бу ишке бир эмеш темиге берген... Сананза, капшай ла баракка жедип, курсак та ичпей, тапчанга жыгыла бергедий...» [1, с. 292].

Машина, трактор жок, улус ончо бу ишти кызыл колдын күчиле, аттын болужыла бүдүргендер.

Үзүкте аттын сүр-кебери көргүзилгени: «... Кер ат колхоз ичинде жаан жарлу. Оны таныбас кижы жок – кандый да күч иштерде ол туружып жат: жаскыда салдага, жайгыда өлөң чабарында, аш кезеринде косилкага жегилет, айла жаантайын төс тартаачызы болот, өлөңди чанакка канча ла кире жыга салып берзен, кары жаан арканын өзөгинен сөгө тартып чыгар, айла торт ло кижы ошкош – жолды бойы билип, талдап базар...» [1, с. 292].

«Кебезен деп Алтайга / Келбеген болзом кайдадым. / Кебезеннин агажын / Кеспеген болзом кайдадым» – деп, албатынын кожоңы бар эди. 1947–1948 жылдар. Кебезен деп Алтайда агаш кезип жыгар иште менин энемнин жаан үлүзи база бар. Бу уур-күч иш энемнин салымынан база кыйбаган. Энем Емекеева (Аткунова) Жаңай Аймергеновна, чапты сөөктү, 1928 жылда Жаан Жаламан журтта чыккан. Энемнин эске алынганынан. Жуу-чак божогон кийнинде, 1947 жылдын күчүрген айында, Кебезенге агаш белетеер ишке ийгендер. Жаан Жаламаннан барган улустар: Алмашева Измен, Езрина Попраш, Адарин Сос, Бабаева Болчок Кыс, Адуев Жайканар ла карындажы Аткунов Юрий (Журга) ла о. ө.

Бүдүн кобыларды улус кара колдын күчиле тегин киреелерле, агаштарды жыгып, буудактарын жууп, өртөп, арутап салатан. Кажы ла колхозко агаш белетеер план берилет. Агашты 4–5 метрден судункалайла, аттын чанагыла тартып, темдектеп, тошко чогул жат. Жаскыда тош түшсе, ол агашты суула Жаш-Турага (эмдиги өйдө Бийск кала) жетире агызып, ойто суудан чыгара тартала табыштырат. Түжине ле иштеп, орой жанатандар.

Кебезенде иштеген көп оогош балдар сооктон, уур иштен улам ооруларга бастырып, жүрүмнен эрте баргандар. Ол тоодо, Күпчеген журттан келген Маркитанова Рая оорып божогон, жерлештери мөңкүзүн анда ла көдүрүп салган деп, энем эске алынган эди. Канайдар база: жаан иште, улу керекте не ле болуп жат...

Жанган жолы база шыралу болгон, жолой ло улустын айлына суранып конотондор. Жаскыда иш божозо, сыр кожонло коолодо кожондожып жанатандар:

...Абралу машина
Адыс болгон ол жок по?
Аба жыштын барагы
Айлыс болгон ол жок по?
Барып жатса – Кебезен,
Келип жатса – тербезен.

Энем алты баланын энези. Он эки баркынын жаан энези болгон. Иштин ветераны. Турумкай, эрчимдү ижи учун Төрөли көп медальдарла кайралдаган.

Жаңы жер, Кебезен, чындап та, улустын жүрүмине кубулталар, солунталар эдип турган. Ол ончозы улуска ичтен чыгара айтпаза да, кайда да жүректин теренинде жарап тургандый болгон. «Айылду улус

айлын чачатан, айыл жокторы айылду болотон алтай эмтир бу – деп, Жанчыктын чөрчөк айдып отурганы ненин де учун улуска жараган, оны куучын болгондо айдыжып, каткырыжып отургылайтан.

Көп улус жуулган жерде кайда да угулбаган жануу солундар табыла ла берер не. Анчада ла келин-кечкин, көрүш-таныш керегинде ачу, же жаркынду сөстөр чедиргендий тазырап, улустын ортозыла учулап туратан... Кече, аркада амырап, танкылап отурап өйдө, кандый да кыстын кожоңы ыраактан угулган:

...Кара ла жаш Кебезен,
Калык, меге килезен.
Кара көстү көөркийди
Кайра меге көрдирзен...
Чапкан актын агажын
Чаппаган болзом кайдадым.
Чакпанак деп Алтайга
Барбаган болзом кайдадым [1, с. 299]...

Кебезенде болгон түүкилик айалганын кереечизи – эжем Белешева (Емекеева) Жыламаш Адушевна, кергил сөөктү, 1929 жылда Жаан Ылегемде чыккан. Алты баланын энези, иштин ветераны Хабаровка журтта, тогузон беш жашту эзен-амыр отурат. Эжемнин эске алынгануула, 1948 жылда Кебезен деп жерде агаш белетеер иште база турушкан. Онын куучандаганыла, бис бичип алганыбысты салып жадыбыс: «Кажы ла колхозко узун кыжына 1500–2000 кубометр агаш жыгып белетеер жакылта берилетен. Мынча кире агашты кезеле, оны Кара-Кокша деп суунын жарадына тартып экелер. Кандык, күүк айларды сакыыр. Жылу келип, тош түже берзе, кескен агаштарды суула агызар. Агаш белетеер жерге колхозтон жирме кижиден турган он ат атанатан. Жол-жорукка бөкө аттар, күчтү, капшуун, чыйрак уулдар ла кыстар баратан. Күчүрген айда барган улус, тулаан айда жанатан. Кебезеннен жанатаны сүрекей күч болгон. Жаскыда карантыда чанакты ойто кайра экелер арга жок. Комут-дуганы, аяк-казанды бастыразын атка коштоп, шыралап жанатаныс. Жолой адына да берер, бойын да жиир курсак жок. Арык аттарды жединеле, жойу жанатаныс. Жолой айылдарга кирип, чайлайтаныс. Күндүзек улус бар-жогын салып, азырап күндүлеер. Кезик улус эжиктерин күрчектенер.

Ороктойдо конгоным санаама кирет. Эртезинде айылдын ээзи мени машина тозуп, Ондойго жетире отургыскан. Ондойго конуп, Өлөтү журтка жетире абралу атка отурып келгем. Кичинек Ылегемге

жетире жойу жеткем. Менле кожо Кебезенде агаш белетеер иште: Жалаа Суркашева, Лиңжи Тобоева, Жаманкыс Суркашева, Күлер Балбыков, Модыш Адаров, Мангылай Санаков ло о. ө. турушкандар.

Кебезен жери канча улустын иштеп те, кожондоп то жүрген алтайы болор. Лиит тужунда жанарлаган кожондор көгүсте күүлеп, арткан эмей:

Элик бычкак өдүкти
Ээлеп калза, эт албай.
Энем өскөн алтайга
Эбирип ойто жан келбей.
Ан бычкак өдүкти
Артап калза эт албай.
Адам өскөн алтайга
Айланып ойто жан келбей.

Эжем Жыламаш Адулашевна 1951 жылда Жыдыш Тодурович Белешев деп уулла таныжып, айыл-журт төзөгөндөр, эптү-жөптү журтап, алты бала азырап чыдаткандар. Эжем 13 барканын ла 11 баркачактын ырысту жааназы. Жозокту ижи учун областьтын, аймактын, «Искра» колхозтын башкарузынын Быйанду самараларыла, Күндүлү грамоталарла, «За освоение целинных земель», «Иштин ветераны» деп медальдарла кайралдаткан.

1949 жылда ойто ло кату иште – жол жазаарында – турушкандар. Эркемен Матынович Палкин «Алан» деп чүмдемелинде жүрүмде чын болгон (жизненная правда) орооннын түүкилик жолун, уур-күч иштин учуры улустын салымына качаланду камаанын жетиргени керегинде бичиген. Агаш кезер иш сүрекей күч те болгон болзо, улус жүрүмнин уур салтарына сыныкпаган, кожон-комутла, көстин жажыла өдүп, оодулуп калган журтхозяйствоны орныктырып, жолдор жазап, ичкери көрүп, жөнүлү чыккандар.

Источники и литература

1. Палкин Э. М. Алан. – Горно-Алтайск: Ыч-Сүмер – Белуха, 2006. – 310 с.
2. Киндикова Н. М. Чүмдеечилерди тооп ло эздип. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2020. – 240 с.

© А. М. Мекечинова, 2024

С. В. Абысова

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЙЦЕВ И РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Э. ПАЛКИНА

S. V. Abysova

FOLKLORE HERITAGE OF THE ALTAI PEOPLE IN MANUSCRIPT MATERIALS OF E. PALKIN

Аннотация. В статье рассматривается личный вклад Э. М. Палкина в сбор и публикацию фольклорного наследия алтайцев. Источниками для исследования послужили рукописные материалы, хранящиеся в научном архиве НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, книжные издания, в подготовке которых Эркемен Матынович принял активное участие, а также исследования по творческой биографии писателя.

Abstract. The article deals with E. M. Palkin's personal contribution to the collection and publication of the folklore heritage of the Altai people. The sources for the study were manuscript materials stored in the scientific archive of the S. S. Surazakoff Research Institute of Altaic Studies, book publications, in the preparation of which Erkemen Matynovich took an active part, as well as studies on the creative biography of the writer.

Ключевые слова: Э. М. Палкин, наследие, рукопись, народное творчество, алтайский фольклор, запись, текст, сказание, сказка.

Keywords: E. M. Palkin, heritage, manuscript, folk art, Altai folklore, record, text, tale, fairy tale.

Творчество Эркемена Матыновича Палкина, несмотря на имеющиеся многочисленные исследования, остается еще недостаточно изученной областью в литературоведении. Н. М. Киндикова отмечала, что литературное наследие классиков алтайской литературы в какой-то степени рассмотрено, и вместе с тем говорила о недостаточной изученности личных архивов известных писателей, в том числе архива Э. М. Палкина. Литературовед указывала на отсутствие автобиографии позднего периода, фотографий детских и юношеских лет, воспоминаний и более подробных сведений о детских и юношеских годах поэта,

а также на недостаточную изученность формирования его как писателя [1, с. 236]. Из её статьи следует, что дебют поэта состоялся в 1951 г., когда в региональной газете «Алтайдын Чолмоны» было опубликовано стихотворение «Комсомольский билет». Однако, формирование будущего поэта началось задолго до этого дебюта. Об этом свидетельствует воспоминание М. А. Барантаевой о сотрудничестве с Э. Палкиным и Л. Кокышевым: «Эти два парня мне запомнились своей активностью и склонностью к творчеству. На литературных вечерах они, как правило, задавали тон» [2].

Э. Палкин был хорошим знатоком алтайского фольклора, его носителем, а также выступал собирателем произведений народного творчества. Работа по сбору и фиксации фольклорных текстов была известна ему со школьной скамьи. Рукописные материалы по алтайскому фольклору, принадлежавшие писателю, хранятся в фондах научного архива НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова с 1985 года. Почти все материалы имеют схожее оформление – тексты подписаны Э. Палкиным с правого верхнего угла. Обычно так подписывают авторы свои творения. Рукописные тексты не содержат сведений о проведении записей сказаний, нет дат, имен исполнителей, условий исполнения, в отличие от записей фольклорных материалов, в которых принято заполнение «паспорта» с указанием наиболее полных данных. Каждое произведение в записи Э. Палкина хранится в отдельной папке и имеет свое название. Под названием текстов писатель почти всегда указывал жанр этих произведений, либо принадлежность к определенному жанру обозначалась в титуле папки. Так, большинство произведений обозначены как сказки – *чөрчөк*. Эти тексты хранятся в фонде фольклорных материалов (ФМ). Здесь представлены тексты таких произведений как «Кюмюш-Коо (Күмүш-Коо)», «Кюлер-Дьаа (Күлер-Джаа)», «Садак-Мерген», «Кызыл тыт», «Время наступит (Öй келер)», «Голубь и сова (Күүле ле үкү)». Также в материалах писателя есть папка с произведением «Абулжот», на которой имеется запись о том, что это сочинение самого Э. Палкина, а не народное произведение (Папка № 24). Знакомство с содержимым обозначенных папок вызвал вопрос – относятся ли эти произведения к устному народному творчеству или являются наследием писателя?

Запись героического сказания «Кюмюш-Коо (Күмүш-Коо)» датирована 1949 годом. В конце текста указано следующее: «5/1–49 г.

Палкин Еркеменди, обл.нац.школа». Судя по этой записи, рукопись сказания осуществлялась 5 января 1949 г., когда будущий поэт еще был учащимся областной национальной средней школы (ОНСШ). На тот момент ему было всего 14 лет. Рукопись сказания «Кюмюш-Коо» содержит 680 строк. Запись осуществлена аккуратным каллиграфическим почерком на тетрадных листах в клетку без пропуска в два столбца на десяти страницах. К сожалению, в рукописи нет сведений о том, от кого было услышано и записано данное сказание. Сказание начинается с описания владений героя – Бырчыт баатыра и его занятий. С развитием действия назревает конфликт между эпическими героями, в котором хан по имени Кан-Дьаа (Кан-Яа) хитростью одерживает победу. Он подговаривает супругу *баатыра* напоить мужа ядовитым зельем, пообещав ей власть над своим народом, и с ее помощью умерщвляет Барчыт баатыра. Новорожденного сына по имени Кюмюш-Коо от верной смерти спасает конь *баатыра*, утащив младенца и утаив его в глубокой чаще леса под березой с сочившимся соком. С течением времени мальчик вырастает, конь отца навещает его и вывозит из леса. Затем мальчик обретает своего коня, узнает о своем происхождении, судьбе своих родителей, отправляется в стан врага, чтобы отомстить за убитого отца. В противостоянии с врагом герой предстает в ипостаси плещивца-*тастаракай* и воина-*баатыра*. Он одерживает победу над врагом, освобождает народ из плена. В этом походе герой встречается не только с предавшей его матерью и наказывает ее, а также встречает суженную невесту, и они проводят свадебное пиршество – *той* [3]. Текст полностью соответствует традициям эпического сказания как по композиционно-сюжетному составу, так и по поэтике в целом. Вероятно, Э. Палкин записал услышанное им сказание по памяти.

Текст сказки «Кюлер-Дьаа» также построен по правилам алтайской эпической традиции. В нем есть все композиционные части эпического произведения. В рукописи Э. Палкин выделил 23 части произведения. Первая часть или зачин сказки начинается с изображения эпического пространства – благодатного Алтая и главных героев – бедного пастуха Кюлер-Дьаа и богатого хана Улбер бай. Далее описываются привычные для пастуха занятия. В третьей части говорится о том, как бедный парень находит *эрдьине* – небольшой предмет внешне похожий на яйцо и приносящий

обладателю удачу и счастье. В дальнейшем эпизоде к пастуху приезжает Улбер бай, выгнавший бедняка трудиться без отдыха. В ответ на его выходку у Кюлер-Дьаа возникает мысль о неожиданном нападении на бая. Бедняк, забравшись на крышу юрты, поджидает богача, чтобы скинуть на него придавку-*баспак*. Так он сбивает его с ног, а сам забирается на самый верх юрты, и когда богач забирается туда, то скидывает его через дымоход на очаг и сжигает. В 5–6-ой эпизодах описывается схватка бедняка с богачом. В последующих эпизодах бедный пастух уходит в чащу леса, устраивает становище и ночует там. На следующее утро он просыпается в богатой юрте и, поняв причину чудесного богатства, прячет *эрдьине*. В 10-м эпизоде к нему приходит Дьурун (Журун), супруга убитого им богача. Далее следует сцена поездки Кюлер-Дьаа за невестой по имени Торкой. 13-ый эпизод изображает обратный путь, во время которой герой Кюлер-Дьаа незаметно подсматривает тайную встречу Дьурун и огромного Змея. Затем следуют сцены возвращения домой и проведения свадебного пиршества, нападения Змея на мирно живущий народ. В кульминации сказки изображается схватка героя и его супруги со Змеем. Одержанная победа Кюлер-Дьаа и дальнейшее изображение мирной жизни служит развязкой эпического действия [4]. Краткое изложение произведения показывает сходство сюжетобразующих мотивов с типичными для эпических сказаний алтайцев мотивами – это убийство врага, героическое сватовство, перевоплощение, борьба с чудовищами и т. д.

Различия имеются в поэтическом языке сказки «Кюлер-Дьаа», в использовании стилистических средств и художественно-образительных приемов. В тексте сказки Э. Палкин практически не использует устойчивых поэтических формул эпической традиции либо они встречаются в несколько измененном виде. В сказке «Кюлер-Дьаа» имеются схожие на устойчивые поэтические формулы места. Сравним отрывок из рукописи со схожими местами в героических сказаниях:

«Кюлер-Дъаа»:
Одорлу, сууга ак малын [На месте, где обилие] пастбищ,
Жайым текши божотты. рек белый скот свой
Одунду суулу кеен жерге На свободу полностью пустил.
Албатызын жыргатты На прекрасном месте,
 [4, с. 20]. где [обилие] дров и рек
 Народу своему праздник
 устроил.

«Кан-Дъегей» («Кан-Жегей»)
Одорлуда малы турды, Там, где обилие пастбищ,
Одындуда жоны жатты табуны его стояли,
 [4, с. 20]. Там, где обилие дров,
 народы его жили.

«Кан-Алтын»:
Ак малын полгожын Белый скот свой, если [о нем]
Одорлу жерге салат. сказать,
Албаты жонун полгожын На пастбищные места пускает.
Одын-суулу жерге тургузат. Подданный народ,
 если [о нем] сказать,
 На местах с дровами-водой
 расселяет [5, с. 500–501]

Устойчивые поэтические формулы крайне редко использованы и в сказке «Садак-Мерген». Знакомые поэтические формулы приобретают в рукописи Э. Палкина несколько иное выражение. Так, описание в самом начале сказки отдаленно напоминает устойчивую поэтическую формулу, часто встречающуюся в алтайских сказаниях при изображении поездки героя-батыра:

«Садак-Мерген»:
 1 *Учы-бажы көрүнбес* 2 Словно заснувшая степь
 2 *Уйуктагандый чөл жадат.* лежит –
 3 *Учы-бажы билдирбес* 1 Ни конца,
 4 *Узун жол ондо чөйүлет* ни начала не видать.
 [6, с. 1] 4 Долгая дорога
 там протягивается –
 3 Ни конца, ни начала
 не узнать.

«Кан-Алтын»:
Учы жок узун чөлдөр учурайт – Встречаются длинные степи
Учын алып келип жадат. без конца –

Жаказы жок жаан чөлдөр Встречаются широкие степи
учурайт – без края –
Жакаладып келип жадат. Края их достигая, едет
 [7, с. 74–75].

Сказка «Садак-Мерген» отличается ярко выраженным индивидуальным поэтическим стилем. В тексте использованы эмоционально насыщенные строки, свойственные обычно лирическим стихотворениям.

Садак-Мерген санаазында Садак-Мерген в мыслях
Кайда да ыраакта своих
баргандый. Где-то далеко отправился
Таптай калган агазын будто бы.
Ол жерде тапкандый. Потерявшегося брата
О, калак, ондый эмес, своего
Ол жагыс ла тату санаа! В том месте нашел будто бы.
Кайда жүргени билдирбес О, калак, не так,
Кайран карындаш Это лишь сладкие думы!
кайда не?! Где находится не узнать,
Ондый ачуга бастырып, Бедный брат где же?!
Садак-Мерген ачынат Такой печали поддавшись,
 [6, с. 1]. Садак-Мерген сокрушается.

Кроме того, в рассматриваемых текстах наблюдаются и другие нововведения. Так, в конце сказки «Садак-Мерген» имеется любопытный эпизод. Из текста следует, что герой возвращается домой с невестой и знакомит её с матерью. В это время одна из присутствующих женщин упрекает героя в том, что он выбрал в жены девушку из другого этноса и потому потерял свое «алтайское лицо». Ответ Садак-Мергена пронизан идеей братства всех народов, которая активно пропагандировалась в эпоху соцреализма, когда заключение смешанных браков стало обычным явлением.

Оны угуп бир эмеген Это услышав, одна женщина
Удура мынайда соок В ответ так холодно сказала:
айтты: «Алтайскую девушку ты не
«Алтай баланы сен албай взял [в жены],
Алтай бүдүжсинди Алтайское лицо свое
жылыйттын. утратил.
Эне-аданга болушпай, Матери-отцу не помогаешь,
Эмди өскө кижжи болорын». Теперь чужим человеком
 станешь».

<p>Оны угун Садак-Мерген Ого удур ярт айтты: «Слер карыган эмегендер Нени де билбей жадыгар. Эмди телекей үстінде Ончозы тен жүрүмдү. Амырды, ырысты сүүп жат, Албатыга нак жадынду. Ол жангды бускандар Кату карузына турарлар. Кандый ла кижги эмдиги өйдө Бойынын санаазыла жүрүн жат. Менин жүрегим Солонойды Энемди чилеп сүүп жат. Бистин жаш жүрүмисти Бузар кижги жок болор. Бистин амыр санаабыста Жадын-жүрүмниг жаранары ба [6].</p>	<p>Это услышав, Садак-Мерген Ей в ответ отчетливо сказал: «Вы, пожилые женщины, Ничего не знаете. Теперь на земле Все одинаково живут. Мир, счастье любят, Народы дружно живут. Тот закон нарушившие Строгому наказанию подлежат. Каждый человек в настоящее время Своим умом живет. Мое сердце Солоной, Как люблю я мать, любит. Нашу молодую жизнь [чтобы] Разрушить человека не должно быть. По нашим мирным мыслям Жизнь должна расцвести».</p>
---	--

Рассмотрение сказок из архивных записей, на наш взгляд, еще раз подтверждает слова С. С. Каташа, который при анализе поэмы «Амыр» Э. Палкина говорил о том, что «поэт не эксплуатирует фольклор, а умело использует поэтику народного творчества для усиления художественной и эстетической значимости произведения, для обогащения его языка» [8, с. 139]. Своеобразное слияние эпоса и лирики исследователь назвал отличительной чертой поэзии Э. Палкина. Вероятно, результат этого синтеза эпического и лирического мы и видим в архивных рукописях поэта. Потому можно предположить, что эти произведения относятся к творческому наследию автора.

В рукописях Э. Палкина, как уже упоминалось ранее, также представлены прозаические тексты «Красная лиственница (Кызыл тыт)» [9], «Время наступит (Өй келер)» [10], «Голубь и сова (Күүле ле үкү)» [11]. Все названные произведения также отнесены к жанру сказки. На титуле папок, содержащих тексты «Красная лиственница» и «Время наступит» в скобках указан жанр *чөрчөк*,

хотя в самой рукописи такой пометки не содержится. Под названием текста «Голубь и сова» имеется запись в скобках, указывающая на принадлежность к жанру *чөрчөк* и на время его происхождения: *эмдиги албатынын чөрчөги* букв. 'сказка нынешнего народа'.

Текст «Красная лиственница» записан в июле 1952 г., когда молодой Э. Палкин, согласно его биографии, окончил школу и вместе с Л. Кокышевым и А. Адаровым были направлены в Литературный институт им. М. Горького. По данным архивной записи данный текст был опубликован как исторический рассказ в третьей части сборников фольклорных материалов «Устное народное творчество алтайского народа» (1963). В этом же сборнике был опубликован текст сказки «Голубь и сова», записанный в 1956 году [12]. Согласно данным в примечаниях к текстам сборника, оба произведения записаны в Онгудайском районе. Таким образом, Э. Палкин принимал активное участие в сборе фольклорных материалов.

В сборнике алтайских народных сказок «Алтай чөрчөктөр» (1954) также в качестве собирателей народных сказок указаны фамилии В. Адарова, Л. Кокышева и Э. Палкина [13]. Все они на тот момент были студентами вышеназванного Литинститута. Позднее, уже став первыми профессиональными алтайскими писателями, они плодотворно трудились над литературной обработкой и подготовкой алтайских сказаний к изданию в многотомной серии алтайских героических сказаний «Алтайские богатыри (Алтай баатырлар)». В 1950–70-ые годы Э. Палкин, будучи уже известным поэтом, осуществил поэтическую обработку трех сказаний – «Кёгютей (Көгүтей)» от Михаила Тутканова в записи Г. Токмашова [14], «Бойдон-Кёкшин (Бойдон-Кёкшин)» в записи от Н. Улагашева [15], «Кан-Дьегей (Кан-Дегей)» в самозаписи И. Сабашкина [16]. Так, Э. Палкин внес свой личный вклад в подготовку и издание известной серии.

Э. Палкин дорожил духовным богатством своего народа. Об этом писатель сообщает в публицистической статье о литературном творчестве: *«Албатынын кожондорунда, чөрчөктөринде ончозы кандый чечен, журалганду, кижги жангдан көрөр эдип айдылган. Бистин үредүбис – албатынын творчествозында ла бүүнги телекейлик үлгерликте.* – В народных песнях, сказках все сказано с такой меткостью, изобразительностью, что каждый раз рассматриваешь их по-новому. Наши знания – в народном

творчестве и современной мировой поэзии» [17, с. 127]. Это высказывание показывает, насколько высоко ценилась им устная поэзия – настоящая кладезь народной мудрости и неисчерпаемый источник творческих исканий поэта. В поэтических исканиях Э. Палкин многократно обращался к культуре своего народа. На процесс формирования поэта большое влияние имело богатейшее устное творчество алтайцев. Фольклорное наследие, являясь частью духовной культуры алтайского народа, притягивало его как неиссякаемый источник. Как и многие известные писатели и поэты, он черпал в нем идеи, темы, сюжеты, образы.

Источники и литература:

1. Киндикова Н. М. Проблема создания литературной биографии Э. Палкина. // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2014. – № 2 (8). – С. 59–69.
2. Барантаева М. А. История одного стихотворения // История одного стихотворения – Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай (elkurultay.ru) Дата обращения: 12.04.2024 г.
3. Күмүш-Коо // Научный архив НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. ФМ Дело № 42. Зап. Э. Палкин.
4. Күлер-Жаа // Научный архив НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. ФМ Дело № 29. Зап. Э. Палкин.
5. Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 668 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
6. Садак-Мерген // Научный архив НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. ФМ Дело № 26. Зап. Э. Палкин.
7. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксп. изд. / Е. Н. Кузьмина; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
8. Каташ С. С. Певец радости, красоты и добра (к 60-летию Эркемена Матыновича Палкина) // Лик Алтая. Литература. История. Культура. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Юч-Сюмер», 2000. С. 121–148.
9. Кызыл тыт // Научный архив НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. ФМ Дело № 25. Зап. Э. Палкин в 1952 г.

10. Ой келер // Научный архив НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. ФМ Дело № 27. Зап. Э. Палкин в 1952 г.
11. Күүле ле үкү // Научный архив НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. ФМ Дело № 28. Зап. Э. Палкин в 1956 г.
12. Алтай албатынын чүмдү сөстөри. = Устное народное творчество алтайского народа. Ч. 3. – Горно-Алтайск, 1963. – 120 с.
13. Алтай чөрчөктөр. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1954. – 76 с.
14. Көгүтей // Алтай баатырлар. Т. I. / сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1977. – С. 86–129.
15. Бойдон-Көкшин // Алтай баатырлар. Т. III. / сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1977. – С. 62–86.
16. Кан-Жегей // Алтай баатырлар. Т. VII. / сост. С. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1977. – С. 197–236.
17. Палкин Э. М. Бичигенер жакшы, Эрте! Жуунты (Тургузаачызы Р. А. Палкина). – Горно-Алтайск: Алтай республиканын «Үч-Сүмер» бичик чыгартузы, 1997. – 328 с.

© С.В. Абысова, 2024 г.

УДК 821.512.151

Т. К. Шутина

СБОРНИК Э. ПАЛКИНА «БИЧИГЕНЕЕР ЖАКШЫ, ЭРТЕ!»: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Т. К. Shutina

COLLECTION OF E. PALKIN «BICHIGENER JAKSHY, ERTE!» («IT'S GOOD THAT YOU WROTE IT, ERTE!»): GENRE ASPECT

Аннотация. В статье уделено внимание разнообразию жанров произведений Э. Палкина в сборнике «Бичигенер жакшы, Эрте!» («Хорошо, что написали, Эрте!»). Рассмотрена жанровая особенность рассказов «Эки» («Двойка»), «Кожон» («Песня»), «Жас келип жат» («Весна идет»); очерков «Бойыска көрөликтөр» («Посмотрим на себя»), «Бичигенер жакшы, Эрте!» («Хорошо, что написали, Эрте!»); фельетонов «Сакыгар ла» («Ожидайте»),

«Адымды бербезегер, иштебезим...» (Не дадите мою лошадь, не буду работать...»). Автор статьи отмечает, что все произведения Э. Палкина проникнуты глубоким психологизмом. В исследовании выделена структура психологизма произведений разных жанров: описание поступков персонажей, его мыслей, символизм художественной детали, эмоциональная насыщенность портрета, психологический параллелизм, которые позволяют читателю более глубоко проникнуть во все смысловые особенности содержания текста.

Abstract. The article focuses on the variety of genres of Erkemen Palkin's works in the collection "Bichigener jakshy, Erte!" ("It's good that you wrote it, Erte!"). The genre features of the stories "Eki" ("Failed"), "Kozhon" ("Song"), "Jas kelip jat" ("Spring is coming"), essays "Boyiska körölikter" ("Let's look at ourselves"), "Bichigener jakshy, Erte!" ("It's good that you wrote it, Erte!"); feuilletons "Sakygar la" ("Wait"), "Adymdy berbezeger, ishtebezim..." ("If you don't give me my horse, I won't work...") are considered. The author of the article notes that all of Erkemen Palkin's works are imbued with deep psychologism. The study highlights the structure of psychologism in works of different genres: descriptions of the characters' actions, their thoughts, symbolism of artistic detail, emotional intensity of the portrait, psychological parallelism, which allow the reader to penetrate more deeply into all the semantic features of the content of the text.

Ключевые слова: жанр, рассказ, фельетон, очерк, психологизм, главный герой, персонаж, портрет, автор, образ, пейзаж.

Keywords: genre, story, feuilleton, essay, psychologism, main character, character, portrait, author, image, landscape.

Сборник «Бичигенеер жақшы, Эрте!» («Хорошо, что написали, Эрте!») (1997) включает произведения Э. Палкина разных жанров: рассказы, очерки, фельетоны, статьи, посвящения, критика, рецензии, также статьи П. Самыка, Б. Укачина, А. Адарова о творчестве писателя.

В основе рассказов Э. Палкина лежит какое-то событие, происшествие, которое происходит за короткое время. Персонажей в рассказе немного. Следует отметить, что все произведения Э. Палкина проникнуты глубоким психологизмом. Согласно определению А. Б. Есина, под психологизмом следует понимать процесс полного, подробного, глубокого изображения чувств,

мыслей, переживаний персонажа литературного произведения за счет использования специфических средств литературы [3]. Л. Я. Гинзбург определяет, что психологизм нацелен на выражение «душевной жизни» персонажа во всем комплексе ее противоречий и глубин [2].

В психологическом рассказе значительную часть объёма текста занимают мысли и чувства героев, а не их действия. В произведении на первом месте действия и поступки персонажей, а психологические проблемы раскрываются уже через них, они не занимают центральное место. В широком смысле, психологизм – это отражение внутреннего мира персонажей и их психологических проблем, как индивидуальных, так и социальных. Это и проблемы выбора, и муки совести, и внутренние конфликты, и столкновение мотивов, и проблемы межличностных отношений, и всё, что, так или иначе, имеет отношение к сфере психологии личности.

Э. Палкин в небольших рассказах показывает проблемные ситуации не только из жизни взрослых, но и случаи из жизни детей. Язык произведений, адресованных детям, имеет свои особенности. Он отличается от языка так называемой «общей» литературы своей образностью, яркостью, эмоциональностью, метафоричностью.

Основу рассказа «Эки» («Двойка») составляет поведение мальчика, который получил оценку «два» за сочинение. Ученик, увидев в своей тетради плохую отметку, постарался скрыть от всех. Автор развивает сюжет плавно, раскрывая каждое действие главного героя:

«Боря бир канча унчукпады, ол нени де укпаган болуп, партазынан нени де кодорот.

– Кайлашев, сениг не? – деп, Галина Мекечиновна такып сурады.

– А-а?.. Мениг бе? – деп, Боря алаатып, өрө турды. «Ұч» деп айдарга онын кўчи жетпеди, «эки» деп айдарга база... уур, же нени де айдар керек. – Мен урокто болбогом... Ол тушта болбогом...

Класс тымый берди. Галина Мекечиновна оны таныбай тургандый, кўстөрин жаанатты:

– Канайып?.. [9, с. 8].

Психологизм является важнейшим и показательным свойством произведений для детей. По описаниям автора несложно догадаться, что главный герой произведения соответствует возрасту младшего школьника. Человека 6-11 лет нельзя назвать ни

эмоционально компетентным, ни психологически осведомленным. В силу небольшого жизненного опыта ребенок не всегда правильно понимает чужие переживания и не всегда точно сознает собственные эмоции, он часто не способен выразить свое эмоциональное состояние, потому что просто не знает с помощью каких слов это можно сделать. Его эмоциональная сфера развита сильнее, чем сфера логического мышления. Как вспоминает Эркемен Палкин, он себя в таком возрасте хорошо помнит. При создании романа «Алан» пишет: *«Меге ол тушта он-он бир јаш болгон. Јаштан ала көргөн-укканым өзөк-јүрегимде көп јуралган, канайып та болзо, олор көп катап санандырган. Канча јылдар өткөн кийинде меге «Аланды» бичиширге өткөн јүрүмниг ундылбай санаамда артып калган «јуруктары» ас эмес болгон»* [9, с. 48].

Соответственно, Эркемен Палкин создал насыщенные переживаниями произведение для читателя. Автор глубоко чувствует отличия психологии ребенка и психологии взрослого. Этот новый подход повлек за собой изображение ребенка с позиций детской логики. Как правило, акцент делается не на сложности чувств, а на интенсивности их переживания и силе их внешнего проявления. Эти эмоции прямые и откровенные. Спокойный, немного иронический тон учителя, скорее всего, заставит читателя задуматься как же действительно поступать в таких случаях. Самым интересным в рассказе, как и в любом произведении, является кульминационный момент и развязка.

«Ончо балдар олор јаар көрөт. Кайлашев Боря тетрадьты јетире ачып болбойт, листтер чек тудулбайт, је ончолоры сакып јат, ачпайынча болбос. Учында тетрадь араай ачылды.

– Је не эмтир? – деп, Галина Мекечиновна тетрадька көрбөй, Борядан сурады.

Уулчак унчукпайт.

– «Эки»!.. Көрзөбөр дө, Галина Мекечиновна, үстинен «үч» эдип түзедип койгон... бойы! – деп, дежурный кызычак јаан чочып айтты. Класс база ла чек тымый берди [9, с. 10].

Рассказу присуща как бы скрытая форма воздействия на человека, ему свойственно находящееся в глубине, а не лежащее на поверхности воспитательное начало. Таким образом, рассказ «Эки» («Двойка») Э. Палкина имеет важное психологопедагогическое значение. Такая специфика полезна в

воспитательном плане тем, что, во-первых, само произведение лишено назидательности, прямолинейности действия; во-вторых, изображенная действительность позволяет человеку понять свою ошибку, а негативная сторона объекта не отрицает наличие у него положительных качеств; в-третьих, автор признает в нем личность, как взаимодействующую сторону в процессе воспитания.

В рассказах Э. Палкина «*Көк от*» («Синий огонек»), «*Кожон*» («Песня»), «*Јас келип јат*» («Весна идет»), также «*Јазалбаган јол*» («Неотремонтированная дорога») («Алан» деп повестьтин јарлалбаган калганчы бажалыгы) (Неопубликованная глава из повести «Алан») отражены жизнь людей сельской местности.

Психологизм произведения представляет собой комплекс изобразительных, эстетических, выразительных средств, позволяющих охарактеризовать внутреннюю жизнь персонажа в единстве его мировоззрения, поведения, окружающего пространства и мира, созданного в произведении. Психологизм нацелен на то, чтобы соединить автора и читателя с текстом.

Как отметил С. С. Каташ: «Общение с произведениями Эркемена Матыновича Палкина – это всегда задушевный, откровенный разговор, дающий много раздумий для сердца и души человека. Сделать людям добро, доставить человеку радость – такова суть литературного творчества писателя. Своими произведениями он как бы приглашает читателя в удивительный мир доброты...» [5, с. 123].

Структура психологизма представлена отдельными приемами, компонентами, явлениями, которые позволяют читателю более глубоко проникнуть во все смысловые особенности содержания и символизма текста. Среди данных компонентов в произведении Э. Палкина следует выделить: описание поступков персонажа, его мыслей; символизм художественной детали; эмоциональную насыщенность портрета; психологический параллелизм. Например, в рассказе «*Кожон*» («Песня») в монологе главного героя ярко раскрывается внутреннее состояние главного героя перед выходом на сцену. Монолог может быть внешним (целенаправленное обращение к слушателю) и внутренним (разговор с самим собой). В рассказе «*Кожон*» («Песня») использован внутренний монолог героя. В прозе, как правило, доминирующим является внутренний монолог. С помощью монолога персонажа автор выполняет не

только информационную и сюжетную функцию, он усиливает драматизм ситуации, передает напряжение действия, при этом шире раскрывая образ своего героя: «*Лыман өскө журтка келеле, сценадан канайда кожондоорун сананып, өкпөөрүп отурды. «Менин чын ла кожондойтон өйимниг келгени бу болбой – деп, ол сананат. – Кезик артисттер база ла мынайып кожончылар болгон не, озор база ла мындый учуралдардан баштаган... Эх, канайдар?.. Мен чын ла атту-чуулу кожончы боло берген болзом!.. Албатынын кожончызы... Алтай кожондорды не аайлу кожондоп тургайым не! Чындап та, кожондорды кижиден башка база кем кожондоп турган!.. Бисте, ден, жазына, бу канча жылдарга бир де катан жаан кожончы болбогон не! Мен болор эдим...»* [9, с. 20].

Монолог, как яркий стилистический прием, делает повествование экспрессивным.

Усиление психологического напряжения отражается в развязке произведения посредством диалога Лымана и Тани:

«Терлеп калган Лыман сценадан једип келерде, кем де нени де айтпады. Озор өскө номерлер белетеп јүгүргилейт. Учында база ла Таня тудунып болбоды:

– Сүүш керегинде кожондобой, ого јүк бозу-торбок керегинде кожондозо кайдар! Бу кайткан кал тенек улус?!

– Јыдыба, тен, јыга согуп ийерим, бала! – деп, Лыман өскө айдар сөс таппады» [9, с. 22].

Одним из проявлений прямой формы изображения психологизма является пейзаж и его способность отражать внутреннее состояние героев. В рассказе Э. Палкина «*Кожон*» («Песня») пейзаж в начале произведения играет роль экспозиции, намечает проблематику. Произведение начинается с осеннего пейзажа. Пейзаж-экспозиция (пейзажная зарисовка) в начале произведения позволяет судить, что в природе Э. Палкин видит подлинную красоту и совершенство, также функцию сюжетной мотивировки произведения.

Зачастую отношение к природе показывает нам некоторые существенные стороны характера или мировоззрения персонажа. Образ поздней осени показывает нам крайнюю степень разочарованности главного героя. Описания природы предвосхищают события, помогают понять внутренний мир героев. Осень – пора печальная и унылая, и именно в эту пору происходит

событие. Это время года ассоциируется с расставанием, умиранием всего живого. «*Айас, је куу тенерилү, ару, соок орой күски күн турды. Төрт-беш күн мынаг озо түшкен кар јалан јерлерде чоокырайта кайылып калган јатты. Эбире турган кырлардын аркалары корон-сары бүрлерин салкынга кактадып, карара берген турдылар. Ондый да болзо, деремнениг тууразы јаар чөйилип барган кобыда сап-сары тыттар, ак-чабдар кайындар көрүнөт. Јаан кырдын эдегинде обоолор эрикчелдү карарат, озордын бери алдында, кыраныг ордында, салам обоолордон кем де арбанып, уйлар сүрүп турды...»* [9, с. 16].

В произведениях Палкина пейзаж становится важным компонентом в раскрытии «диалектики души» героев. Картина природы помогает автору в раскрытии внутреннего мира героя, создавая мажорную или минорную эмоциональную атмосферу (иногда контрастную эмоциональному состоянию персонажа). Проявляется умение автора находить психологический подтекст в каждом движении, психологически аргументировать невербальные формы общения, выражение чувств в мимических знаках и других выразительных движениях, выявлять их психологическую определенность или многозначность в данной сюжетной ситуации.

«... Эртен тура озор уйаттан качып бараткан чылап, мендеп атанала, јерине јеткенче јолой нени де куучындашпаган, јангыс ла эки-бир ле сөс айдыжып келген. Лыман дезе торт ло машинадан түже секире бергедий келеткен. Ончолоры бой-бойына көрүп болбой, туура көргүлеп алган отургылаган.

Лыман эмди оны ончозын ојто сананып, торт ло јерге кире бергедий јатты. «Көрмөстин кожонгын база кожондойт эмежим бе!» – деп, ичинде чертенет. Ол база бир эмеш тым јадала, кенейте тын түкүринеле, андана сокты» [9, с. 22].

В конце рассказа главный герой задумчиво погружается в тишину, но при этом обнаруживается подавленная, но многозначимая любовь к песне, способность эстетически воспринимать его: «*Тураныг ичине ојто ло јарт эмес тымык тура берди. Арайлада толгоп салган радиодон кандый да ару, коо кожон угулат. Кайда да ыраакта кандый да кыс бастыра өзөк-јүрегинен сүрекей эптү, өткүн кожондоп-кожондоп турды»* [9, с. 22].

Пейзаж в рассказе «*Јас келип јат*» также выполняет психологическую функцию, он служит средством характеристики

персонажа. Кроме того, он воздействует на читателя, позволяя тем самым проникнуться эмоциональным состоянием героя и настроиться на волну восприятия художественного текста. *«Ээзиннин күүлегени кенетийин Жалаанын өзөк-жүрегине жакшы тийе берди... Жас келип жат!.. Удабас ла јер чоокырайып, кардын суузы шолыражып ага берер. Койлорды кабырып јаланла бассан, јастын эрке суузы будыннын алдында чыйтылдап турар, кўннин көзи изү тийер... Жаскы куштардын үндери ненин де учун јараши угулып туратан... База ла бир көрүп турзан, көк блон јиктер сайын көгөрүп келер. Арып-чылап калган эне койлор баш көдүрбей отоп жүргүлеер. Ак-јарыкты јангы көрүп турган кураандар үүриле омок-јимек јарыжып мантажар... Быјылгы јай канайып келгей не? Кандый солундар болор?» [9, с. 23].*

Автор подчеркивает тесную взаимосвязь природы и человека. Основной целью писателя в создании данного произведения стало выражение идеальной красоты человеческого бытия, окружающей природы, взаимоотношений людей между собой и с природой.

Главная функция психологизма – повышение уровня реалистичности произведения. Героям с яркими, противоречивыми характерами читатели больше верят и сопереживают. Ведь и в реальной жизни нет абсолютно идеальных, благородных рыцарей без страха и упрека и злодеев в чистом виде. Непростые отношения, конфликты, столкновения характеров придают произведению остроту и пряность, приближают его к реальной жизни.

В небольших рассказах Э. Палкина выделяются несколько способов раскрытия психологии героев. Самым очевидным способом является прямое описание переживаний и мыслей персонажей, демонстрация переживаний через действия и поступки персонажей. Следующий приём передачи эмоционального состояния и характера героев – их речь. Это и слова, которые они произносят, и построение предложений, и ритм, также внутренняя речь персонажа, выраженная в монологе.

Таким образом, возможностей для повышения уровня психологизма произведений у Э. Палкина разные. Писателю психологизм помогает создавать яркие, многогранные образы героев и раскрывать одну из сложных тем, как отношение героя и общества.

«Очерк – разновидность малой формы эпической литературы, отличная от другой ее формы, рассказа, отсутствием единого, быстро

разрешающего конфликта и большей развитостью описательного изображения [7, с. 263]. В очерке отражается маленький эпизод из жизни человека, в котором художественное описание соединяется с документальным, основанным на реальных событиях.

Очерк развивается в двух основных формах – художественной и документально-публицистической. Художественный очерк обнаруживает близость к рассказу, однако его построение отличается большей свободой: в нём, как правило, отсутствуют выраженный сюжет и единый конфликт; при ослаблении роли вымысла основное место занимают описания и диалоги; характерной чертой является организующая композиционная роль авторского «я». В документально-публицистическом очерке анализируются реальные факты общественной жизни, нередко – в сопровождении статистических данных и других документальных источников. Граница между этими двумя формами не всегда очевидна, как и граница между различаемыми по затронутой тематике видами очерков: нравоописательные, путевые, этнографические, лирико-философские, мемуарные и др. Характерна тенденция объединения очерков в циклы, связанные не единым сюжетом, но общностью проблематики. Разновидности очерка: портретный, проблемный, путевой, публицистический, философский, мемуарный, в форме эссе, зарисовок.

Очерки Э. Палкина следует отнести к публицистическим. Большое место в произведениях занимают реальные факты общественной жизни, присутствие автора. В своих очерках Э. Палкин думает о судьбе будущей малой родины, страны. Его волнуют вопросы окружающей среды, экологии. В очерке писателя доминируют описание, зарисовка разных типов действующих персонажей и их окружения.

В очерке *«Бойыска көрөликтер»* Э. Палкин пытается посмотреть на проблемы сельской местности глазами приезжих людей: *«Отко салып жаткан агаштараарды ла көрзөм, ичим ачыыр – деп, ол кижиси айткан дийт. – Кандый агаши! Кып ла кызыл тым агаши. Оныла нениле эдип аларга јараар. Ал-камык јөбжө эдетен агаштарды кезип-кезип кулаштап јадыгар. Одын – ол ло» [9, с. 136].* Писатель старается довести до читателя, что ответственность за охрану окружающей среды – дело всех и каждого: *«Јер-Алтайыста ёскөн алтын агажысты кичеейтени, ол учун бастыра ийде-күчле билгир ле эрчимдү туружатаны – бистин кажыбыстын ла керегис.*

Алтайдын агажын үрей кезип, јерин үреп тургандары бүгүн текши жарлу. Бу керекти түзедип, јарандыратаны база сүрекей јаан иш болуп алдыбыста туруп јат. [9, с. 137]. Автор размышляет о местах и людях, о будущем развитии своей малой родины. Всё это словно лёгкими штрихами накладывается на полотно и проступает настоящий образ живого села, ее жителей. В документально-публицистических очерках анализируются реальные факты сельской жизни, нередко – в сопровождении статистических данных и других документальных источников.

О судьбе родного языка автор посвятил не одно произведение. В сборнике о развитии родного языка, культуры народа посвящены очерки «Албатынын тили», «Күски санаа-шүүлтелер», «Бичигенеер јакшы, Эрте!», «Эң јаан сурак».

За основу очерка «Бичигенеер јакшы, Эрте!» лежит письмо одной из жителей сельской местности Чекурашевой Эрте. Письмо – это особый (эпистолярный) жанр речи. Оно направляется адресату с целью сообщить ему что-либо, уведомить о чем-либо, поддержать с ним общение и т.д. По структуре письмо подразделяется на несколько частей.

Композиционные части неофициального письма Эрте Чекурашевой:

1. *Зачин письма* содержит приветствие адресанта «Јакшы ба, күндүлү нөкөрлөр»; время (настоящее): «слерге мен бүгүн письмо чийер деп санандым»; обращение: «Не дезе, слерден, областьтын төс јеринде иштеп турган улустан, аайлабай, кайкап турган сурагымды сурап угар күүним бар» [9, с. 119].

2. *Информационная часть* начинается с вопроса: «Бис областьтан келип турган концерттерден эмезе радиодон 5-6 ла кокыр-кожонды канча јылга угуп јадыс. Бис озогы ла јангыс үнле јүзүн-башка кожондорды тўннинг тўнине, тўштинг тўжўне кожондон јүредис. Бу мыны кубултар, јарандырар арга бар ба?» [9, с. 119].

К элементам информационной части письма также относят *скрепы – формулы*, позволяющие вводить новый, значимый отрезок письма. Как отмечает Е. В. Коробова «Переход от абзаца к абзацу, от одной мысли к другой реализуются при помощи скрепа-присоединения, скрепа-противопоставления, скрепа-обобщения» [6, с. 26–27].

В письме Эрте Чекурашевой наблюдаются ряд скрепов-противопоставлений:

1. «Алтай кожондорды орус, казах, тана-туба, монгол, теленит кожондордын мотивтерине кубултарга не јарабас? // Алтай кожондор озогы да тушта башка-башка болгон: мактын кожонгы, сүүген-көкигенининг, ачуурканып кунукканынынг кожонгы ...»;

2. «Көрүжип-танышканы, сүүжип-сөстөшкөни, үүрележип-сакышканы керегинде эмезе шоодышканы, сөгүшкени, чечеркешкени керегинде кожондор кайда? // Той эдерининг, бала качарынынг, айыл тударынынг уткуулы эмезе өскүс-јабыс, јокту-јойу, кыйын-шыралу јүрүмнинг комыдалы – ончозы бойы алдынан башка-башка үндү, башка-башка күүлү»;

3. «Јурттарда јаткан калык-јондо иштин-тоштын кийнинде угуп та отурап неме јок, байрам да күнде јакып, сурап угарыс јок. Ойто ло эски кожондорды акшып јадырыс. // Алтай албатыда озогы тушта бойынынг бије-ойындары база болгон: кол үзүжерси, сырга јажылары, буура деп ойын – оморды ончозын неге-неге келиштире не јазабас?» [9, с. 119-120].

Скрепы-противопоставления выражают недовольства автора письма. Тем самым автор приводит положительные примеры, связанные с народной песней из прошлых лет, и, ставя перед читателем риторические вопросы, ищет выходы из этой проблемы.

Концовка письма так же, как и зачин, имеет нормированную последовательность частей. В конце неофициального письма могут быть приветы, благодарность, просьба, прощание, подпись. Конец письма Эрте Чекурашевой заканчивается вопросом и просьбой к адресанту: «Бис бойына бойы өөркөп турган јарбынчак кижси аайлу кандый албаты? Мен ончогорды сурап турум: бу менин чийгеним јараар болзо, кыскарта јазайла, газетке салыгар» [9, с. 119–120].

Отправитель в конце письма пишет свое имя и фамилию.

По композиционному строению произведение «Бичигенеер јакшы, Эрте!» («Хорошо, что написали, Эрте!») подразделяется на две части. Первая часть – письмо адресата, вторая часть – ответ на письмо адресанта. Автор произведения соглашается с замечанием адресанта и открывает свои размышления по развитию языка и культуры народа: «Кажы ла албатынынг музыказы, ойын-јыргалы сүрекей бай. Онызында аланзу јок. Бистин алтай кожонды, алтай музыканы мен сүрекей солун деп бодоп јадырым. Ол бойы алдынан

кандый да ангылу. Кожонгыска тунгей кожонду албаты да жок ошкош. Алтай кожонды озок-тамырынан бери жакшы билетен композитор оссо, ол кандый солун музыка бичигей не, ол кандый ырысту кижги болгой не деп сананып журедим». [9, с. 121].

В творчестве Э. Палкина встречаются разные типы очерков: философские, в форме путевых заметок, эссе, зарисовки характеров окружающих, также можно найти мемуарные очерки. Их отличают от других коротких жанров описание конкретного события, сюжетная линия не выделена, конфликт неглубокий. Это синтез художественного и документального, в котором язык произведения содержит элементы научного или публицистического стиля.

В творчестве писателя наблюдаются произведения в жанре фельетон.

«Фельетон – это малая художественно-публицистическая форма, характерная для периодической печати и отличающаяся злободневностью тематики, сатирической заостренностью или юмором» [7, с. 290].

Художественно-публицистическое обобщение фактов – непременное требование к фельетону, а использование сатирической палитры и юмора позволяют решить творческую задачу в специфичной для жанра форме.

Одним из свойств художественных и публицистических произведений является обобщение фактов жизни, её явлений. Насмешливость – главная черта, определяющая суть фельетонного стиля, создание комического эффекта и эмоционально-образное развитие темы. Для этого в текст фельетона вводится реминисценция. Когда автор приводит аргументы для доказательства выдвинутого тезиса, уместна историческая подоплека. Комическое обыгрывание фактов составляет специфику фельетона и выдвигает на передний план сюжет, подчиняющий себе композицию. Благодаря юмору писатели могут поднимать запрещенные в обществе темы, выразить собственное мнение по поводу возникших ситуаций и т.д. Роль смешного таким образом неопределима.

В произведении «Сакыгарла...» («Ожидайте...») описывается один вечер из сельской жизни, где жители села собрались посмотреть очередное поступившее «кино». В то время люди собирались в сельском клубе, чтобы посмотреть новое кино. Но проблема в том, что в старом обветшалом здании по названию «клуб», зритель от разных неудобств может забыть, за чем он сюда пришел. Автор

с первых же строк своего произведения иронизирует по поводу многочисленности людей и о невозможности пройти в маленькое здание. Путем сравнения образов автор создает комический эффект: «Клуб деп адалып турган кичинек туранын эжиги кайра чачылып калтыр. Балдар мойшо жапышган чымылдардый, эжикке, кознокко карара чогулган турдылар. Кезик улус клубка кирип болбой, тышкары ары-бери баскылайт» [9, с. 109].

Внимание фельетонист сосредотачивает на развёртывании общественного действия, создании образа группы людей, объединённых одними негативными реалиями (коллективный сатирико-юмористический образ), а само явление даёт преимущественно общим фоном.

Фельетоны Э. Палкина полны иронии. Произведение «Сакыгарла...» («Ожидайте...») можно разделить на две части, и каждую составляющую представляют диалоги зрителей: диалог до и во время сеанса и диалог после просмотра. В первой части диалога ирония ярко проявляется в диалоге зрителей, которым с большим усилием получилось ворваться в здание сельского клуба. Первый барьер пройден, но внутри здания тоже не так-то уж и комфортно: «Скамейкага туруп алыгар, Кужей, – деп, оны колтыктап чыгара тартып алдылар. Жетен жаптан ажып калган эмеген кижги скамейканын устинде жаш баладый турарда, корорго до эп жок болды, кандый да каткымчылу ла сан башка, же ненин жургалына мынайып шыралап турган деп айдар?» [9, с. 109].

У автора каждое слово на своем месте и ясно выражает мысль и действия персонажей. Автор умело пользуется приемом языковой игры. Он иронизирует по поводу языка говорящих: «Кудай, торт ло быжып барадырым», «Юо, будыма баспа!», «Эмди база кин-э-эге келет эмежим бе», «Козим чек талды, канчазын канкайып калган отурад». Языковая игра подразумевает определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на продуманном нарушении системных отношений языка. Целью данного приема является создание неканонических языковых форм и структур. Чаще всего языковая игра связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать «свежий, новый образ». Такая языковая игра свойственна разговорному, публицистическому и художественному стилям речи.

Вторую часть произведения составляет диалог зрителей после просмотра кино. Немного успокоившись, зрители начали

поднимать давно затянувшийся вопрос о постройке нового здания клуба. С бурного диалога зрители читатель узнает, что каждый раз меняются руководители, прорабы, строители, но дело по ремонту здания с места не сдвинулось. В развязке автор с усмешкой выражает мысль своих сельчан: *...«кино» деп сѳсти айтканда ла улустын арбанышканы, кысталышканы, изў, уур кей, терлеш олодын санаазына кирип келет»* [9, с. 111]. Обращение автора ко всем, кто причастен в строительстве нового сельского дома, оказывает профилактически-воспитательное воздействие: *«Чындап та, жаткан јонго керектў клубты ненинг учун бўдўре тутпай жадылар? Совхозтын директоры, партийный организациянын качызы, рабочий комитеттин председатели, ферманын управляющийи нени санангылайт? Билерге кўч... Сагыгар ла...»* [9, с. 111]. Авторская маска – необходимый элемент любого фельетона. Ее необходимость в том, чтобы создать подтекст, который, к примеру, в фельетоне советского времени был главным жанровым признаком. Автор стремится к тому, чтобы его фельетон принёс двойную пользу: карающую и воспитательную. Более того, массовый воспитательно-профилактический эффект фельетона, бесспорно, важнее индивидуально-карательного. И чем ярче и остроумнее написан фельетон, тем глубже он войдёт в сознание широкого читателя, выполняя тем самым роль благотворной морали.

В произведении *«Адымды бербезегер, иштебезим...»* («Не дадите мою лошадь, не буду работать...») важную роль играет индивидуальный сатирико-юмористический образ – образ Анатова Укаш. Описывается горячая летняя пора в сельской местности – пора сенокоса: *«Кулады ѳзѳктѳ Сталиннин адыла адалган колхозтын колхозчылары ѳлѳн ижинде тын туружып турулар. ѳлѳн планын бўдўрерине кичеенгилейт. <...> ...ѳлѳн ижи баиталган. Колхоз айрууш-тырмуушты, чалгыны, аттарды звенолор сайын ўлеп, ишке ийген. Ончо улус јаландарга баргылады»* [9, с. 112]. Но единственный человек, который работает в строительной бригаде, пользуясь в корыстных целях хорошей лошадью колхоза, не хочет отдавать лошадь на общественное пользование. В качестве доминанты в произведении, можно сказать, выступает образ животного – лошадь. На основе лошади возникает конфликт. Через этот конфликт автор раскрывает характер главного героя Укаша Анатова. Перед читателем предстает человек, который любит разгульный образ жизни, наивный и безответственный, но несет

«ответственную миссию», является депутатом сельского Совета: *«Депутат Анатова улусты башкарандан болгой, онын адын айрып алган јалан ижинин бригадирин кѳрўнген ле јерге андын, айткылап, аракыдан ичип алала, улусты токтоп јўрер болды. Онойып ол колхозчы Шумаровты сокты. Анатова јуунга алдыртала, ончозын сурап, каруузына тургускан. Је Анатоваын айдып турганы јангыс: «Адымды ла береер, адымды ла береер»* [9, с. 113].

Из запаса фельетониста выходит ещё одно изобразительное средство, которое отдельные исследователи относят к категории-тезису. Категория-тезис характеризует реплику главного героя *«Адымды ла береер»* («Только лошадь мою отдайте»). Язвительная насмешка автора заключена в определенном выражении главного героя *«Адымды ла береер»*, боязнь мысли, что отнимут самое ценное, и от навязанности людской толпы в защиту героем применяется словесный отпор. Данный прием Э. Палкин использует в фельетоне как процесс замысла сюжета произведения. Он во всех вариациях пронизывает произведение от начала до конца. Выражение *«Адымды ла береер»* – не сама цель, за ним кроется действие, характер, образ и в итоге целая жизнь села. Следует отметить, что это сатирическая интонация. Она характерна отрицанием индивидуального, который отрицает частное, второстепенное. Сатира, отрицая явления в основных его особенностях и подчеркивая их неполноценность при помощи резкого их преувеличения, разрушает обычные, реальные формы явления. Цель сатирического приема – довести до предельной резкости представление о неполноценности субъекта, поэтому она тяготеет к условности, гротеску, фантастичности, исключительности характеров и событий, благодаря которой она может особенно отчетливо показать их алогизм, несообразность.

В произведении Э. Палкина *«Адымды бербезегер, иштебезим...»* одним из самых ярких и действенных средств языка выступают крылатые слова и фразеологизмы: *«ѳки колын карманына сугуп алала», «аштын ортозындагы чѳп ѳлѳндѳрдий кѳрўнет», «ары-бери» деп айтканы», «бойымдыы – бойсу, кижинийи – кирсў», «кѳрмѳс тутканын ычкынбас»*. Один из способов раскрытия комического с помощью языковых средств является острота: выбор точного и меткого слова, благодаря чему создается иронический подтекст. Она выражает комедийную мысль в кратко отточенной, порой и в афористической яркой образной

форме. Так автор акцентирует внимание читателя на способах, которыми достигается успех и востребованность у читателей. Задача автора описать проблему, исходя из единичных типических фактов. К фактам он приходит, показывая их в документальном виде. Взгляд на актуальную проблему у него получается острым и оригинальным.

Э. Палкин жил в постоянном поиске, искал, исследовал, творил, пробовал писать в разных жанрах. Он писал о том, что его затрагивало, не оставляло равнодушным. Автор умело излагал свой взгляд на любую проблему, поэтому его произведения оригинальны. Жизненный опыт писателя во всем его неповторимом своеобразии, его талантливость, уровень понимания общественного развития – все это делает каждое произведение особенным, индивидуальным.

Источники и литература

1. Алтай литература керегинде статьялар. – Горно-Алтайск, 1962. – С. 197–203.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе: Учебное пособие. – Москва: Художественная литература, 1971 – 413 с.
3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: Учебное пособие. – Москва: Флинта, 2003 – 31 с.
4. Каташ С. С. Литературные портреты. – Горно-Алтайск, 1971. – 154 с.
5. Каташ С. С. Лик Алтая. Литература, история, культура. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2000. – С. 123.
6. Коробова Е. В. Жанр письма в русской литературе // Вестник Курганского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 26–27.
7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. Ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 263, 290.
8. Палкин Э. О состоянии и задачах алтайской литературной критики // Актуальные вопросы современной алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1975. – С. 27–38.
9. Палкин Э. «Бичигенеер јакшы, Эрте!». – Горно-Алтайск: Ёч-Сүмер, 1997. – 324 с.

© Т. К. Шутина, 2024

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 821.511.131

Т. И. Зайцева
О. М. Максимова

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА М. А. ЛЯМИНА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

T. I. Zaitseva
O. M. Maksimova

CREATIVE INDIVIDUALITY OF THE UDMURT WRITER-FRONT-WEAR M. A. LYAMIN IN THE SOCIO- HISTORICAL CONTEXT

Аннотация. На материале очеркистики писателя-фронтовика М. А. Лямина рассматриваются особенности развития удмуртской прозы в послевоенный период; изучаются основные элементы художественной структуры очерков, обратившихся к разработке проблематики «человек и труд», «человек и война». Прослежены историко-социальные и историко-культурные реалии, нашедшие отражение в содержании и поэтике анализируемых произведений.

Abstract. Based on the essays of front-line writer M. A. Lyamin, the features of the development of Udmurt prose in the post-war period are examined; the main elements of the artistic structure of essays that address the development of the issues of «man and labor», «man and war» are studied. Historical-social and historical-cultural realities, reflected in the content and poetics of the analyzed works, are traced.

Ключевые слова: удмуртская послевоенная проза, М. А. Лямин, очерк, жанр, герой, достоверность, факт, образность.

Keywords: udmurt post-war prose, M. A. Lyamin, essay, genre, hero, reliability, fact, imagery.

Одной из актуальных проблем удмуртского литературоведения является осмысление исторического пути национальной литературы в первые послевоенные десятилетия. Наиболее полно в науке рассмотрены писатели, творчество которых ярко отражает тенденции развития удмуртской литературы эпохи «оттепели» и последующих периодов (до конца «девяностых»). Исследователи справедливо считают, что общие закономерности литературного процесса зачастую легче проследить на примере писателей, искания которых вбирают в себя как достижения, так и художественные просчеты. Черты удмуртской прозы послевоенных лет особенно рельефно проступают в творческом наследии писателя-фронтовика Михаила Андреевича Лямина (1906–1978), прошедшего всю войну в составе 357-ой стрелковой дивизии, сформированной в Удмуртии. Самому автору предстояло включиться в решение трудных вопросов восстановления страны в первые годы мирной жизни.

Литература первого послевоенного десятилетия – это период вызревания прозаических произведений со сложной структурой и проблематикой. Как и в годы Великой Отечественной войны в национальной прозе на первом плане продолжают оставаться «малые» жанры – очерк, рассказ, корреспонденция. Однако, по словам критика-современника, очерк становится «более действенным в сравнении с предшествующими годами...» [1, с. 699]. Действительно, послевоенный удмуртский очерк начинает более гармонично сочетать в себе репортажное и аналитическое начала, рассказывать о человеке в широком контексте истории и современности. Литературоведы отмечают, что очерк явился для национальной художественной словесности «преддверием и началом социально-психологической прозы» [2, с. 11]. Значимо то, что послевоенная очеркистика обратилась к теме поисков национальной идентичности, к разработке национального характера; именно под воздействием этого жанра наметился процесс демократизации литературного языка и стиля. На первых порах удмуртские публицисты стремятся создать представление о типе человека, основанное на обобщении сходных качеств. Социальная обусловленность характера героя раскрывается в виде преувеличения социально-типических черт. Это в какой-то мере напоминает приемы социального обобщения «натуральной школы», свойственные русской литературе «сороковых» годов XIX в. Постепенно в послевоенной удмуртской

прозе нарастает тенденция к персонализации типа, начинается поворот к изображению внутреннего мира человека.

В отличие от актуализации в литературе довоенных лет «классового» врага, теперь для авторов насущной оказывается пропаганда положительного примера. Достоверным фактом очеркист желает оказать непосредственное влияние на жизнь, внедрить передовые идеи в систему хозяйствования. Зачастую герой очерка называется подлинным именем, писатель таким способом убеждает читателя в подлинности описываемых им жизненных явлений. Важно заметить, что импульсом, «пробудившим» к активному развитию удмуртского очерка о современности, стало влияние русской советской публицистики, в первую очередь, популярность очеркового цикла В. Овечкина «Районные будни» (1953). Вслед за этим произведением в различных национальных литературах страны появилась серия очерков, посвященных актуальным проблемам сельского хозяйства [3; 4; 5].

В удмуртской литературе послевоенного периода разрабатывались главным образом две темы – «человек и труд» и «человек и война». Как уже отмечалось, творческая индивидуальность М. А. Лямина хорошо отражает характерные особенности удмуртского литературного процесса послевоенных лет. Финно-угровед Петер Домокош верно отмечал, что ляминские произведения – «часть большой советской литературы – и они в то же время отражают состояние удмуртской литературы данного периода» [6, с. 305]. Послевоенные очерки М. Лямина о человеке труда включены в книги «Уж бордын шумпотон» («Труд – источник радости», 1955), «Сюлэм öте» («Сердце зовет», 1959), «Бадзым улон» («Большая жизнь», 1961). В основном это проблемные и портретные очерки, которые выделяются не характерным для литературы тех лет критическим изображением жизни, открытым отстаиванием авторской позиции. М. Лямин вписывает своих героев в контекст исторической реальности. Показателен в этом плане очерк «Сюлэм öте» («Сердце зовет»). В образе знаменитого агронома семеноводческого колхоза «Луч» Кезского района Удмуртии Агнии Федоровны Ивановой автор сконцентрировал лучшие качества молодого специалиста послевоенной эпохи. Произведение несет в себе черты поэтики жанра портретного очерка с использованием элементов проблемного очерка. Своеобразна

идейно-художественная структура произведения: авторское описание сочетается с монологами и диалогами героев, логика умозаключений – с логикой событий, пейзаж с публицистической разработкой производственной проблемы. Агния Федоровна по своей инициативе покидает «теплое» место в райисполкоме и начинает работать в отдаленном колхозе над внедрением в жизнь новаторских методов агротехники. Новые принципы обработки полей и почвы, посева зерна не поддерживают ни руководство, ни многие крестьяне. Благоприятные результаты в решении сложных конфликтов способствуют героине преодолеть собственные внутренние противоречия, например, неуверенность в себе. Автор показывает, как Агния Федоровна путем самообразования постигает современную земледельческую науку. Труд женщины оценен тремя серебряными медалями, на ее груди сияет орден Ленина.

Обостренное чувство долга, самоотверженность, любовь к земле отличают героинь очерков «Уйпал буртчин» («Северный шелк») и «Амальёс» («Методы»). Очерки посвящены легендарным современницам М. Лямина – прославленным на весь Советский Союз мастерам-льноводам Евдокие Сергеевне Туровой и Юлии Романовне Мосовой. Очерковая проза М. Лямина наглядно передает атмосферу и дух времени. Писатель выделяет то характерное, что отличает людей послевоенной эпохи. Это, прежде всего, отношение к труду, который является для человека нравственной и жизненной потребностью, дает ощущение личной причастности к возрождению страны.

В очерке «Сйлы воргорон» («Уважаемый мужчина») изображены успехи в животноводстве бывшего фронтовика, а ныне скотника Антуганова Василия Ивановича. Он стал первым доярком в республике (колхоз имени Чапаева, Юкаменский район); за заслуги награжден орденом Трудового Красного Знамени. Колхоз обзавелся породистыми холмогоровскими коровами и председатель смог убедить Василия Ивановича приступить к работе доильщиком. Новая «должность» доставила герою массу неприятностей: отсутствие понимания со стороны жены («Остэ, остэ, Васьлей, зэм оло даур! Ма йырад кышет кертгод-а мар-а ини?» [7, с. 70] – «Господи, господи, Васьлей, да что ж это такое! Платок что ли теперь на голову завяжешь?»); издевки односельчан и подковырки доильщиц («Ма гинэ уг верало. Юн сюзэм но уз

чида» [7, с. 71] – «И чего только не говорят. И крепкое сердце не выдержит»). Главная трудность – нехватка знаний в области фермерства и молочной промышленности. Немолодой мужчина раскрывает в себе новые способности, занимается самообразованием и самообразованием, в котором ему действительную помощь оказывает зоотехник. Показывая истоки возможностей рядового человека, автор оттеняет присущее труженику чувство ответственности за будущее народа, государства. Героем движет не желание славы и денег, а четкое осознание, что стране нужны молочные продукты. Фраза Антуганова «Ужамед ачиз данэ поттоз» [7, с. 72] («Работа сама тебя прославит») – отражает настроения и мысли огромного большинства советских тружеников тех лет. Для очерка «Сйлы воргорон» характерно усиление лирического начала при общей сжатости описываемого жизненного материала. Стремясь передать читателю силу характеров героев, автор прибегает к романтическим средствам: торжественный пафос в изображении крестьянских будней, идеализация образов тружеников, общая эмоциональная «приподнятость» повествования.

Читатели узнавали в изображаемых М. Ляминим историях свои судьбы. Можно упрекать писателя в идеологических наклонностях и романтических влечениях, но необходимо помнить, что в силу возрастающей активности народа «низовые» проблемы все чаще становились вопросами общественными, приобретали государственный характер. Лейтмотивом многих очерков М. Лямина является смелая для того времени мысль о необходимости преобразования отстающих колхозов республики путем жестких реформ стиля и методов руководства сельским хозяйством.

В послевоенной очеркестике М. Лямина нашла преломление и тема индустриального труда. В центре очерка «Бадзым улон» («Большая жизнь») – образ Гондырева (Медведева) Степана Александровича, оператора прокатного стана Ижевского металлургического завода, Героя Социалистического Труда. В произведении обрисован духовный и профессиональный рост человека из «крестьянских низов». В середине 1930-х годов как десятки и сотни тысяч удмуртов-крестьян Степан Гондырев «в холщовых залатанных штанах, с самотканым мешком за спиной, в лаптях» оставил родительский дом и пришел на завод. Оказавшись впервые в городе, крестьянский паренек должен был освоить

профессию рабочего, вжиться в новую обстановку, постичь русский язык. Хорошо показан процесс сближения людей разных социальных слоев и национальностей в ходе всеобщего преобразования жизни. «Полугородских» заводчан и коренных рабочих-ижевчан объединяет общая задача – построить новую страну с развитой индустрией. Автор умело чередует сценки с натуры и портретные зарисовки с историческим экскурсом, публицистическим пересказом, собственными раздумьями. Богатый материал сочетает в себе конкретность и художественность. Объектом особого авторского наблюдения становится изменение мироощущения рядового человека в процессе производственных нововведений.

В очерке «Бадзым улон» за рассказом о жизни Гондырева проступает другой план повествования. Так, одновременно с развитием основного сюжета, обнаруживается иная история – встреча репрессированного писателя-классика Михаила Коновалова (1905–1939) с Гондыревым. Автор стремится узнать, не есть ли Гондырев прототип Гондыра (Медведя), героя удмуртского романа «Кужым дыа» («Силы крепнут») М. Коновалова. Герой помнит, как основоположник удмуртской литературы в начале 1930-х годов посещал его родную деревню, общался с ним. Портрет коноваловского героя, его жесты, манеры, привычки, биографические факты очень схожи с документальным персонажем ляминского очерка «Бадзым улон». Интересен ответ Гондырева, оттеняющий коренные изменения в народной жизни: «Ваньмы соку асьмеос, Коноваловлэн Гондырез но Кайсыез сямен, гуртьёсысь вуылйм ук. Буранысь ШКМ-ын ми ёош дышетским Корнил Ильич Шибановен. Со но кутэн ветлоз вал. Нош бабере? Учёной! Коноваловед бен ачиз но...» [8, с. 21]. («Все мы тогда, как коноваловские Гондыр и Кайсы из деревень вышли. В бурановской ШКМ мы вместе с Корлилом Ильичем Шибановым учились. А теперь? Ученый. Да и сам Коновалов...»).

Большую роль в развитии удмуртской литературы рассматриваемого периода сыграл очерк на военную тему. Значение очерка о Великой Отечественной войне особо ценно для читателей XXI в., поскольку публицистика писателей фронтового поколения является свидетельством истории. Реальные факты об участниках Великой Отечественной войны из Удмуртии, рассказы об их мужестве и героизме вошли в «боевую» документалистику

М. Лямина: «Тыл пыртй» («Сквозь огонь», 1945), «Вунэтонтэм арьёс» («Незабываемые годы», 1956), «Ож сюрес» («Боевой путь», 1962). Книга «Боевой путь», имеющая подзаголовок «Из фронтовых дневников 1941–1945 гг.», была переведена на русский язык А. Никитиным и вышла под названием «Четыре года в шинелях» (1965) с жанровым уточнением «Повесть о родной дивизии». Четкое жанровое определение, как и в случае с очерком о труде, дать ляминским очерковым произведениям сложно, поскольку они совмещают в себе разные структурные элементы. Тем не менее, в этом случае можно говорить о более очевидном проявлении структуры портретного очерка. «Агитационный» характер очеркистики военных «сороковых» меняется изображением драматизма военной повседневности.

М. Лямин выделяет в образах своих героев-солдат два качества – героизм и человечность. Писатель считает, что залогом победы советского народа явилось единение людей разных национальностей. Так, в очерке о майоре Григории Поздееве («Ожын кыдан» – «Закалка в бою»), в прошлом ученом-географе, говорится о том, как бок о бок воюют открытый и отзывчивый русский Белов из Москвы, Семакин из лесной Удмуртии, Григорьев из богатой садами Чувашии, Карим из жаркого Узбекистана, Макибаев из яблоневого Казахстана, Пацай из славящейся льняными полотнами Белоруссии. Люди разных национальностей, по словам автора, и есть истинные «боги войны». Они сформировали сплоченную, сильную фронтовую семью.

Своеобразие творческой манеры М. Лямина наглядно выражается в очерке «„Кыл” кутылйсь» («Захватывающий „язык”»), где в прямой соотнесенностью с жизненной конкретикой изображен реальный образ разведчика Семакина Николая Ивановича. Следует отметить, что писатель часто избирает героями своих очерков разведчиков. Это, видимо, связано с тем, что в профессии лазутчика-разведчика более ярко проявляются личностные качества человека. Особенно сильно в характере Семакина Николая ощущаются врожденная крестьянская смекалка, заботливое отношение к миру и окружающей природе, мгновенность реакции. Очерк объединяет в себе реалистичное описание достоверных обстоятельств войны, лирико-романтический пафос. Лирические авторские отступления о работе Семакина в мирные годы в колхозе, о познаниях героя в сфере

агрономических технологий, об участии во Всесоюзной выставке в Москве в конце 1930-х годов чередуются с сухими описаниями картин разведпоисков, неожиданных столкновений с врагом, тяжелых сражений. Автор использует романтико-поэтическую лексику при описании внешности героев, пейзажных картин, сцен и эпизодов, раскрывающих непосредственную схватку советских солдат с фашистами. Все это способствует показу величия советского воина, противостоящего нацизму. Эмоционально сильно написана финальная сцена очерка: «Ог көня ке кылын, көня ке суредэн Семкинлэсь куинь арлэсь ятыр ожмаськемзэ возматыны шуг. Нош оgez тодмо – со... батырьёс пöлысь батыр» [9, с. 80]. («В нескольких словах и небольших картинах передать более чем трехлетний военный путь Семакина невозможно. Одно понятно – он... богатырь из богатырей»). Рядовой боец Николай Семакин, уроженец далекой удмуртской деревушки Костромка, выросший среди простых людей и впитавший лучшие традиции народа, становится олицетворением величия Красной Армии, армии-освободительницы.

Синтезу лирических и эпических начал в очерке «„Кыл” кутылйсь» содействует образ фронтовой дороги. С одной стороны, дорога – это своеобразный фон произведения, с другой – изменение внутреннего мира героя, мужание его характера. В целом, дорога символизирует фронтовой путь советского бойца, прошедшего сквозь холод и зной, воду и огонь войны.

Отдельного внимания заслуживают языковые средства экспрессивности в публицистике М. Лямина. Слово его самобытно, связано с живой разговорной речью, включает в себя поговорки, пословицы, образные выражения. Сближая литературный язык с устной речью, публицист сумел запечатлеть народный образ мироощущения, показать психологию общественного настроения конкретной исторической эпохи. Ляминская очерковая проза говорит об умении простого человека высказываться образно, емко. Разговорные слова, обороты, народные изречения, используемые писателем, помогают ему показать «точку зрения» рядового труженика на общественно-экономическую ситуацию, народно-хозяйственные явления. К примеру, практицизм крестьянина хорошо проглядывается в такого плана выражениях: «Сйзьыл шоканы капчи луоз, гужем ужъёс секытэсь ке но» [10, с. 5]; («Летом, хотя работы и тяжелые, зато осенью легче дышать будет»); «Тыршонэн артэ, пе,

дан вамышья. Сюлмо ужан – ушьялэн бубиз» [10, с. 10]; («Слава, говорят, одновременно с усердием шагает. Родитель почета – работа с душой»); «Тулыс нунал арез сюдэ, шуо. Нянь иземез уг яраты уга. Ваньзэ дыраз öд ке лэсьты – кылёд» [10, с. 30]. («Хлеб не любит, когда спят долго. Если вовремя все не сделать, останешься ни с чем. Один весенний день, говорят, год кормит»); «Пуппылэсь бадяр уз буды, мае кизиды, сое ик басьгоды» [10, с. 30]; («На месте липы клен не вырастет, что посеешь, то и пожнешь»).

Народную речь отличает изобразительно-оценочная характеристика. Мерилом ценности человека народ считает его отношение к труду, людям, родине. Многовековое отношение народа к труду передают эпитафии, которые приведены к каждому очерку книги «Бадзым улон». В качестве эпитафии использованы пословицы и поговорки о труде: «Дан – со тыршонэн артэ вамышья» («Славу приносит работа»), «Котьма ужын быгатэм кулэ» («Любая работа в умении нуждается»), «Ужен улон шулдыр» («Труд красит жизнь»), «Ужатэк геры но сыноме» («И плуг ржавеет без дела»), «Ужатэк сюлэм шимес» («Сердце пустеет без работы») и др.

Удмуртская проза послевоенных лет выработала свою систему эстетических и художественных принципов, стала своеобразным выразителем национального художественного сознания. Очерк, как доминирующий жанр в литературной системе той эпохи, в дальнейшем своем развитии показал способность к структурному обновлению, углублению содержательной сферы. Очеркистика писателя-фронтовика М. А. Лямина является основой для возрождения в современной литературе традиции создания литературных портретов, посвященных новым героям России в новых исторических условиях.

Источники и литература

1. Ермаков Ф. К. Удмуртская литература // История советской многонациональной литературы: в 6 т. / отв. ред. Г. И. Ломидзе. – Т. 5. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – С. 669–676.
2. Зайцева Т. И., Максимова О. М. Жанр очерка в удмуртской литературе второй половины XX в.: монография. – Ижевск: Изд. центр «Удмуртский государственный университет», 2021. – 232 с.
3. Адушкина Т. В. Очерк в системе жанров мордовской литературы: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2003. – 194 с.

4. Васильева Н. С. Жанровые и структурно-стилевые особенности очерка и рассказа в адыгейской литературе 60–90-х годов: дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2005. – 172 с.

5. Гузанова Е. В. Эволюция жанра очерка в мордовской литературе: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2013. – 196 с.

6. Домокош П. История удмуртской литературы / Перевод с венгер. В. Васовчик. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

7. Лямин М. А. Сюлэм öте: Веросьёс но очеркъяс = [Сердце зовет: Рассказы и очерки]. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 140 с.

8. Лямин М. А. Бадзым улон: Очеркъяс = [Большая жизнь: Очерки]. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1961. – 52 с.

9. Лямин М. А. Тыл пыртй: Очеркъяс = [Сквозь огонь: Очерки]. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1945. – 81 с.

10. Лямин М. А. Уж бордын шумпотон: Очеркъяс = [Труд – источник радости: Очерки]. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1955. – 84 с.

© Т. И. Зайцева, О. М. Максимова, 2024

УДК 821.45

И. В. Булгутова

**ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПОЭЗИИ БУРЯТИИ**

I. V. Bulgutova

**SEARCH FOR IDENTITY IN RUSSIAN-LANGUAGE
POETRY OF BURYATIA**

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения идентичности у русскоязычных поэтов Бурятии, бурят по своей национальности. В процессе творческой личности прослеживаются сложные духовные процессы. В индивидуальных художественных поисках актуализируются и выдвигаются на первый план различные аспекты идентичности. Определение национальной идентичности важно для русскоязычных поэтов Бурятии как обозначение своей причастности культуре своего народа, как сохранение его исторической памяти. Важным фактором идентичности являются религиозные убеждения поэтов. Языковые и культурные аспекты

идентичности в художественном творчестве образуют сложное единство. Внутренняя конфликтность в поэтическом сознании ведет к кризису идентичности, к изменению социокультурного контекста.

Abstract. The article examines the problem of defining identity among Russophone poets of Buryatia, Buryats by ethnicity. Complex spiritual processes are traced in the process of creative personality. In individual artistic searches, various aspects of identity are actualized and brought to the fore. Definition of ethnic identity is important for Russophone poets of Buryatia as a designation of their involvement in the culture of their people, as the preservation of its historical memory. An important factor of identity is the religious beliefs of poets. Linguistic and cultural aspects of identity in artistic creativity form a complex unity. Internal conflict in poetic consciousness leads to a crisis of identity, to a change in the socio-cultural context.

Ключевые слова: национальная самоидентификация, идентичность, билингвизм в творчестве, творчество русскоязычных поэтов.

Keywords: national self-identification, identity, bilingualism in creativity, creation Russophone poets.

Идентичность творческой личности – категория сложная для дефиниции, в первую очередь, из-за ее динамического характера и подвижности. Творческий человек находится в неустанном поиске, в котором самоопределение может быть как его отправной точкой, так и результатом сложного процесса самосознания. Как пишут исследователи, «...при использовании понятия идентичности с тех пор стали принимать во внимание три его измерения – индивидуальное, социальное и культурное. Эту общую основу можно обнаружить практически во всех вариантах его применения» [1, с. 93].

В рамках нашей статьи мы обращаемся к проблеме идентичности и способов самоидентификации у русскоязычных поэтов Бурятии, как билингвов, так и утративших бурятский язык в качестве родного языка. Тема представляется актуальной в социокультурном контексте современности, когда вопросы сохранения и функционирования языка и культуры малочисленных народов, живущих в составе многонационального российского государства, оказываются напрямую связанными с развитием

национальных литератур. Сужение сферы функционирования национальных языков прослеживается на протяжении последних десятилетий, в том числе и в увеличении потока русскоязычных писателей в литературном процессе национальных республик. Первый вопрос, который возникает при изучении идентичности у русскоязычных поэтов – это вопрос об их национальной самоидентификации. Как писал Б. В. Томашевский о поэзии, «... ритмизуемый материал по природе своей национален. Живопись, музыка национальны лишь в той мере, в какой творческая мысль художника складывается под воздействием исторических культурных путей развития, которому он принадлежит. Поэзия же – народна по самому своему материалу. Поэзия в этом отношении гораздо национальнее прозы, которая в значительной степени является простой формой сообщения мысли, а мысль вообразима и вне рамок национальной культуры» [2, с. 45].

Русскоязычная поэзия Бурятии становится заметным явлением уже в 20-е г. XX в., когда на авансцене литературного процесса появляются такие поэты, как Мунко Саридак (Будожап Найдаков (1908–1928) и Солбонэ Туя (Петр Дамбинов (1892–1938)). У лирического героя Солбонэ Туя четко обозначена национальная принадлежность, так, в стихотворении «Город» он заявляет свое отношение к городу, противопоставляя его гармоническому пространству степи: «Для меня – бурята, так неожиданно – новы / Эти звоны и свистки... / Вздохи, крики, гулы, трубные ревы, / Многоцветные огни...» [3, с. 26]. В целом по тематическому охвату поэзия и Мунко Саридака, и Солбонэ Туя направлена на сферу национальной жизни в период бурных изменений.

Лирический герой поэзии Намжила Нимбуева (1948–1971) обозначает свою принадлежность бурятскому народу, начиная с посвящения к сборнику «Стреленные молнии», в котором поэт обращается к своему деду Нимбу, утверждая незримую связь с предками: «Тебе посвящает эту книгу / родившийся после Твоей / смерти молодой внук, / осмелившийся говорить / твоими безмолвными устами / на языке русских братьев. / Ах, здесь я зарыл свою пуповину...» [4, с. 8]. Намжил Нимбуев – билингв, творчески реализовавший свой потенциал на русском языке, тем не менее он точно осуществляет выбор своей национальной идентичности. «Я XX века бурят, / скотоводов безвестных потомок» – пишет поэт

в стихотворении «Разговор с веком» [4, с. 67]; «Тверской бульвар запружен голосами, / Несу в толпе свой азиатский лик» [4, с. 69]; «Я бурят, / Я песчинка огромной оранжевой Азии, / капля охры / в ее разноцветном многообразии» [4, с. 71]. Выбор самой формы свободного стиха поэт объяснял сложностью своей творческой задачи: «Я считаю, для нерусского поэта, пишущего на русском языке, важнее не подражать традиции русской литературы, а творчески манипулировать великим, всемогущим языком, ибо только в свободном стихе можно выразить самое национальное лицо, душу своего народа» [4, с. 6].

Проблема идентичности ставится в стихотворении «Рыжеволосому буряту», в центре которого образ буряты, утратившего свой родной язык и причастность к культуре своих предков: «Он говорит, он думает по-русски» [4, с. 74]. Поэт видит противоречие в личностном плане у человека, теряющего вместе с родным языком гармонию телесного и духовного начал: «Но все же в нем бурятское осталось, и оттого над временем смеюсь я: / торчащие упрямо скулы, / как сжатые крутые кулаки, / и ноги голенастые, кривые, / как разошедшийся железный обруч, / и жгучие раскосые глаза, / сверкающие остро под бровями...» [4, с. 74]. У. Н. Нимбуева нет осуждения по отношению к герою, утратившему культурную и историческую память своего народа. «Степень рефлексивности идентичности, в частности национальной или конфессиональной, определяет не только ее смысловую насыщенность, но и связь с общим социокультурным контекстом (соответственно, национальной культурой и религией), и чем больше таких связей, тем, с одной стороны, устойчивее и идентичность, и социальная система, а с другой – менее они гибки и способны к инкорпорации инородных элементов и трансформациям в целом. Проблема определения баланса между этими крайностями на данный момент остается нерешенной и может сводиться только к вопросу разделения фундаментальных и зависимых связей» [5, с. 44].

Языковая идентичность и творческая может быть прослежена через обращение к творческим личностям. Так, у Н. Нимбуева есть, с одной стороны, стихотворение, в котором содержится обращение к выдающемуся восточному поэту Басе, и, с другой стороны, стихотворение «Подражание Есенину». Оказавшись в ситуации культурного пограничья, где неизбежно определяется со

временем одна доминанта, поэт пытался следовать бессознательным порывам души, тому, что называют «голосом крови», генетически заданными особенностями национального характера ориентирам, что вело к кризису и трагически неразрешимым коллизиям размышлений.

У русскоязычного поэта Бурятии Баира Дугарова (род. в 1947 г.) национальная идентичность в ранних сборниках определяется через его интерес к истории своего народа, интеллектуальное постижение исторической памяти. Размышления о языке своего творчества так же приводят поэта к осознанию противоречия, возможно, чувства вины и ситуации сомнения: «Язык отцов, прости за немоту, / Прости, и к горлу подступает ком. / Утраченного дара красоту / на языке восполню ли другом?!» [6, с. 91]. Знаток бурятского фольклора, монгольской истории, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, Баир Дугаров свои творческие поиски базирует на основе постижения огромного пласта человеческой культуры в целом, что наглядно прослеживается в творчестве последних десятилетий, когда тематическое поле поэзии расширяется картинами городской жизни, путешествий по разным странам и континентам. Опора на интеллектуальное начало в творчестве определяет гибкость позиции поэта, его способность вдохновляться творческими личностями Запада и Востока. В сборнике поэта «Сага сансары» (2017) выделен цикл «Песни бурмона». Так в сокращении обозначается бурят-монгольская идентичность поэта. В стихотворении этого цикла «Из анкеты бурмона» есть пункт о книгах, оказавших влияние: «Конечно, Пушкин, весь в заветной лире, / Басё, Аполлинер и Рильке, / И век серебряный, и бронзовый, / возвысивший поэзию над прозой. / И «Сокровенное сказание монголов» / Из тьмы веков мне подает свой голос» [7, с. 78]. Здесь можно говорить о культурной идентичности поэта, которая благодаря языку творчества расширилась, но при этом не утратила связи с национальными истоками. Интересный эксперимент, связанный с языком творчества, это макаронические стихи, основанные на смешении слов русского и бурятского языков, но чаще такое сочетание создает комический эффект.

Важный момент в определении идентичности русскоязычных поэтов Бурятии – традиционные для народа религиозные воззрения. Буддизм не только как тема, а как аспект убеждений и мировоззрения раскрывается в поэзии Б. Дугарова, Б. Аюшеева (род. в 1963 г.).

Так, в стихотворении Б. Аюшеева «Лампадки малиновые. Пение» описывается атмосфера христианского богослужения в хабаровской церкви. От внимательного взгляда поэта не ускользают мелкие детали чуждой обрядовости: «Впечатления мешают молиться. / Но имея в затылке почтение, поднимаешь очи горе / и опускаешь долу. / Рука не умеет креститься. / Обезьяна ума подсказывает: Лоб, пупок, часы. Кошелек. / Невольно улыбаюсь. Грех. Грех» [8, с. 22]. Буддийское же мировоззрение пронизывает произведения поэта. Так в сборнике «Легкий и деревянный кот» один из циклов назван «Рог яка», что отражает образ укрытия от житейских невзгод из притчи о тибетском поэте-отшельнике Миларайбе. Во время прогулки перед грозой Миларайба на глазах ученика подобрал рог яка, в котором потом сумел спрятаться от стихии. Стихотворение Б. Аюшеева «Рог яка» имеет философский смысл, содержит обобщение о природе человеческих реакций в социальном взаимодействии: «Человека оскорбляет его подобие другим» [8, с. 35]. Размышления и обобщения поэта могут трактоваться и интерпретироваться в контексте буддийского мировоззрения.

В поисках идентичности Амарсаны Улзытуева (род. в 1963 г.) доминирует не национальный аспект, а культурный и культурологический. Оставаясь в глазах традиционного бурятского общества сыном великого поэта Дондока Улзытуева (1936–1972), Амарсана Улзытуев предпочел осваивать российское пространство в первую очередь, и позиционирование его как московского поэта имеет свои основания. Масштаб творческой реализации определяется мастерским владением русским языком. Чувство фольклорных истоков русского слова, самой природы языка позволяют А. Улзытуеву экспериментировать, искать свободу поэтического выражения. Название одного из циклов его поэтического сборника «Всеземля» актуализирует «всечеловеческий» подход А. Улзытуева как гражданина мира. Тем не менее попытки сохранить национальное выражение своего поэтического облика воплотились не только в написании анафорических стихотворений с традиционным для ритмики бурятской поэзии единоначалием, но и в синтезе разных традиций. В стихотворении «Памяти Намжила Нимбуева» поэт обращается к Нимбуеву, утверждая духовную связь с ним: «Русскоязычие моё – твоим освящено, / В косноязычии моем крылышкующем – нет-нет да

прорежется голос твой – / «Атласный, гортанный, словно гарцующая на цыпочках сабля» [9, с. 77]. В этих строках помимо прямого обращения к Нимбуеву содержатся аллюзии на тексты русской поэзии: на гумилевские строки «высокое косноязычие тебе даруется, поэт», на строки В. Хлебникова «крылышка золотописьмом». Влияние художественных открытий Н. Нимбуева можно усмотреть в обращении почти всех последующих русскоязычных поэтов Бурятии к верлибру, интересно также проследить применение нимбуевского поэтического эпитета «гортанный» по отношению к бурятскому языку. Н. Нимбуев в стихотворении «Русский язык» уподобляет русский язык голубке, а родной бурятский язык беркутенку, который сидит в его подъязычьи: «Едва он захлопает жестким крылом – / Врываются в речь мою русскую властно / *гортанные*, хриплые смутные звуки» [4, с. 79]. Этот же эпитет применяется в стихотворении Б. Дугарова «Баргуджин-Токум»: «И с клокочущим бубном в руке / Ясновидец лицом к поднебесью / на *гортанном степном* языке / пел мою золотую прापесню» [10, с. 65]. В стихотворении Е. Сындуева (род. в 1957 г.), определяющего уже русский язык в качестве родного, звучит обращение к поэту-современнику: «Эй, бурят русскоязычный, / Евразийский стык! / Где же твой *гортанный* зычный / песенный язык?» [11, с. 68]. Утрата бурятского языка как родного, как языка, связующего с предками на уровне логоса, приводит к размыванию национальной идентичности в определении бурята как «евразийского стыка». Понятие «евразийскости» скорее разрушает четкость национальной самоидентификации, оно находится в основе размышлений Е. Сындуева, который знает о монголах как о своих предках, но при этом способен увидеть себя с противоположной стороны: «Печального или смешного / В том больше, что среди той войны / Себя, кочевника степного, / Я вижу с киевской стены?» [11, с. 57]. При этом автор осознает судьбу своего народа в составе российской государственности, скорее, как пасынков – «...Москвой упорно / не любимых сыновей»: «Мать ли мачеха Россия? / Третий Рим или Орда? / Над тобой неугасима / евразийская звезда» [11, с. 60]. Путь к социальному уровню идентичности прослеживается в обращении русскоязычных поэтов к теме государственности, государственного устройства и его символики. С. Тумуров (род. в 1949 г.) в стихотворении «Билингвизм» обращается к образу российского

герба: «двуглавы птицы – / державного орла» [12, с. 84]. В авторском определении есть открытое противоречие, поэтому воспринимаются как оксюморон строки: «О двуглавые уродцы – / двуязычные птенцы / Евразии, / но все-таки орлы!» [12, с. 85] В стихотворении С. Тумурова «Русскоязычный бурятский поэт» имперская символика раскрывается в соотношении российского орла и китайского, по всей видимости, дракона, отмечая пограничье, в котором находится бурятский народ в современности: «Змеиной мудростью душа полна – / болит, / Язык раздвоен... / иль двуязычный я? / Сияет небо на щите / державного орла – / копьём прошита / дракона голова» [12, с. 94]. Исследователи отмечают, что в социологии и антропологии сдвигается вектор в изучении идентичности: «...приоритетное внимание к сохранению единой целостности, самости сменилось интересом к ее дифференцирующей функции. В рамках теории ролей понятие личности трактовалось как интегральная сумма по крайней мере двух компонент. С одной стороны, это представление о ролях как совокупностях функциональных и символических целостностей, зафиксированных в институциональных социокультурных структурах и обеспечивающих их сохранность. С другой – концепция Я, которая рассматривалась как организующее начало, обеспечивающее внутриличностную классификацию ролей, предотвращающую их взаимную конфликтность, их отбор и упорядочение применительно к типичным ситуациям социального взаимодействия. В этом случае само понятие оказывается внутренне дифференцированным. Я-идентичности отводилась функция механизма, обеспечивающего выделение и отбор из наличного социокультурного опыта индивида тех его составляющих, которые отвечают конкретным ситуативным запросам» [1, с. 91–92].

Таким образом, самоопределение творческой личности может происходить на самых разных уровнях и плоскостях, может быть результатом выбора как неосознанного, так и осознанного. В определении идентичности важен контекст, в котором себя ощущает творческий человек. В русскоязычной поэзии Бурятии косвенно преломились и отразились сложные социальные процессы взаимодействия культур, далекого от подлинного диалога, когда одна из них обозначается в качестве доминанты, что неизбежно становится ущербом для другой. Свобода самореализации творческой личности обуславливает различные варианты поисков

идентичности в литературе Бурятии. Для ряда поэтов четкое определение своей национальной идентичности является важным условием дальнейшего развития. В определении идентичности происходит взаимодействие национального, языкового, религиозного, культурного пластов.

Источники и литература

1. Орлова Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. том IV. – С. 87–111
2. Томашевский Б. В. Стих и проза. / Стихovedение: Хрестоматия. СПб.: Образование, 1996. – С. 41–50.
3. Солбонэ Туя Моя совесть чиста. Избранные стихи, статьи. Улан-Удэ. 1992. – 100 с.
4. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. М., 2003. – 308 с.
5. Демичев И. В., Султанова Г. Д. Идентичность как социокультурный феномен. // Logos et praxis. 2017. Vol. 16. No. 3. – С. 40-48
6. Дугаров Б. С. Лунная лань. М.: Советская Россия, 1989. – 176 с.
7. Дугаров Б. С. Сага сансары. Улан-Удэ: НоваПринт, 2017. – 400 с.
8. Аюшеев Б. Легкий и деревянный кот. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2014. – 64 с.
9. Улзытуев А. Д. Новые анафоры. М: Время, 2016. – 128 с.
10. Дугаров Б. Всадник. М.: Современник, 1989. – 142 с.
11. Сындуев Е. Евразийская звезда. Т.1. Избранные стихотворения. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. – 192 с.
12. Тумуров С. Листобой. Улан-Удэ: «Буряад үнэн», 1998. – 132 с.

© И. В. Булгутова, 2024

УДК 821.0 (821.512.151)

М. С. Дедина

ЛИРИКА ВЛАДИМИРА БАБРАШЕВА: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

M. S. Dedina

VLADIMIR BABRASHEV'S LYRICS: FEATURES OF POETICS

Аннотация. В статье исследуется творчество талантливого, рано ушедшего из жизни талантливого поэта В. Бабрашева. Его стихотворения, написанные в 1970-е гг., отражают индивидуально-авторское видение мира, философские размышления о судьбе, о родине, о поэзии.

Abstract. The article examines the work of the talented, talented poet V. Babrashev, who passed away early in life. His poems, written in the 1970s, reflect the author's individual vision of the world, philosophical reflections on fate, about the motherland, about poetry.

Ключевые слова: алтайская лирика, Владимир Бабрашев, жанр, лирическое стихотворение, поэма, хронотоп.

Keywords: Altai lyrics, Vladimir Babrashev, genre, lyrical poem, poem, chronotope.

*Jaан улус таппаган сѳсти,
Jaаш бала мен нени айдайын?
Кейтигин, кѳрѳн, ыйлап та болзо,
Келишкен јѳрѳмди тѳгезип салайын*
[4, с. 25].

Бабрашев Владимир Васильевич родился в 1948 г. в с. Уйтушкен Шебалинского (ныне Чемальского) района Алтайского края (ныне Республики Алтай). Учился в Бешпельтирской школе, закончил Педагогическое училище (физкультурное отделение). В разные годы работал «табунщиком, строителем, трактористом, заведующим сельским клубом» [1], «учителем в Кош-Агачском районе, корреспондентом в «Алтайдын Чолмонь» [2, с. 8].

Д. Я. Маскина-Боделукова пишет, что молодой автор свои первые стихи написал еще в школьные годы, и, работая

корреспондентом областной газеты «*Алтайдын Чолмоны*», «ему посчастливилось несколько месяцев жить в семье поэта Л. В. Кокышева». Именно по его наставлению, «в 1973 г. Владимир Васильевич поступил в Московский литературный институт им. А. М. Горького. Он выбрал творческую мастерскую поэта Егора Исаева и начал готовить свою первую книгу, рукопись которой, к сожалению, много времени «держали» в издательстве» [1, с. 189].

Талантливый поэт ушел из жизни в рассвете своих творческих сил, в 1977 г. в 28 лет. Первый его сборник стихов был издан спустя 10 лет после его смерти, в 1986 г.¹, второй вышел в 1998 г.,² третий, «Я водою алтайской умылся...» (на русском языке) – в 2018 г.

«Известность пришла к нему еще в студенческие годы, стихи «О луне», «Матери», «О брате», размышления о малой родине, о судьбе этноса читатели знали по газетным публикациям. За словом стоит его душа с желанием сделать очень много доброго друзьям, братьям, сестрам и всем-всем, кто его окружал, с кем он жил в радости» [1, с. 189].

Автором послесловия первого издания стал П. Самык, назвавший статью «*Ыраак жылдыстын чогынды...*» («Словно искра далекой звезды...»)³. Он отметил самое главное качество стихов В. Бабрашева, подчеркнув, что «*Владимир жангыс ла акту бойынын жүрегин, күүн санаазын бичийтен лирикалык жайалталу бүткен эмес, же эбире жүрүмди көргүзип бичишин сүүр ууламжылу тикалык жайамырлу болгон эмтир*» [3, с. 90]. Реализм мышления и простота самовыражения были творческим почерком поэта, обозначив только ему присущий, узнаваемый стиль. Согласившись с Д. Маскиной, следует сказать, что лирика В. Бабрашева, активно влившаяся в литературный процесс только в конце XX в., обозначила «новый уровень в развитии алтайской литературы – пришел новый автор, удивительно сочетавший подлинное народное слово и интеллектуальную образованность. Высокий уровень и

¹ Очевидно, что первый сборник был подготовлен и издан Союзом писателей Горно-Алтайской автономной области, поскольку П. Самык писал: «Бу кичинек жуунтыга онын ончо үлгерлери батнай калды. Ол үлгерлерди бис кийинде «Туулардын жинт үндери» деп серияда чырагып ийер деп шүүштибис» [3, с. 92].

² Н. Боделукова (Д. Маскина), редактор двух сборников поэта, относительно второго напишет: «благодаря стараниями младшего брата Эдуарда» [4, с. 189].

³ Интересно, что при издании второго сборника был дан не смысловой перевод названия сборника «*Жүрегим улуска көргүнгөдй болзо...*», а сходное с названием статьи П. Самыка – «*Мерцание звезд далеких ...*»

утонченный дух русской классики придали стихам В. Бабрашева ярко-лирическую проникновенность и своеобразную музыкальную тональность» [1, с. 189].

В жанровом плане у поэта есть и лирические стихотворения, посвящения, элегии и лирические миниатюры. В целом для его поэзии характерны размышления о смысле жизни, о любви, о судьбе, о верности, о памяти и т. д. Мотив сопричастности и сотворчества становится сквозным в стихотворениях, посвященных теме поэта и поэзии. Лирика для молодого поэта не была способом самовыражения, но была органичной частью его существования. Творчество, образ которого воплощен у поэта в Музе, несколько раз появляется в его стихотворениях. Например, в стихотворении «*Бичил ле үлгер, бичил ле көөркий...*» лирический герой поэта беседует на равных с ней, понимая и принимая ее капризную натуру.

*Эмеш-эмеш коркыдып алдын,
Эмди бийин мен болойын.
Көгүске бадышпай чайбалып ла тур,
Көстү кижини мен көрөйүн* [4, с. 3].

В его отношении к поэзии присутствует два взгляда. С одной стороны, на нее он смотрит с точки зрения мировой литературы, можно сказать, европейской. Здесь он с горечью отмечает:

*Пушкин, Есенин, Рубцов жок болзо,
Кижини мында жүүлөрдөн айабас.
Олордын тапкан сөзүндий сөсти
Мендиги кижини өлзө дө таппас* [4, с. 80].

С другой стороны, его стихи исходят из недр народной памяти, сливаются с народным творчеством.

*Мен сени, кожонгым бичип ле салдым,
Көксимнин түбине токтодып болбой.
Укканы, байла, ондоор ок болбой.
Айдар сөзүн айттыр ла дешкей* [5, с. 123].

В лирическом произведении обнажается душа, а в поэтическом наследии В. Бабрашева, как отблеск далеких звезд, остались жить его мысли, мечты, сомнения, радости... При этом лирический герой очень близок самому автору, а в некоторых случаях он становится его alter ego, изображенный с известной долей иронии.

*Күүнимнин бүдөрүн көрбөс тө болзом,
Санагам санам аруу ла жараш.*

*Уткуул да айдып, мактанып та ийген,
Коркышту ла дезен, Володя Бабраш [5, с. 82].*

У него даже есть цикл стихотворений, объединенных общим названием «*Баштагым туткан*» («Шалю»). Присутствующий здесь саркастичный, ироничный, во многом самокритичный тон характерен для всей лирики поэта.

*Каткырып, кокырлап отурган бойымды
Күйүнип туру деп, кемизи бодоор.
Бир-эки жылдан институт божотсом,
Андый ок ромбик менде де болор [5, с. 47].*

В то же время лирический герой В. Бабрашева с горечью отмечает:

*Алдык та дешсе, көрүп жүргемде –
Тоомжылу кижги качан болорым.
Яан жамылу болор эмезим,
Яан ла болзо, поэт болорым [5, с. 49].*

Эти сомнения и смятения лирического героя, мучительные поиски себя и своего места в жизни выражены в таких стихотворениях, как «*Тенип жүрзе, акчалу болор деп...*», «*Үрелдим ле деп комыдайтан болгом...*», «*Айрылыжып узакка барар тужсында...*» и т. д.

Н. М. Киндикова писала: «В. Бабрашев – дитя природы, выходец из деревни, человек страстно влюбленный в свою малую родину» [6]. В элегии «*Турналар*» через образы улетающих осенью в теплые края журавлей, поэт выразил боль матери, отпускающей своих детей в большую жизнь. И только мать, как и старая ступа, остаются хранителями этого дорого для сердца мира.

*Өткүүрдинг жанында эски бут сокы
Өткөн чактардын арткан жаан куштый.
Бажын өрө канкайтып алала,
Куштардын артканын кайкап калгандый [5, с. 113].*

Как же современно звучат строки поэта, посвященные расставанию матери и сына, отправляющегося на войну. Это стихотворение отличает пронзительная и оголенная реалистичность, в то же время присутствие одушевленных природных объектов, таких как луна, ветер усиливают трагичность и бесчеловечность войны.

*Ак булутты уужай согуп,
Ай оозын жаба тудунган –*

*Согоон кадалган көксин тудунып,
Жиит жуучыл адынан жыгылган.*

*Эрлү жорыкка барган улустан
Эбирип кайра кижги жанбады.
Салкын калактап омордын сөөктөрүн
Сары тобракка көмүп салды [4, с. 7].*

Особняком в лирике В. Бабрашева стоит тема смерти. Трагический рок присутствует в самых ранних его стихотворениях.

*Өткөнин сананзам, бу жүрүмгө
Өөркөп тө жүрзем – ол кару ла ачу.
Келерин сананзам, көксимде жарты жок
Жажытту жалтанчы. Та ненин учун?... [4, с. 5].*

В балладе «*Адам эмди башка журтту...*» лирический герой поэта размышляет о конечности человеческой жизни, о том, что его добрые дела живут в памяти людей после ухода.

*Слер эмди, ада, башка журтту.
Мен де бир тушта башка чыгарым.
Бүгүн слерге айылдап келгемдий.
Келгей не ол тушта сөөгиме балдарым? [4, с. 16].*

В посвящении своему брату, напутствуя и благословляя его, он напишет

*Аргалу да жатсан, кайда да жүрзөн,
Төрөл жеринда ундуба, карындаш.
Адагнын сөөги мында жуулган.
Өлөр лө күүним жок, карындаш.*

*Арткан жүрүмим та канча кирези –
Жүрер, жүрер, жүрер күүним бар.
Же жакшы акангнын тунгей ле бир күн
Кереес тыны кыйылып ок калар [4, с. 21].*

Или в другом стихотворении, вновь обращаясь к своему брату, лирический герой поэта скажет:

*Тыным кыйылган, межикте жатсам,
Ийнимнен силкип, сен ыйлаарың, байла,
Сен ыйлаарың байла, карындаш, карындаш.
Же мен өрө туруп болбозым.*

*Качан да өрө туруп болбозым,
Өрө туруп болбозым, карындаш* [4, с. 22].

Все чаще лирический герой поэта задумывается о конечности человеческой жизни. Смерть для него, пусть и обретение «дома» (вспомним посвящение отцу), но это неизбежный итог бытия.

*Бу жылдардын өдүн жатканын –
Мынайып турала, өлөр деп табар.
Ол жеткеринг сакыдат эмеш пе?
Једип келгени көрүнбей де калар* [4, с. 23].

Смерть для поэта это небытие, связанное для него с горечью утраты возможностей, прежде всего – любить и творить.

*Јүрүм андый деп, салым андый деп,
Улус анда тен нени де айтса,
Јердин алдында нени де билбей
Чирип јадарга коркышту ла база* [4, с. 36].

Отдельного внимания заслуживает поэма В. Бабрашева «*Бир кыш*» («Одна зима»), написанная в 1970-е гг. (предположительно 1976 г.), но впервые увидевшая свет в 1986 г. в одноименном сборнике поэта. В 1998 г. она была издана повторно в сборнике поэта «*Јүрегим улуска көрүнгөдий болзо...*»¹ («Если бы мое сердце было видно людям...»). В переводе Н. Переяслова она издана в русскоязычном сборнике поэта.

Мөштү-Айры (Мёштю-Айры) (букв. рукав реки с кедрами; кедровый рукав реки). Река Мөштү-Айры протекает в ур. Уй-Түшкен в юго-западном направлении, впадает в р. Өлөндү. Название состоит из двух компонентов: прил. мөштү 'кедровый' и апеллятива айры 'рукав реки; разветвление' [7, с. 62].

Произведение во многом автобиографичное. Здесь называются топонимы, имена людей, события, имевшие место в действительности. Повествование представляет собой широкое социально-психологическое полотно, где осмысливаются такие категории, как родина, семья, судьба и жизнь. П. Самык об этой поэме писал: «*Бу поэмада ол Мөштү-Айры деп кичинек јурттын улусынын јүрүм-јадынын бир де јарандырыш јогынан, реализминин ээжилери аайынча јурайт. Бу улуска ол сүреен карузыйт, јиит автор – оордын балазы. Ол бу улусты тын сүййт, ол бу улустын*

керсүзине сүйнет, оорло кожо јырган та јүрет, јыргалдар көп болгонына комыдап та турат» («В этой поэме он без всяких приукрашиваний, по законам реализма показывает жизнь маленького селения Мошту-Айры. Эти люди ему бесконечно милы – он их дитя. Он очень их любит, радуется их смышленности, и делит с ними радость праздника, и сетует на обилие праздников») [3, с. 90].

Творчество В. Бабрашева, самобытное и своеобразное, продолжает лучшие традиции алтайской литературы. В его лирике сочетается как мифопоэтическое понимание окружающего мира, так и попытки философского осмысления бытия и места в нем человека. Реалистичность изображения, простота и ясность мысли – вот основополагающие качества художественного мира поэта.

Источники и литература

1. Маскина-Боделукова Д. Я. 60 лет со дня рождения Владимира Васильевича Бабрашева // Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай, 2008 год. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 189–190.

2. Бабрашев В. В. // Писатели Горного Алтая: библиографический словарь. – Горно-Алтайск: БУ РА «Национальная библиотека Республики Алтай имени М.В. Чевалкова», 2019. – С. 8–9.

3. Самык П. Ыраак жылдыстын чогындый... // Бабрашев В. Бир кыш. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1986. – С. 90–92.

4. Бабрашев В. Бир кыш = Одна зима: стихи, поэма. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1986. – 96 с.

5. Бабрашев В. «Јүрегим улуска көрүнгөдий болзо...» = Мерцание звезд далеких: стихи, поэма. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип., 1998. – 160 с.

6. Киндикова Н. М. Слияние двух дарований // Звезда Алтая. – 2002. – 7 мая.

7. Топонимика Республики Алтай. Книга 3. Чемальский район. – Горно-Алтайск, 2022. – 145 с.

8. Ямаева Е. Е. Алтай тилиме айтпаган сөзимди // Алтайдын Чолмоны. – 2000. – 2 март.

9. Чекуракова Л. Ойынга шылтай ла кокырга кадай // Алтайдын Чолмоны. – 1999. – 28 авг.

¹ В варианте издательства название сборника на русский язык было обозначено, как «Мерцание звезд далеких...» [4, с. 160].

10. Чараганова Г. Ойто ло јаш тужыста үйтүшкенде // Алтайдын Чолмоны. – 1999. – 12 янв.

11. Бабрашев В. Я алтайской водою умылся...: стихи, поэма / [пер. Н. Переяслова]. – Горно-Алтайск, 2018. – 131 с.

12. Палкин Э. М. Мөштү-Айры төрөлим эди...: «Бир кыш» деп туују керегинде // Алтайдын Чолмоны. – 1977. – 25 марта.

13. Чинина Э. П. «Раскрыть бы душу людям...» // Материалы научно-практической конференции «История и современность Чемальского района», посвященной 15-летию образования района. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 86–90.

©М. С. Дедина, 2024.

УДК 811.512.19

А. Н. Майзина

АЛТАЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАДА САЛКЫННЫҢ СҮР-ТЕМДЕГИ

СИМВОЛИКА ВЕТРА В АЛТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

A. N. Maizina

WIND SYMBOLISM IN THE ALTAI LINGUOCULTURE

Аннотация. В статье предпринимается попытка описания одного из значимых символов в алтайской лингвокультуре – символа ветра. В работе рассматриваются способы и средства репрезентации данного символа в алтайском языке. Анализируется этнокультурная специфика ветра в художественном и фольклорном дискурсах. В качестве иллюстративного материала послужили данные словарей, цитаты из произведений алтайской литературы, фрагменты текстов алтайского фольклора.

Abstract. The article attempts to describe one of the significant symbols in the Altai linguoculture – the symbol of wind. The paper considers ways and means of representation of this symbol in the Altai language. The ethno-cultural specificity of wind in artistic and folklore discourses is analyzed. Data from dictionaries, quotes from works of

Altai literature, and fragments of texts from Altai folklore are served as an illustrative material.

Ключевые слова: алтайский язык, лингвокультура, символ, образ, ветер, паремии.

Keywords: altai language, linguoculture, symbol, image, wind, paremia.

Салкын – кижинин јадын-јүрүминде јаан учурлу ар-бүткеннин айалгаларынын бирүзи. Кажы ла калык салкынды, онын ийдезин тангынан башка сезип, учурын башка ондойт. Бу айалга элден ле озо албатынын јаткан јеринен камаанду болот. Мынан улам салкынды темдектеер сөстөрдин тоозы кажы ла элдин тилинде башка болот. Салкыннын аттары, бүдүмдери јаан сууларды, көлдөрдү, талайды эмезе тенгисти јакалай јуртап турган калыктардын тилинде көп болгоны текши јарлу. Ненин учун дезе салкын балыктаарында ла сууда керепле јүреринде јаан камаанын јетирет.

Алтай тилде *салкын* деп сөс монгол тилден кирген сөс болот, јебрен **salki* деген төзөгөдөн бүткен деп көрүлет [1, с. 1508]. *Салкын* деп төзөгөдөн *салкында-*, *салкынду*, *салкынак*, *салкынды* деп сөстөр бүткен, *салкында-* деп глаголдон *салкындак* деп јарталгыш бүткен.

Салкыннын кыймыгузын *салкында-* деген глаголло коштой *сок-* деп глагол көргүзет: *Тан эртен туруп келзебис, тенгери ачылбаган, туман, булуттар кайнайт, соок салкын согот* (НБК, 152).

Алтай калыктын јанжыккан чүм-јандарыла колбулу көгүс көрүминде салкыннын сүр-кебери ле сүр-темдеги эки башка көрүлет. Бир јанынан, салкын јебрен өйлөрдөн бери кара немелерле тудуш болуп, кижиге оорулар, түбек экелип турган деп бодолот. Алтай улустын көрүм-шүөлтөзиле болзо, күн удур куйбурап турган куйун-салкын – ол көрмөс, кара неме. Этнограф Э. А. Львованын айтканыла, Түштүк Сибирдин түрк калыктарынын көрүминде куйун – ол кара немелердин јоруктайтан эп-аргазы, јепсели болот [2, с. 84]. Ондый куйун кижинин јүрүмине јеткерлү болордон айабас. К. В. Яданованын јартаганыла, улус куйуннан јүзүн-башка эп-аргалардын болужыла аргаданат: куйунды көрүп ийеле, түкүргүлейт (үч эмезе јети катап), ол јаар таштар чачкылайт, кезик учуралдарда јаман сөстөнөт, ого удурлажып аңылу сөстөр айдат:

Кен эшиктен кедери,
Тар эшиктен ташкары
Пашка, өскө жүкке бар [3, с. 175].

Алтайлардын кам жангыла болзо, куйун күн аайынча куйбурап турза, оны учуп брааткан камга бодойтон, жартынча – онын жулазына, ненин учун десе бу өйдө кам бойы камдап турган жерде болот [4, с. 81].

Экинчи жанынан, алтай калыктын айлаткыжында салкын ээлү болот. Онын ээзи – үй кижиге, К. В. Яданованын шиндегениле, *салкын ээзи сары эмеген* деп адалат [5, с. 226–227]. Этнограф Т. П. Тюхтенованын шүүлтезиле болзо, салкыннын ээзи «жеткерлү не-немелердин тоозына кирбейт». Ол карын да кижинин болушчызы болот [6, с. 189].

Салкын кижиге болушту болгоны анчада ла алтай калыктын чүм-жандарында иле көрүнөт, темдектезе, кыра ижиле, аш согорыла колбулу чүм-жандарда. Жарлу фольклорист С. С. Суразаковтын бичигениле, арбаны саанагынан айрыырда, салкын (стихияны) кычырып, мынайда айдар:

Тос айылды толуроода бер,
Кийис айылды килереде бер!

Онын кийинде сыгырап [7, с. 45].

Алтай калыктын аш-курсагын – талканды белетеер тушта, салкынды өнөтийин болушка кычыраарга алтай улус аңылу *том сөстөр* тузаланатан. Ол керегинде фольклорист М. П. Чочкина мынайда бичийт: «... алтайлар эмдиге жетире арбаны эмезе тараанды казанга куурат, онон сокыга согуп, саазын эзерге балдарга салкыннын ээзин кычыртар. Балдар ончозы жаба эмезе бирден салкынга баштангылайт:

«Салкын, кел! Салкын, кел!
Самтар бөрким берейин...
Эзин кел! Эзин кел!
Эски бөрким берейин,
Эскиндеги чаракты
Элгей эзип алайын,
Көчө эдер арбамды
Көптөн эзип алайын,
Туудый коозо берейин,
Тутканча ла учуп кел!

Саганагын берейин,
Саатабастан куйбуп кел!» [8].

Алтай улус салкынды сүрөргө база аңылу *салкын ырадар сөстөр* айдатан:

Э-э-эй!
Салкын ээзи
Сары эмеген!
Көрүгинди тарт,
Көмүринди өчүр!
Көстөрүндү жап,
Косторунды чөңүр!
Эр кижиге
Эзини не коркыбас.
Эмеген кижиге
Эрмегине саатабас.
Э-э-эй!
Салкын ээзи
Сары эмеген! [9, с. 13].

Салкын өскө дө калыктардын сооңындарында ээлү эмезе куулгазын ийделү кудайга бодоштош, жанмырла, жалкынла башкарып турган деп көргүзүлөт. Темдектезе, туркмен калыкта салкыннын адазы *Хайдар баба (Мурхайдар)* керегинде сооңындар бар. Тын салкын соккондо эмезе коркышту жоткон болгондо, туркмендер оны эмди де болушка кычырат, тайылга эдерис деп сөзүн бергилейт [10]. Сириянын туркмендери ислам жангына көчкөнүнөн ле ала салкынга *türbe*-часовнялар тутат. Ондый часовняларга жүрүп, олардын жанында аңылу чүм-жан жандаза, кандый бир оору-жоболдон айрылар деп бодолот [11, с. 78].

Карачай-балкарлар кыра ижиле колбулу чүм-жандарда ашты чеберлеерге салкыннын ээзине тайылга тайатан [11, с. 78]. Олор, Т. М. Хаджиеванын бичигениле, теерменделген ашты эзерге салкыннын энези *Химиккиге* баштанып, салкын уулын болушка ийзин деп сурап, кожон кожондойтон. Кожонло кожо сыгыратан (симпатический магия) [12].

Алтай калыктын жанжыккан көгүс көрүмиле коштой, алтай калыктын оос чүмделгезинде ле литературазында салкыннын сүр-кеберин, сүр-темдегин шиндегени аңылу жерде турат. Мында төс аяруны тилдин кандый эп-аргаларынын болушыла салкынды

журап, кееркедип, темдектеп турганына эткедий. Алтай тилде салкын мындый төс темдектерлү болот:

– ийдезинин темдектери: тынг салкын, жаан салкын, экинду салкын, качалан салкын [13, с. 299], кезем салкын, араай салкын, жеңил салкын, тымык салкын, көжү салкын [13, с. 368], аайы-бажы жок салкын.

Агаиш аразыла браадарда, аайы-бажы жок салкын болгон болтыр (НЯФЧ, 116); Тынг салкынга ла карлу жаашка удур барарга сүрекей күч болгон (ИК, М, 71); Городтын текши садында жуиттер тымык салкынга жайканган жалаңдардын чечектери ошкош айланыжып тургулайт (ЛК, ТУ, 287);

– температуразынын темдектери: жылу салкын, изү салкын, отту салкын [14, с. 117], соок салкын, серүүн салкын, сыза салкын, сыр салкын, сыркынду салкын.

Тышкары соок салкын, же эки кып туранын ичи жылу да, жарык та (АА, Б, 94); Карган теректердин жес ошкош бүрлери жылу салкынга табышту шылыражып турдылар (ЛК, М, 7); Кан-жеерен аттын Куйругынын желбүзи / Сыр салкынын сыылат келди... (АБ, 102); Ару ла серүүн салкын эки уулдын жүзине жаба согуп, чачтарын элбиредет (ЛК, ТУ, 296);

– кургак / чыкту болгонынын темдектери: кургак салкын, чыкту салкын, жыбар салкын.

Күски соок, кургак салкын Тумчуштын жаргак самтар тонын өткүре согуп турды (ИШ, К, 114); Бир эмештег шуурып келген кар, өткүн чыкту салкын ого сүрекей жакшы (ЛК, ТУ, 202); Чын, бүгүн сооксымак, кезикте жыбар салкын да келет (ЭП, А, 104);

– соккон ууламжызынын темдектери: аай салкын, жолдош салкын, он салкын, терс салкын, удур салкын, уткары салкын [13, с. 748].

Ойын баштап, маргыжып, / Он салкын ла терс салкын / Олий-селий сок турды... (АО, ККК, 47); Удур салкын жашкан карды жүзине шыбай согуп турарда, ол жабыс энчейип алган бараатты (ТШК, 70);

– сезимле колбулу темдектери: жымжак салкын, кыйгак салкын, өдүни салкын, өткүн салкын, тоштый салкын, эрке салкын, жараи салкын, коо салкын¹.

¹ Мында коо деп сөстин учуры экижандай көрүлөр аргалу. Бир жанынан, ол салкыннын тыш бүдүмин, сын-арказын жартайт, экинчи жанынан – салкыннын жараш, өткүн үнин темдектейт.

Экүлезинин жүзүн боочыдан согуп турган жымжак салкын араай сыймап ийди (ЛК, А, 194); Бурят чөлдөрди / Кыйгак салкындар / Килейте сыймап салгандый (ПС, ТСТ, 135); Өрө бийиктен, көрүнбес теңеринин түбине түртүлгөн карлу сүмерлердин бажынан, өдүни салкын согот (БУ, СӨ, 362); Жалаңдардан серүүн ле эрке салкын сокты (ЛК, ТУ, 334); Атту улустын жүзине тепсеннин серүүн, жараи салкыны жаба сокты (АА, Б, 134); Салкын коо, салкын коо! / Саанакты учурөөр! / Салкын коо, салкын коо! / Алтын чаракты арута! [15, с. 274].

Алтай тилде салкын көп учуралдарда тынданып, кижидий кылык-жанду болуп калат. Салкыннын кылык-жанын көргүзөргө тилдин башка-башка эп-аргалары – эпитеттер, метафоралар ла түндөштирүлөр тузаланат. Темдектезе, тынду салкыннын күүн-санаазын көргүзөргө эмотивный жарталгыштар тузаланат: кубуксу салкын [13, с. 389], кунукчылду салкын, чукулду салкын. Сүүнчилү салкын – ол көп сабазында жеңил, араай салкын болот. Кунукчылду, эрикчелдү салкын – ол көп сабазында күски салкын.

Кандый да жылу ла кунукчылду салкын (БУ, СӨ, 151); Чукулду салкын көзнөктөрдүн ставняларын, тала жабуларды калырадып та турза, же оны кем де укпайт (ЛК, М, 124).

Салкыннын толо сүр-кеберин жураарында анчада ла глаголдор туружат. Олордын болужыла салкыннын кылыгы, эткен керектери чокумдалат. Темдектезе, салкыннын ич айалгазы эмотивный глаголдор ажыра көргүзүлөт: атыйлан-, калаптан-, сыкта-, ыйла-.

Сыктап-комудан, араайын ыйлаган, / Сыылаган салкыннын үни карыкчыл (СБ, СС, 8); Салкын атыйланып, <...> чөйө ыйлап турат... (ЛК, А, 204).

Салкыннын жүзүн-башка кыймыгуларын жайка-, жала-, саба-, сыйма-, табар-, учур- ла о.ө. глаголдор темдектейт.

Серүүн салкын онын изү эриндерин жалай согуп, койу кара чачын ары-бери серип турды (АА, Б, 77); Узун күнге, ач өзөккө, күнге өртөдип, салкынга сабадып, жаашка, карга өдүп, койдын жанына кадатаны жеңил эмес иш (ТТ, Ж, 22); Салкынак оны [чечекти] жайкап, быыраиш бажын сыймап турат (ЭЭ, 228); Тыттардын ары жаказында турган агаиш кайтты не? <...> Салкын табарган ба? (ЭП, А, 55).

Салкыннын чыгарып турган табыжын көргүзөргө башка-башка глаголдор тузаланат. Олор ортодо эн ле элбеде мындый

глаголдор туштайт: *кожондо-, күүле-, онто-, сыгыр-, сыыла-, улу-*.

Je салкын коолодо кожондоп, ыйлаганча (ЛК, ТУ, 161); *Салкын сыгырат* (ТТ, JJ, 13); *Тышкары соок там ла тыгып, салкын күүлеп турган* (ЛК, ТУ, 161); *Улуган салкынду кўски тўнде / Уйуктап болбой, мен жададым* (БУ, МК, 33).

Анайда ок, салкыннын табыжын башка-башка өткөниш сөстөр көргүзөт:

Ўзе тоолоп берерде, салкын – «шуу-у-у!» – ла эткен, келген, тўктерди учурган (НЯФЧ, 58); *«О-о-о, ээ-э-ээ!» – деп, тышкары салкын кожондоп турды* (ЛК, А, 166).

Салкыннын сўр-темдегинин учуры универсал ла этноспецификалык темдектерлү болот, онын оценокзы диалектичний, онын персонализациязы кижинин кандый бир кылык-жангынын аңылузын жартайт [16, с. 221]. Алтай лингвокультурада, анчада ла кееркедим дискурста, салкын башка-башка сўр-темдектерлү болот, башка-башка жанынан көргүзүлөт. Олордын бир канчузын көрүп ийели:

✓ *Салкын* – ол жаан ийделү, коркышту стихия, ол жеткерлү, ончо тирү немеге каршузын жетирер аргалу. Салкыннын мындый сўр-темдеги жанжыккан болот. Салкыннын бу келтейин *казыр, калапту* деп эпитеттер көргүзөт:

Онын койу кара чачын жангыс ла казыр салкын эркелеген эмтир... (ЛК, ТУ, 209); *Калапту салкын клубка кирген кижинин колынан эжикти кодоро согуп, оны арай ла болзо эжиктин сабузыла кожо кайра таштабай турды* (АА, Б, 89).

Кезик учуралдарда салкыннын калаптузын тыныда көргүзөргө *кара* деп жарталгыш тузаланат, темдектезе:

Кара салкыны калжуурып кайнаган / Качан да көрбөгөн чөлдө мен болгом (БУ, ТМБ, 54).

✓ *Салкын* – ол жайымнын сўр-темдеги, аайына чыгып болбос, туду жок стихия. Кезикте жошкын, тербезен бүүдүмдү болот. Салкыннын мындый кылык-жангын *жайым, салдым-омок, эркин, тенибер* деп жарталгыштар керелейт:

Жайым салкыннын шуултты кулактарымды тундурад (ИС, ТҮКА, 63); *Бис – тенибер салкынга сүрдүрүп учкан, аргазы жок кўски жалбырактый...* (ТТ, JJ, 30).

✓ *Салкын* – ол омок, баштак, кутус кулугур. Салкыннын мындый жаны жанжыкканы аайынча алтай калыктын

оос чўмделгезинде көргүзүлөт, анчада ла том сөстөрдө. Салкыннын бу сўр-темдеги онын түрген учуп турар, женилчек, кей бүүдүмдү болгонынан улам табылган деп айдарга жараар: *омок салкын, шулмус салкын, талбынак*:

Омок салкын, ойлоп кел!.. [15, с. 374]; *Жалаңдар да, агаштар да айтпас кожонды шулмус салкын учуруп, ойлодып, өскө ыраак жерге алып барар* (АА, Б, 124).

✓ *Салкын* – ол жендеп болбос ийде-күч, жүрүмнин жолындагы буудак. Салкыннын мындый сўр-темдеги сүрекей терен учурлу, тегиндү эмес. Онын табылганы элден ле озо салкыннын ийделү, жеткерлү стихия болгоныла колбулу:

Жүрүм жүрери – ажу ажары, жүрүм жүрери – кечү кечери <...> Салкынга удур, жотконго удур чырмайары... (ТТ, JJ, 4).

✓ *Салкын* – ол кезедү, салымнын камчызы. Салкыннын мындый сўр-темдеги солун, элбеде таркабаган, анчада алтай поэзияда туштайт:

Санаамла багып, иженедим Слерге, / Салымнын салкыны экчеп сабаза (СБ, СС, 10).

✓ *Салкын* – ол кей, кебизин, куру неме. Салкыннын мындый сўр-темдеги онын бүткен бүүдүмиле, ар-бүткениле колбулу. Бойынын бүткен бүүдүмиле салкын – ол учуп турган кей, кейдин кыймыгузы, экпини. А кей десе алтай тилде көчүрө учурыла куру, учур жок немени темдектейт:

Санаалу болорго турган болзон, / Салкын болбо! / Ары калбан, бери калбан, Жүс немеге мондолбо! (БУ, ТМБ, 84); *Салкынды кей күүниге / Сүүш чедирген чакпазым* (СБ, СС, 7).

Алтай фразеологияны көргөжин, салкынла колбулу бузулбас сөсколбулар жок. Жангыс ла орус тилден кирген *бажында салкын ойноор* деп калька бүүдүмдү бузулбас сөсколбу туштайт: *Учур жаш. Онын бажында эмди де салкын ойногончо* (ЧЕ, А, 288).

Алтай калыктын оос чўмделгезин шиндеп көргөжин, алтайлардын мифопоэтикалык көрүминде салкын анылу жерде турат. Темдектезе, алтай паремияларда салкын ар-бүткеннин керектү, жаан учурлу айалгазы деп көргүзүлөт. Ол жогынан орчылангын, жер-телекейдин болор аргазы жок: *Салкыны жоктон агаш жыгылар, / Салымы жоктон кижиде өлөр; Салкынду күнде энчү жок, / Сагышту кижиде уйку жок; Салкынду тууда кар жок, / Санаалу кижиде энчү жок.*

Салкын керегинде кеп ле укаа сѳстѳрдѳ онын казыр, калапту, жеткерлѳ болгоны кѳргѳзѳлет: *Салкын тууны жемирер, / Сѳс жонды кѳдѳрер*. Ол эмезе ѳредѳ учурлу кеп сѳстѳрдѳ кижѳ алды-кийнин сананып, ѳдетен керектерин озолондыра шѳѳп турары керегинде айдылат: *Сыгырзан, салкын болор, / Шымыранзан, коп болор*.

Алтай табышкактарда салкын бѳткен бѳдѳмиле кей болгоны керегинде бултаарта айдылат: *Тутса – тудулбас, / Кѳрзѳ – кѳрѳнбес, / Соксо – согулбас / Кожончы уул; Кѳрѳнбейт, тудулбайт, / Же кожонгы угулат*.

Кезик алтай табышкактарда салкыннын жаан ла жеткерлѳ ийдези темдектелет: *Тенгеринин уулы – Тенек-Бѳкѳ, / Бистин уул – Чет-Бѳкѳ (Салкын ла чадыр); Тенгеринин уулы – Тенек-Бѳкѳ, / Јердин уулы – Темдѳ-Бѳкѳ (Салкын ла чакы); Кааннан-бийден элчи келди, / Камык албаты мѳргѳй берди (Салкын ла агаштар); Ичкертинен бичик келди, / Улус ончо мѳргѳп туру (Салкынга соктырган агаштар)* [17, с. 20–21].

Анайда ок, алтай калыктын кѳгѳс кѳрѳминде салкынла колбулу айдын-кѳннин белгелери јилбилѳ. Олордын бир кезиги јарлу алтай кайчы Н. К. Јлатовтын «Чанкыр туулардын чѳрчѳктѳри» деп бичигинде берилген. Темдектезе:

1. *Айас кѳнде салкын јокко кургак ѳлѳн-чѳп лѳ тобрак эзинле айланыжып, эмиштен ѳрѳ кѳдѳрѳлѳп турган болзо, салкын-куйунду, јаашту јоткон болордон айабас*.

2. *Кышкы айас кѳнде салкын јогынан ак јердин кары эзинге бойы ла јерден бурт ѳдип, ѳрѳ кѳдѳрѳлѳп, ары-бери ойноп, айланып турза, бир-ѳки кѳнге јетпей шуурган-јоткон болорынын белгези*.

3. *Тѳштѳктен јылу салкын соксо, айас, јылу кѳн болорынын белгези*.

4. *Кѳннин тѳндѳк јанынан соок салкын соксо, јут болор. Бу ѳйлѳрдѳ узак айас кѳндер турган болзо, мындый салкыннын кийнинде жаан јоткон, мѳндѳрлѳ тын јааш болордон айабас* [18, с. 81].

Айдарда, алтай лингвокультурада салкыннын сѳр-кебери терен учурлу болот. Салкыннын сѳр-темдеги алтай калыктын чѳм-јандарында, оос чѳмделгезинде, литературазында јѳзѳн-башка болгоны шинжѳ иште јарталат. Ол бир јанынан јакшы да, бир јанынан жеткерлѳ де болот. Бу айалга ѳлден ле озо алтай улус айландыра јер-телекейди канайда ондогоныла, јартаганыла колбулу.

Источники и литература

1. An Etymological Dictionary of Altaic Languages / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. – Leiden, 2003. – 1556 p.

2. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1989. – 241 с.

3. Яданова К.В. Вихрь *тѳѳнек* в религиозно-мифологических представлениях теленгитов // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–1 (60). – С. 175–176.

4. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука: Ленинградское отд.-ие, 1991. – 319 с.

5. Яданова К.В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.

6. Тюхтенева С.П. «Черный аркан моего отца». Дорога от предков к потомкам в алтайской культуре // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. – С. 174–199.

7. Суразаков С.С. Алтай фольклор. Изд.-ие 2-е, доп. / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; ред. А. А. Конунов. – Горно-Алтайск, 2015. – 316 с.

8. Чочкина, М.П. «Том сѳс» – заклички и приговорки / М.П. Чочкина [Электронный ресурс]. URL: https://e-lib.gasu.ru/eposobia/alt/R_3_2.html

9. Чочкина, М.П. Балдардын алтай литературазы / М.П. Чочкина. – Горно-Алтайск, 2010. – 384 с.

10. Эсенмадова А.Д. Слова, обозначающие ветер и его виды. Современные научные исследования и инновации. 2023. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2023/01/998>

11. Напольнова Е.М. Слова с основным значением «ветер» в турецком языке // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3(108). – С. 76–83.

12. Хаджиева Т.М. Мифологические, трудовые и семейно-обрядовые песни балкарцев и карачаевцев [Электронный ресурс]. URL: <https://elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lit/421446/>

13. Алтайско-русский словарь. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. – 936 с.

14. Ойротско-русский словарь / Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакова. – М., 1947. – 312 с.

15. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. – Горно-

Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. – 704 с.

16. Карасик В.И. Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании // Русистика и компаративистика Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. – М.: Книгодел, 2021. – С. 219–235.

17. Укачина К.Е. Алтайские загадки. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд.-ие Алт-го кн. изд., 1981. – 93 с.

18. Ялатов Н.К. Чанкыр туулардын чөрчөктөри. – Горно-Алтайск: изд-во «Уч-Сюмер», 1993. – 88 с.

Кыскартулар

АА, Б – А. Адаров. Бурылганы. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1960. – 206 с.

АБ – Алтай баатырлар. Т. Х. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1980. – 214 с.

АО, ККК – А. Олчонова. Кожондо, кожончы кушкажым. – Бийск, 2020. – 152 с.

БУ, МК – Б. Укачин. Мен кем? – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1963. – 79 с.

БУ, СӨ – Б. Укачин. Сүүш ле өштөжү. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1981. – 376 с.

БУ, ТМБ – Б. Укачин. Туулар мөжинин бүрлери. – Горно-Алтайск: изд-во «Уч-Сюмер», 1999. – 184 с.

ИС, ТҮКА – И. Сабашкин. Турна үни көндүгөр алдында. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1984. – 96 с.

ЛК, ТТ – Л. Кокышев. Туулардын уулы. 2-е изд. – Горно-Алтайск, 2010.

ЛК, МЖ – Л. Кокышев. Мечин жылдыс. – Горно-Алтайск, ОАО «Горно-Алтайская типография», 2013. – 416 с.

ЛК, А – Л. Кокышев. Арина. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1959. – 146 с.

НБК – Нина Бельчехованы кычыралы. – Горно-Алтайск, 2018. – 207 с.

ПС, ТСТ – П. Самык. Тууларым – сүүжим, төрөлим. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд.-во, 1989. – 192 с.

СБ, СС – С. Белешева. Салымнын салкыны. – Горно-Алтайск,

2022. – 69 с.

ТТ, ЖЖ – Т. Топчина. Жүрүм – жылдыс. – Горно-Алтайск: БУ РА Литер.-изд.-ий Дом «Алтын-Туу», 2015. – 128 с.

ТШК – Таныспай Шинжинди кычыралы. – Горно-Алтайск, 2016. – 191 с.

ЧЕ, А – Ч. Енчинов. Аргымак. Стихи, песни, поэмы, пьесы. – АУ РА Литер.-изд. дом «Алтын-Туу», 2010. – 360 с.

ЭП, А – Э. Палкин. Алан. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1978. – 328 с.

ЭЭ – Эржинелү эмил (Кычырар бичик) / Сост.: Н. А. Тепукова. – Горно-Алтайск, 2014. – 248 с.

© А. Н. Майзина, 2024

УДК 811.512.142

А. М. Мизиев, М. М. Текуев

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.-Х. ШАВАЕВА

А. М. Miziev, M. M. Tekuev

FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE WORKS OF D.-KH. SHAVAEV

Аннотация. Статья посвящена творчеству Даут-Хаджи Шаваева. В ней анализу подвергаются фразеологические единицы, релевантные для его поэзии. Представлена их частеречная таксономия. Выявлены и описаны структурно-грамматические и семантические особенности традиционных карачаево-балкарских и авторских фразеологизмов.

Abstract. The article is devoted to the work of Daut-Haji Shavaev. It analyzed the phraseological units that are relevant to his poetry. Represented by their part-of-speech taxonomy. The structural, grammatical and semantic features of traditional Karachay-Balkar and author's phraseological units are identified and described.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, карачаево-балкарская литература, Даут-Хаджи Шаваев, поэзия, фразеология, лексико-семантические и грамматические особенности.

Keywords: Karachay-Balkar language, Karachay-Balkar literature, Dauut-Haji Shamaev, poetry, phraseology, lexical-semantic and grammatical features.

В карачаево-балкарском языкознании фразеологическим единицам уделяется большое внимание. Так, например, Ж. М. Гузев и А. М. Мизиев исследовали фразеологизмы с позиций словообразования [1]. Есть успешные попытки осветить системные связи фразеологических единиц в составе различных синтаксических конструкций [2; 3] и их вариантность [4]. В некоторых работах фразеологизмы изучены в связи с отдельными пластами лексики, а также их соотнесенность с различными частями речи [5; 6]. Небезынтересны в этом отношении и научно-теоретические статьи, написанные в русле концептуализации языковых единиц [7; 8]. Однако данные языковые единицы все еще не нашли должного отражения в работах, ориентированных на филологический анализ художественных произведений. Правда есть попытки рассмотреть функционально-семантический потенциал в отдельных фольклорных и художественных произведениях [9; 10]. Исходя из этого, нами предпринимается попытка осветить некоторые аспекты фразеологизмов в творчестве Д.-Х. Шаваева.

Проблема творчества каждой эпохой, каждой культурой, каждым мыслителем воспринимается по-разному. Творчество существует в пространстве между рядом координат, фундаментальных философских категорий связывая их в единое полотно. Поэтические произведения занимают важное место в творческом наследии большого поэта. В основу своего творчества Д.-Х. Шаваев положил общенародную речь. Богатая лексика, несложный синтаксис народного языка являются отличительными чертами его творчества. Используя в своих произведениях фольклор для создания типичных образов, он творчески отбирал наиболее живописные сопоставления, меткие эпитеты и метафоры. В истории балкарской литературы его творчество представляет собой редкостное явление, слово и дело поэта оказались столь универсальными, что их силы хватило для произрастания национальной культуры народа.

В своих произведениях Д.-Х. Шаваев передает коранические сюжеты на балкарском языке, где используется много метафор и фразеологических единиц. В нашей статье мы рассматриваем

фразеологизмы в карачаево-балкарском языке, которые широко употребляются в поэтическом языке Д.-Х. Шаваева. Фразеологизмы помогают насыщению языка эмоциональностью, делают метафоры более четкими, сравнения точными придают особый колорит поэтическому языку, на что обращается внимание в специальных литературоведческих исследованиях. Фразеологизмы в творчестве Д.-Х. Шаваева имеют выраженную разговорную окраску. Это объясняется темой, местом действия, национальным колоритом произведения. В качественном понятии преобладают фразеологизмы «понятия действий» ведущими функциями являются создание эмоциональной окраски текста и речевой характеристики героев произведения.

Рассмотренный нами фактологический материал свидетельствует в пользу того, что среди ФЕ-собственно словосочетаний в творчестве Д.-Х. Шаваева выделяются глагольные, именные, наречные и междометные ФЕ:

1. Глагольно-глагольные: *айтып айталмайды* «восхищается», *кёрюп болма* «ненавидеть», *билип къал* «запомни» и др.

2. Субстантивно-глагольные, которые значительно больше встречаются, чем наречно-глагольные и глагольно-глагольные ФЕ: *айтхандан къайтды* «пошел на попятный», *ариу кёзден къарады* «хорошо относитесь», *акъылы кетгенди* «лишиться рассудка», *амалсыз бол* «находиться в безвыходном положении», *Аллахха къуллукъ эт* «поклоняться, молиться Аллаху», *аууз жамап* «закрыв рот», *артха тургъун* «отступить от слов», *ауузундан тюшюрмейди* «он (она) кого-либо часто вспоминает», *ачыудан кюй* «злوبيваться, досадовать», *баш ур* «преклоняться», *баш кётюрмей* «не поднимая голову, не разгибая спину, упорно, усердно (выполнять какое-либо дело)», *баш жул* «отвертеться от ответа», *бел кётюрмей* «не поднимая голову, не разгибая спину, упорно, усердно (выполнять какое-либо дело)», *бой салмайды* «не подчиняется», *бел бюк* «поклоняться кому либо», *дуниядан кет* «умирать», *динни кесер* «отвратить от религии», *жау бол* «быть врагом», *жанын ал* «сильно пугать, перепугать кого», *жаны таралды* «испытать душевные мучения», *женгиллик тюшдю* «почувствовать облегчение», *жан-жанын сермейди* «рвет и мечет», *мудах бол* «огорчиться», *жан-жанын ашайды* «рвет и мечет», *кёз ач* «присмотришься внимательно», *къулакъ сал* «прислушаться», *къоркъуу кирди* «испугаться», *оноугъа*

тут «советоваться, считаться с кем», *тил ачылды* «язык развязался», *тили тутулду* «сильно испугаться», *хурмет бер* «дать уважение», *этин ашайды* «поедом ест».

3. Адвербиальные ФЕ: *ёмюрден ахыргъа (дери)* «пожизненно, навечно» *айтып-айталмазча (айтмазча)* «умопомрачительно, несказанно, невыразимо», *Аллахны кюню сайын* «каждый божий день», *башындан- аягына дери* «с ног до головы», *аууз жаман* «заткнув рот», *бел кётюрмей* «не разгибая спину» и др.

4. Модальные и междометные ФЕ: *Аллахха шукур!* «слава Аллаху!», *Аллах айтса* «даст Аллах», *Аллахны хакъына* «ей-богу», *Аллах бирди* «богом клянусь».

Обратимся к некоторым релевантным характеристикам рассмотренных выше фразеологических единиц, которые выявляются в творчестве Д.-Х. Шаваева. Так, можно говорить о том, что семантическая неделимость, постоянство состава, непроницаемость структуры и устойчивость грамматической формы обеспечивают для большинства ФЕ строгую закреплённость порядка их слов в поэтическом тексте. Тем не менее, среди них немало и таких, у которых этот порядок нарушен или стандартен, однако не постоянен.

Компоненты субстантивных, адъективных, адвербиальных, модальных и междометных ФЕ, как правило, фиксированы, т. е. за каждым из них закреплено определенное место, например: *адам ашаучу* (о странном, некрасивом человеке), *башына бёрк кийген* «мужчина», *ибелисни къуллугъу* «напрасный труд», *къара кюн* «горький день» и др. – субстантивные ФЕ; *бал татытып* «со вкусом», *артына-аллына къарамай* «решительно, без оглядки, не задумываясь», *кюнню кюн узуну* «день-деньской», *кюнлени бир кюнюнде* «в один прекрасный день», *ата-бабадан бери* «испокон веков» и др. – адвербиальные ФЕ; *жанындан тойгъан* «надело все», *сезюне табылгъан* «честный человек», *Аллах ургъан* «некудышный», *Аллахны тюз къулу* «честный (человек)», *жаннган отдан юлош алгъан* «смелый, храбрый», «мыйсына жукъ кирмеген «человек, который ничего не понимает» и др. – адъективные ФЕ; *бир жаны бла* «с одной стороны», *мен акъыл этгеннге кёре* «по-моему, на мой взгляд», *ким биледи (билсин)* «как знать» и др. – модальные ФЕ; *ай юйюнг бла!* «(выражает удивление, возмущение)», *ай таланган!* «да неужели!», *Аллахны хакъына!* «Ей-богу!» и др. – междометные

ФЕ. Что касается глагольных ФЕ, то компонентный состав их в отличие от компонентов, перечисленных выше типов ФЕ, менее фиксированный. Порядок расположения компонентов исследуемых ФЕ бывает свободным, стандартным и фиксированным.

ФЕ со свободным порядком компонентов по количеству намного уступают ФЕ с фиксированным и стандартным порядком компонентов. Большинство их глагольные: *ахшыгъа аманнга жет / аманнга ахшыгъа жет* «ругаться, браниться», *аягъын-башын билмейди/башын-аягъын билмейди* «ничего не знает», *башы тюбюне болду / тюбю башына болду* «переворачиваться вверх дном», *кёзню ачып жумгъунчу / кёзню жумуп ачхынчы* «в мгновение ока», *жаны ичинде болуп / ичинде жаны болуп* «будучи живым и др.».

При стандартном порядке следования компонентов наблюдается типичное расположение последних, которое в определенных случаях, например, в устной речи, в стихотворениях, может нарушиться, например: *башын жастыкъгъа салмагъанды / жастыкъгъа башын салмагъанды* «он не сомкнул глаз», *жаннет эшиги ачылды / ачылды жаннет эшиги* «испытывать большую радость», *жанын къурман этди / къурман этди жанын* «он пожертвовал собой», *жаннган отха кир / кир жаннган отха* «идти в огонь и в воду», *баш кётюрмей / кётюрмей баш* «без отдыха, без передышки, не прерываясь» и др.

У большинства ФЕ исследуемого типа, порядок компонентов фиксированный. В отличие от ФЕ со свободным и стандартным порядком следования компонентов, которые являются обычно глагольными, в данную группу входят, как уже отмечалось, почти все типы ФЕ, глагольные, именные, адвербиальные, междометные, модальные.

Источники и литература

1. Гузеев Ж. М., Мизиев А. М. Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Принт центр, 2013. – 190 с.

2. Улаков М. З., Хуболов С. М. Семантически двукомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами, в карачаево-балкарском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2014. – № 52. – С. 113–116.

3. Улаков М. З., Хуболов С. М. Управляемые фразеологизмы

как репрезентаторы объекта в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 5 (61). – С. 240–244.

4. Мизиев А. М., Хуболов С. М. Вариантность фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 4 (426). – С. 144–150.

5. Ахматова М. А., Текуев М. М., Додуева А. Т. Функционирование пространственных послеложных имен в карачаево-балкарском нартовском эпосе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 4 (28). – С. 142–150.

6. Кетенчиев М. Б., Додуева А. Т., Ахматова М. А. Полиаспектный анализ названий дней недели в карачаево-балкарском языке // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 248–251.

7. Ахматова М. А., Додуева А. Т., Кетенчиев М. Б. Вербализация концепта «къыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 153–164.

8. Кетенчиев М. Б., Акамов А. Т. Концепт кёз / гёз («глаз») в карачаево-балкарской и кумыкской национальных картинах мира // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 158–170.

9. Кетенчиев М. Б., Казиева А. М., Узденова Ф. Т. Функционально-семантические и этнокультурные характеристики карачаево-балкарских и башкирских заговоров от сглаза // Языки и миграция в условиях глобализации: материалы саммита QS по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика». – М.: Российский университет дружбы народов, 2020. – С. 187–201.

10. Betuganova Y. N., Uzdenova F. T., Dodueva A. T., Khubolov S. M. Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi-journal of history culture and art research. – 2019. – Т. 8. – №2. – Рр. 660–670.

© А. М. Мизиев, М. М. Текуев, 2024.

УДК 821.511.131

Е. Е. Тарасова

ПОРТРЕТЫ-ВОСПОМИНАНИЯ УДМУРТСКОГО ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГЕРМАНА ХОДЫРЕВА

Е. Е. Tarasova

PORTRAITS-MEMORIES OF AN UDMURT CHILDREN'S WRITER GERMAN KHODYREV

Аннотация: Рассматриваются содержательные и структурные особенности произведений удмуртского детского писателя Германа Алексеевича Ходырева (1932–1995), написанные в форме воспоминаний. Сделана попытка доказать соответствие рассматриваемых текстов жанровому определению «портреты-воспоминания» как произведений, относящихся к мемуарно-биографической литературе.

Abstract: The article considers the content and structural features of the works of the Udmurt children's writer Herman Alekseevich Khodyrev (1932-1995), written in the form of memoirs. An attempt is made to prove that the texts under consideration correspond to the genre definition of "portraits-memoirs" as works related to memoir and biographical literature.

Ключевые слова: удмуртская детская литература, Г. А. Ходырев, жанр, мемуарно-биографическая проза.

Keywords: udmurt children's literature, G. A. Khodyrev, genre, memoir and biographical prose.

Изучение художественного мира конкретного писателя и его творческой индивидуальности позволяет понять основные закономерности развития литературного процесса. Мордовский исследователь А. Алешкин верно отмечал, что «общенациональные черты и признаки в литературе всегда получают конкретное преломление в произведениях отдельных творческих личностей, не теряя при этом свою коллективную индивидуальность, т. е. общенациональную специфику» [1, с. 9]. Чувашский литературовед Г. Федоров также подчеркивал, что творческая индивидуальность автора связана с «явлениями типологии художественного творчества» [9, с. 165]. Одной из самых малоисследованных

областей в удмуртском литературоведении является изучение роли творчества конкретного автора в процессах жанрообразования в истории национальной литературы.

Герман Алексеевич Ходырев (1932–1995) прочно вошел в число лучших детских писателей Удмуртии второй половины XX в. Его лирика и проза – часть духовной культуры нации, с его творчеством связан выход удмуртской литературы для детей за пределы республики, к всесоюзному и всероссийскому читателю. Сфера деятельности Г. Ходырева широка и разнообразна: работал в жанрах короткого детского стиха, поэмы, баллады, сказки; был прозаиком-документалистом, переводчиком, песенником, публицистом, критиком; занимался редактированием текстов многих начинающих авторов. Большую популярность поэту принесли книги, вышедшие в московских издательствах «Малыш», «Советская Россия», «Детская литература». Это книги «Пело утром солнышко» (1974), «Счастливая ива» (1974), «Луговой цветок» (1986), «Чипчирган» (1985).

В осмыслении литературного наследия Г. А. Ходырева, несмотря на большой интерес к его творчеству, обнаруживаются серьезные лакуны. Практически все существующие на сегодня работы посвящены его поэтическому творчеству [См.: 2, 5, 6, 8], проза поэта еще не становилась предметом серьезного академического анализа. Хотя следует отметить статью Т. Зайцевой и О. Максимовой «Художественно-документальные повести Г. А. Ходырева в серии “Наши герои” книгоиздания Удмуртии», в которой рассматриваются своеобразие ходыревских художественно-публицистических текстов и особенности их «пребывания» в социокультурном пространстве республики [См.: 4].

Пожалуй, больше всего привлекают современного читателя произведения Г. А. Ходырева, вошедшие в книгу «Зеч визь-кенеш котьку дуно» («Добрый совет всегда дорог, 1989»). Написаны эти произведения в жанре воспоминаний, часть из которых представляют собой рассказы-этюды. Произведения, вошедшие в эту книгу, при всей их содержательной емкости, малы по объему, адресованы читателю подросткового возраста. Несмотря на то, что автор обозначает свою книгу как «тодэ ваёнъёс» («воспоминания о прошлом»), дать ей жанровое определение очень сложно. Документальная в своей основе книга, на этот раз получилась неординарной, здесь реальность и подлинные источники

«прошли» сильную художественную «обработку». Скорее всего, можно говорить о том, что факт у Г. А. Ходырева «претерпевает необходимую трансформацию, отраженный не информационно, а художественно» [7, с. 9].

Вполне вероятно, что многие произведения из книги «Зеч визь-кенеш котьку дуно» можно отнести к портрету-воспоминанию. Героем ходыревских портретов является человек, известный в сфере искусства, культуры, литературы. В последние годы, кстати, удмуртский читатель все чаще называет «портретами» очерковые произведения, посвященные участникам локальных войн. В литературоведении выделяются две модификации жанра литературного портрета – мемуарный и биографический. В мемуарных портретах фактографическая база «проступает в воспоминаниях автора как близкого лица, современника героя» [7, с. 45]. С этой точки зрения книга Г. А. Ходырева «Зеч визь-кенеш котьку дуно» ближе к литературным мемуарам. Напомним, что при всей дискуссионности выделения мемуаров в самостоятельный публицистический жанр, литературоведы сходятся во мнении, что ведущим структурно-организующим признаком в такого плана произведениях являются опора на факт и достоверность.

Жанр литературного портрета не исключает воспоминаний о людях не писательских профессий; писатель может написать документально-художественное произведение о любом достойном человеке. Героем произведения «Кизили уг кысы» («Звезда не гаснет») стал военный журналист, майор, кавалер двух орденов Красного Знамени Валерий Васильевич Глезденев, погибший в одном из афганских боев. Писатель очень точно запечатлел атмосферу 1980-х годов; в самом начале текста от лица автора умело переданы реалии времени: с одной стороны – события афганской войны, высвечивающие социально-политическую жизнь страны тех лет, с другой – тесные взаимосвязи советских литераторов разных республик.

Особенно интересны размышления автора о героизме, как важной составляющей характера Глезденева. Еще школьником, будучи юнкором районной газеты «Алнаш колхозник», Валерий мечтал о профессии военного журналиста. Дорога героя в профессию – Львовское высшее военно-политическое училище, служба на Дальнем Востоке, Московская военно-политическая академия им. В. И. Ленина, работа в редакции окружной военной

газеты «Фрунзевец» в г. Ташкент. Г. Ходыреву удалось воссоздать до предела самоотверженный, ответственный труд военного корреспондента Глезденева. В произведении особо отгнетена такая черта характера героя, как надежность. Сослуживцы погибшего майора говорят, что всегда можно было положиться на его порядочность.

«Кизили уг кысы» – это не только воспоминание о мужественном воине-современнике, но и обращение к читателю. «Мар лэсьтймы ни асьмеос, В. Глезденёвлэсь подвигзэ калыклэн сюлэмаз пыраклы кельтон понна?» [10, с. 143]. («Что сделали мы сами, чтобы оставить подвиг В. Глезденева навсегда в памяти народа?»).

Провести четкую границу между разными жанрами воспоминаний или мемуаров очень сложно. Как отмечали ранее, ученые выделяют две модификации литературного портрета – мемуарный и биографический. Фактически, мемуарная и биографическая разновидности литературного портрета объединяют и дополняют друг друга. Это расширяет и углубляет информационное содержание произведения, усложняет его структуру. В такой манере и написана большая часть произведений книги «Зеч визь-кенеш котьку дуно», посвященных удмуртским писателям-классикам и оказавшим влияние на развитие самосознания автора. Г. Ходырев выделяет имена наиболее значимых удмуртских писателей, пишет воспоминания-портреты Филиппа Кедрова (1909–1944) «Тйледыз яратэм мылкыдме кылбурын но потэ вераме» («Свою любовь к Вам мне хочется выразить поэтической строкой»), Игнатия Гаврилова (1912–1973) «Лыктэ, лыктэ отрядэ» («Приходите, приходите в отряд»), Михаила Покчи-Петрова (1930–1959) «Умой мыным эшьёс пöлын» («Хорошо мне среди друзей»), Тимофея Шмакова (1910–1974) «Нылпиослэн эшсы» («Друг детей»), Афанасия Лужанина (1912–1966) «Со кырзэз улонэз» («Он воспевал жизнь»), Геннадия Красильникова (1928–1975) «Калык выжыкысь потйз» («Вышел из недр народа»), Михаила Лямина (1906–1978) «Выныныз кадь кенешиз» («Советы давал как младшему брату») и др. Детский писатель А. Ельцов отмечает: «Очеркёсы пыремын витьтон пала нимёс – писательёс но журналистёс, композиторёс но артистёс. Удмурт национальной культураез жутисьёс но азинтисьёс пöльсь сомында муртэ одйг книгаын возматыса, Г. Ходырев туж умой лэсьтйз» [3, с. 52]. («В книгу вошло около пятидесяти имен

писателей и журналистов, композиторов и артистов. Г. Ходырев сделал очень хорошо, показав в одной книге многих известных удмуртских деятелей культуры»).

Все эти портреты-воспоминания по-своему раскрывают путь в профессиональную литературу самого Г. Ходырева. Автор вспоминает свои знакомства с известными удмуртскими и русскими писателями в разные периоды жизни, и раскрывает то, как каждый из них оказал воздействие на формирование его литературного мастерства. В портретах-воспоминаниях Г. Ходырева факт реальной биографии изображаемого писателя «переплавляется» с описанием очень личного отношения к нему автора (Г. Ходырева). В некоторых воспоминаниях даже приведены отрывки из писем или разговоров, которые связаны с разбором стихотворений юного Ходырева.

Примечательно, что Г. Ходырев, создавая образ национального писателя, стремится раскрыть его, прежде всего, как детского автора. К примеру, описаны особенности построения детских стихов революционером-романтиком Д. А. Майоровым (1889–1923), поэтом-просветителем Ф. Александровым (1907–1942); охарактеризовано своеобразие детской гражданской лирики Ф. Кедрова (1909–1944), показано детское творчество удмуртского драматурга И. Гаврилова (1912–1973).

Воссоздавая портреты писателей, Г. Ходырев не просто «рисует» биографию известного в республике человека, но выстраивает художественный образ истории национальной литературы в целом. Можно сделать заключение о том, что «Зеч визь-кенеш котьку дуно» Г. Ходырева – это история удмуртской детской литературы в писательских «лицах и судьбах».

Заслуживают внимания рассуждения Г. Ходырева о рождении этой книги. Г. Ходырев писал: «Арлыд пумен будэмъя, сюрес ортчыса вань малпантёсыз кылбур чуре пуктыны уг луы, уг но тупа, сюлмам-кöтам уг но кельшы. Сои ник, лэся, мынам веросэн гожтэм ужёсы, книгаосы но потйзы. “Дась лу”-ын ужан арёсам тодмо писательёс сярсыс тодэваённёсме печатлай. Собере учкисько, чакласько но – ма, таосыз огазе люкаса, книга дасыны луоно вылэм ук. <...> Озы кылдйз но вордйськиз “Зеч визь-кенеш котьку дуно” книгае» [11, с. 12]. («Накопленный годами опыт уже не вмещался в стихотворные формы. Вот и начал писать воспоминания, прозаические тексты. Еще когда работал в газете “Будь готов!” на ее страницах я делился с читателями со своими воспоминаниями

об известных удмуртских писателях. Потом смотрю и прикидываю – да ведь материал собрался, что можно книгу выпустить! <...> Так вынашивалась и родилась моя книга “Добрый совет всегда дорог”»). В книге «Зеч визь-кенеш котьку дуно» весьма своеобразно раскрывается писательская «лаборатория», здесь есть ответы на многие вопросы, волнующие подростка, занимающегося литературным творчеством. Г. Ходырев целенаправленно желает помочь литературно одаренному школьнику познать самого себя.

Особенности включенных в книгу произведений хорошо отражают воспоминания писателя о М. Петрове («Син азез паськытатэ» = «Расширяет кругозор»). Здесь речь идет об участии известного классика удмуртской литературы М. Петрова в творческом становлении Г. Ходырева. Большое внимание уделено проблеме перевода. Мастер предложил начинающему поэту переводческую практику: «Берыктон уж тынэсьтыд словарной запастэ узырмытоз, кылтйрлыкед пöртэмгес луоз. Собере та уж мастерство будэтыны но зеч юрттэ вылэм» [11, с. 40]. («Работа над переводом обогатит твой словарный запас, научит художественным приемам. Позже я понял, что дело это очень хорошо способствует росту писательского мастерства»). Одним из «секретов» литературного мастерства М. Петров считал усвоение уроков русской и мировой литературы, удмуртским писателям он советовал чаще обращаться к лучшим образцам подлинных художников слова. Наставник научил его, как детского автора, нести особую ответственность за слово.

Представляемая книга «Зеч визь-кенеш котьку дуно» Г. Ходырева имеет еще одну особенность: адресованная школьникам, она интересна и поучительна и для взрослого читателя.

Источники и литература

1. Алешкин А. В. Творческая индивидуальность писателя и накопление художественных ценностей // Современная мордовская литература: в 2 ч. – Ч. 1. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 8–22.
2. Богомолова З. А. «С песней – людям в души...» // Голоса эпохи. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 402–413.
3. Ельцов А. А. Кизилиос уг кысо = [Звезды не гаснут]. // Кенеш = [Собеседник]. – 1990. – № 8. – С. 51–52.
4. Зайцева Т. И., Максимова О. М. Художественно-документальные повести Г. А. Ходырева в серии «Наши герои»

книгоиздания Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 9. – С. 2701–2706.

5. Ивашкин В. М. Из наблюдений над поэтикой удмуртского детского стиха (на примере творчества Г. Ходырева). // Об удмуртском фольклоре и литературе: сб. ст. – Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1973. – Вып. 1. – С. 87–100.

6. Кралина Н. П. С планеты детей. // Герд. – 2002. – 28 окт.

7. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.

8. Уваров А. Н. Покчислы литературалэн бадзымесь сюлмазькөнъёсыз = [Большие заботы «маленькой» литературы]. // Молот. – 1984. – № 4. – С. 43–44.

9. Федоров Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов: монография. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 304 с.

10. Ходырев Г. А. Зеч визь-кенеш котьку дуно: Тодэ ваёнъёс = [Добрый совет всегда дорог: Воспоминания]. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 144 с.

11. Ходырев Г. А. Мынам будо арьёсы = [У меня растут года] // Молот. – 1974. – № 12. – С. 12–13.

© Е. Е. Тарасова, 2024

УДК 821.512.31

Л. Ц. Халхарова

НАРОДНО-СМЕХОВЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

L. Ts. Khalkharova

FOLK LAUGHTER TRADITIONS IN THE PROSE OF MONGO-SPEAKING PEOPLES

Аннотация. Статья посвящена исследованию народно-смеховых традиций в произведениях (малой прозе) классиков монгольской и бурятской литератур Д. Нацагдоржа, Х. Намсараева, Ч. Цыдендамбаева. На материале жанра рассказа рассматриваются проблемы преемственности между образами и мотивами устного народного творчества и литературы начала XX века.

Определяется, что многие произведения имеют по преимуществу реальную событийную основу: большинство событий, фактов, фраз, получивших сатирическое освещение, имели место в действительности, восходили к определенной жизненной ситуации. Выявляется ключевой мотив – мотив подсматривания/подглядывания в сатирическом дискурсе произведений монголоязычных авторов.

Abstract. The article is devoted to the study of folk humorous traditions in the works (short prose) of the classics of Mongolian and Buryat literature D. Natsagdorzh, Kh. Namsaraev, Ch. Tsydendambaev. Based on the material of the short story genre, the problems of continuity between the images and motifs of oral folk art and literature of the early twentieth century are considered. It is determined that many works have predominantly a real event basis: most of the events, facts, phrases that received satirical coverage took place in reality, going back to a certain life situation. The key motive is revealed - the motive of spying/peeping in the satirical discourse of the works of Mongolian-speaking authors.

Ключевые слова: народно-смеховые традиции, природа смеха, сатира и юмор, устное народное творчество, мотив подглядывания/подсматривания.

Keywords: folk laughter traditions, nature of laughter, satire and humor, oral folk art, motive of peeping/peeping

Идейно-художественные поиски монгольских и бурятских классиков литературы, творчество которых связано с народной смеховой культурой, выразили типологически общую тенденцию литературной эпохи первой половины XX века – движение к обновлению и обогащению через обращение к традициям устного народного творчества. В исследованиях о советской многонациональной литературе XX века ученые пишут, что «народно-смеховая традиция является...одним из характерных стилевых явлений современной литературы... Современная проза, осваивающая народные смеховые традиции, использует все виды комического, все многообразие оттенков смеха. Вся богатейшая народная смеховая культура, накопленная за века, становится ее арсеналом» [6, с. 128].

Нужно отметить, что своеобразие бытования народно-смеховых традиций в литературе монголоязычных народов (в творчестве монгольских писателей Д. Нацагдоржа,

Ц. Дамдинсурэна, бурятских – Х. Намсараева, Д.-Р. Батожабая, Ч. Цыдендамбаева, калмыцких – А. Амур-Санана, Б. Басангова, Н. Манджиева) заключается в сочетании комического и драматического. В рассказах и новеллах (сборник «Так было» 1936 г.) основоположника бурятской советской литературы Х. Намсараева, «с одной стороны, проявляется эстетическое отрицание писателем уходящего мира и его составляющих – нойонатства и духовенства во всех проявлениях, а с другой – под сатирическим углом зрения выявляется парадоксальность и анекдотичность изображенных ситуаций» [9, с. 98]. Герои сатирических и юмористических рассказов Х. Намсараева в основном представители народа, которые силой своего ума, смекалкой, хитростью и ловкостью одурачивают глупых нойонов, жадных богачей, корыстных лам и шаманов. Таковы Норбо и Шагжа, Ямаан Жамса, Балдан, Сэнгэ, Тахунай и др. – «*угытэй ядуу хүнүүд*» (бедняки). Все они совершают множество забавных и озорных поступков. «Во многих рассказах Х. Намсараева мы видим прямое прославление хитрости и ловкости, находчивости, остроумия – поэтизацию плутовских качеств, при помощи которых люди низкого происхождения, бедняки, озорники, борются за свое человеческое достоинство и завоевывают себе средства к существованию» [9, с. 99].

По мнению бурятского литературоведа А. Б. Соктоева, «для литературной науки огромный интерес представляет как раз свойственное большинству бурятских писателей особенное пристрастие их к народно-смеховым типам повествования – шутке, анекдоту, веселой басне. Эту склонность к жизнерадостному комизму, фамильярно-озорной обработке фактов реальной действительности можно наблюдать на всех этапах развития бурятской литературы – от Х. Намсараева до Батожабая» [8, с. 109].

Сатирическое начало является органичным компонентом художественного мира монголоязычных писателей. Элементы народно-смеховых традиций, вариации художественного «обличения» встречаются во многих рассказах и повестях бурятского писателя Х. Намсараева, Д.-Р. Батожабая, Ч. Цыдендамбаева, монгольских авторов Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурэна и др. Сатирическая специфика их произведений заключается в ее предельной антропоцентричности: человек и его поступки становятся главным объектом сатиры.

Следует сказать, что художественные методы бурятских и монгольских писателей обнаруживают сходство в таких аспектах, как прототипичность и интертекстуальность. Прототипический выбор осуществлялся на всех уровнях произведения: от темы и героев в будущих произведениях до многочисленных реминисценций. Многие произведения имеют по преимуществу реальную событийную основу: большинство событий, фактов, фраз, получивших сатирическое освещение, имели место в действительности, восходили к определенной жизненной ситуации.

Как известно, в фольклоре монголоязычных народов сильны были социальные мотивы, осуждались богачи и ламы, нарушавшие принципы справедливости. По мнению ученых, в антиламских сказках «... господствует тот же принцип антитезы, который характерен вообще для поэтики реалистической сказки: в сказке выступают, с одной стороны, высокомерный и глупый лама, с другой – герой, обязательно из неимущих слоев населения. Это или просто бедняк, или сирота-парень, или мудрая девушка. Характерно, что все они в сказке рисуются смелыми и расторопными, на редкость остроумными и находчивыми» [1, с. 99]. С одной стороны, по традиции сам лама также мог быть носителем плутовского начала, которое в художественном плане тесно связано с комическим. С другой стороны, существовала также сатирическая сказочная традиция, в которой лама был объектом критики.

В этом отношении наиболее репрезентативным фактором, организующим сатирическое пространство, нам представляется «мотив подсматривания/подглядывания в контексте народно-смеховых традиций в силу функциональной важности его в мировой мифологии» [4, с. 57], а также его появления в произведениях монгольских и бурятских писателей.

Монголовед Л. Г. Скородумова отмечает, что «...традиционно для монгольской словесности не характерно «подсматривание и подслушивание» частной жизни. Пристальное внимание к чувственности, интимным переживаниям, рефлексия скорее свойство русской и европейской литератур» [7, с. 92].

По мнению другого исследователя монгольской литературы М. П. Петровой впервые к теме любви и отражению интимных переживаний человека в монгольской литературе «обратился в XIX веке поэт Д. Равжа (1803–1856). В XX веке это основоположник

современной монгольской литературы Д. Нацагдорж (1906–1937), поэт Б. Явухулан (1929–1982), новеллист С. Эрдэнэ (1929–1999)» [5].

У монгольского писателя Д. Нацагдоржа сатирическое, комическое получает воплощение и в его стихотворениях, и в рассказах и пьесах. В основу его произведений положены конфликты из народной жизни. Природа юмора и смеха раскрывается в его стихотворениях «Феодалын янаглал» (Любовь феодала), «Хи хи хи», рассказах «Ламбугайн нулимс» (Слезы ламы), «Цагаан сар ба хар нулимс» (Белый месяц и черные слезы), «Хожимдсон гэмшил» (Позднее раскаяние), «Хүн хэдэн удаа үхэж болох вэ» (Сколько раз может умереть человек) и др. Важно подчеркнуть, что живость и здоровый юмор присутствуют почти во всех произведениях писателя.

В рассказе Д. Нацагдоржа «Ламбугайн нулимс» (Слезы ламы) перед нами предстает образ ламы, отступившего от данных им обетов ради мирской любви. Исследователь Л. К. Герасимович относит рассказ «Слезы ламы» к сатирическим произведениям [2, с. 15], и мы придерживаемся этой же концепции.

Поведение героя Лодона рождает в душе читателя целую палитру чувств: от усмешки к осмеянию до жалости и сочувствия. Справедливо давая отрицательную оценку поступкам Лодона, читатель не может не признать его способности любить: «Лама Лодон свято верил в суетность и пустоту мира. Как только он, одетый в красно-желтый халат, спустился к подножию холма, на котором находился монастырь Гандан, ему навстречу с грязной торговой улицы вышла, сверкая черными и белыми одеждами, девица Цэрэнлхама по прозвищу Ия-бай, знавшая лишь одну науку страсти. У Ия-бай закончился опиум, и она собиралась обменять золотое кольцо на несколько янчанов, а когда случайно увидела Лодона, сразу разглядела в нем смиренного послушника с добрым и мягким нравом. Она не растерялась и подошла к нему, изобразив на лице страдание: - Уважаемый лама, моя старенькая мама давно болеет, она уже при смерти. Не могли бы Вы прийти к нам, помолиться за нее!» [3, с. 59].

Неискушенный в любовных делах герой рассказа Лодон, не только влюбился в первую встречную девушку, но и поддался уговорам хитрой девушки и попал в ее цепкие руки.

В рассказе мотив подсматривания/подглядывания играет большую роль. Было очень поздно, когда Лодон закончил свой обряд. Девушка любезно попросила остаться его переночевать, на что лама сразу же согласился. Когда все улеглись спать, она нарочно несколько раз покашляла, давая, таким образом, знак, что она ждет его. Лама вышел на улицу, якобы справить естественную нужду. Когда он решительно дернул дверь дома, чтобы войти, то услышал шепот девушки: «Подождите...». Сгорая от нетерпения, герой протыкает пальцем окошко (по всей видимости, окно был из тонкой китайской бумаги) и видит при свете лампы раздевающуюся девушку. Он придает подглядыванию статус знака, эквивалентного слову, и принимает его за призыв и немедленно входит в дом. И с этого момента все меняется в его жизни. Герой становится счастливым влюбленным мужчиной, который забывает о строгих правилах монашеской жизни. Он покупает ей дом при монастыре, чтобы она всегда была рядом с ним, и, несмотря на пересуды, продолжает с ней жить.

Однажды Лодон, возвратившись домой, наткнулся на запертую изнутри дверь. Подойдя к окну, он видит свою любимую в обнимку с другим мужчиной. Случайно увиденное героем открывает ему настоящую правду – девушка никогда его не любила. В данном контексте абсолютно аннулируются продиктованные социумом мотивировки поведения, и на первый план выходит соперничество мужчин за возможность любить эту девушку.

Мотив подсматривания и подслушивания связан с мотивом окна. Важнейшая архетипическая функция окна – служить границей между пространством внешнего мира и внутренним пространством дома. Важно заметить, что обстоятельства, при которых лама видит раздевающуюся девушку в начале рассказа и в конце, когда он видит ее в обнимку с другим мужчиной, несколько сходны (герой наблюдает, но сам остается незамеченным).

Лодон из-за измены своей девушки совсем теряет голову, он со слезами на глазах умоляет ее вернуться к нему. Увы, девушка непреклонна, более того, она наглым образом выгоняет его из дома, который купил для нее Лодон. В итоге он остался ни с чем, в этом и его трагедия.

Широко показан прием «раздевания» в системе снижающих смеховых приемов в творчестве классика бурятской литературы

Х. Намсараева. Это раздевание буквальное и метафорическое. В одном из сатирических рассказов 1930-х годов «Мүлхидэг лама, мургэдэг хонин» (Ползающий лама, бодливая овца) автор снимает со своего героя ламское облачение, он раздевается донага, предчувствуя плотскую любовь, и ползет по юрте к спящей девушке. Однако там, где должна была находиться девушка, оказывается овца, которая, испугавшись человека, изо всех сил бодает его в неприличные места, а лама, как ошпаренный, выбегает из юрты. Таким образом, герой оказывается наказанным за свои грешные желания.

Сатирические рассказы другого бурятского писателя Ч. Цыдендамбаева высмеивали социальные нормы всего старого с позиции нового нарождающегося и утверждавшегося в жизни. Рассказы начинаются со своеобразных вступлений: «Давно это было...» («Соль»), «...Эта история началась так...» («Салдага Ямпил»), «Все это произошло в старое царское время...» («Дыра в овчинном одеяле»), «Произошло это давно, в ту пору у меня не было еще ни одного седого волоса...» («Бинокль») и т. д. Такой фольклорный зачин придает рассказам характер легенды, предания, характеризует отстраненность автора от тех событий, о которых повествуется.

В рассказе «Дыра в овчинном одеяле» Ч. Цыдендамбаева ситуация подглядывания через дырку в одеяле и в конце рассказа Д. Нацагдоржа «Слезы ламы» сходны. И в том, и в этом случае герой видит свою возлюбленную в обнимку с молодым человеком. В рассказе Ч. Цыдендамбаева говорится о семье Намжил и Норжимо, которые прожили двадцать лет, однако у них не было детей. Намжил иногда напивался и бил свою жену, жена молча терпела издевательства мужа. Как только решились взять приемного ребенка, Норжимо начала вести себя очень странно, то ее тошнило, то она просила чего-то поесть, на что муж сделал вывод – боги смиловались и послали ему ребенка. Когда ребенок родился, Намжил начал хвастаться перед всеми, что у него род продолжился, что у него есть сын и т. д. «Однажды Намжил проснулся раньше, чем всегда. Вставать не хотелось, он с головой закрылся овчинным одеялом. И случилось, что возле его глаза оказалась маленькая круглая дырка... Намжил лежит не шевелясь, будто спит, а сам подсматривает в дырочку...» [10, с. 50]. Герой через дырку в одеяле видит, как его жена угощает Ормона, их батрака, и время от времени они нежно обнимаются. И в критическую минуту он закрывает

глаза, притворяясь спящим. Он понял, чей на самом деле его сын. Причастность его к тайне рождения ребенка очевидна и может быть понята как крах его отцовства, чем он сам сильно дорожил.

Итак, мотив подсматривания в контексте народно-смеховых традиций в рассказах бурятских и монгольских авторов реализуется в комплексе «тайна-подглядывание-правда», который с точки зрения мифологической логики, открывает скрытую природу мира, приобщает подглядывающего к первохаосу. Герои, случайно ставшие свидетелями скрываемого события, познают оборотную сторону бытия, инобытие, имеющее хтоническую природу. Зачастую, не выдержав этого знания, герои страдают, а их страдания сродни гибели, так как проникновение в священные тайны наказывается с логикой неизбежности.

Таким образом, использование народно-смеховых традиций в литературе монголоязычных народов имеет актуальное значение для осмысления истории культуры народа, его мировоззрения. Обличая с помощью смеха недостатки, пороки человека и общества в целом, литература дает им нравственную оценку, важную для понимания сущности жизни.

Источники и литература:

1. Баранникова Е. В. О бурятских народных сказках // Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические. – Улан-Удэ, 1973. – 447 с.
2. Герасимович Л. К. *Mongolica* – VII. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 144 с.
3. Дашдоржийн Нацагдорж. Избранное. – М., 1956. – 147 с.
4. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993. – 337 с.
5. Петрова М. П. Женские судьбы в прозе Ц. Тумэнбаяр // <http://mongolnow.com/tumanbayar-2.html>
6. Сатаева Н.А. Современная советская проза 60-70-х гг. и народно-смеховые традиции // Поэтика русской современной прозы. Межвуз. сборник. – Уфа, 1987. С. 32–40.
7. Скородумова Л. Г. Особенности беллетризации в современной монгольской литературе // *Mongolica* –VI. – СПб., Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 91–94.
8. Соктоев А.Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода / А.Б. Соктоев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 491 с.

9. Халхарова Л. Ц. Национальная картина мира в прозе Ч. Цыдендамбаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2010. –132 с.

10. Цыдендамбаев Ч. Цыдендамбаев Ч. Ливень в степи / пер. М. Степанова / Ч. Цыдендамбаев. – М.: Сов. Россия, 1976. – 208 с.

© Л. Ц. Халхарова, 2024

УДК 811.512.142

М. А. Ахматова, С. М. Хуболов ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭМЕ ДАУТ-ХАДЖИ ШАВАЕВА «ЮСУФ И ЕГО БРАТЬЯ»

M. A. Akhmatova, S. M. Khubolov PHRASEOLOGICAL UNITS IN DAUT-HAJI SHAVAIEV'S POEM “YUSUF AND HIS BROTHERS»

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические особенности фразеологизмов в поэме талантливого балкарского поэта Даут-Хаджи Шаваева «Пророк Юсуф и его братья», наибольшей употребительностью среди которых характеризуются единицы с семами отношения, состояния, действия, оценки, мышления.

Abstract. The article discusses the functional and semantic features of phraseological units in the poem of the talented Balkar poet Daut-Haji Shavaev “the Prophet Yusuf and his brothers”, the most common among which are units with semes of attitude, state, action, evaluation, and thinking.

Ключевые слова: Даут-Хаджи Шаваев, карачаево-балкарский язык, фразеология, фразеологические единицы, состояние, отношение.

Keywords: Daut-Haji Shavaev, Karachay-Balkar language, phraseology, phraseological units, state, attitude

Исследование фразеологии представляет большой интерес, так как изучение фразеологических единиц (ФЕ) обогащает и другие отрасли языкознания. Выразительный потенциал ФЕ обеспечивается такими лингвистическими свойствами, как

меткость выражения, сжатость и лаконичность, яркая и самобытная образность, множественность эмоционально-оценочных оттенков значения, национально-культурные коннотации и т. д.

ФЕ всегда важны для теории и практики языка, так как в них отражены вековые представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, историей и культурой его носителей. Они отражают национальную специфику языка, его самобытность, является кладезем народной культуры, традиций, знаний, обычаев.

Для карачаево-балкарской фразеологии характерен антропоморфизм, в том смысле, что абсолютное большинство ФЕ обозначают человека, его интеллектуальные, моральные, физические и другие качества, межличностные и социальные отношения.

В последние годы проблемам фразеологии в карачаево-балкарском языкознании уделяется большое внимание, о чем свидетельствуют как научные статьи [1; 2; 3], так и работы монографического характера [4]. Опубликовано и целый ряд статей, связанных с отраслевой лексикой, в состав которой входят различные лексико-семантические группы слов, например, лексемы с локативными [5] и временными значениями [6]. Важными представляются также и работы, которые написаны в русле антропоцентрической парадигмы лингвистики [7]. В них также актуализируются проблемы, ориентированные на выявление фразеологической составляющей различных концептов [8; 9]. ФЕ рассматриваются и в трудах, сопряженных с изучением языка и стиля художественных произведений [10; 11]. Однако все еще мало работ, посвященных исследованию ФЕ в языке художественных произведений, хотя они представляют собой одно из языковых средств, выражающих индивидуальный стиль писателя, делают повествование образным, выразительным. Исходя из этого, в данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть семантические особенности фразеологизмов, представленных в поэме известного просветителя Д.-Х. Шаваева «Пророк Юсуф и его братья», который был одним из образованнейших людей своего времени, но творческое наследие которого изучено пока недостаточно. «Религиозная поэзия Шаваева Даут-Хажи – это ярчайшие страницы карачаево-балкарской литературы. Глубокая философия, человеческий разум, высокая культура и интеллект передаются в его трудах. В его стихах, зикирах

мы видим призыв к слову божьему, что не родился человек, который остался бы жить вечно, следовательно, он не забывал об этом. И все трактаты призывают не забывать о слове божьем: не совершать грешных поступков, которые могут опорочить его светлое имя, за что он когда-то отвечал. Это призыв к чистой, порядочной, безгрешной жизни. И вся его деятельность – это дар живущим» [12, с. 253].

В статье нами выделены следующие семантические группы ФЕ.

1. Наиболее частотными являются фразеологизмы с семей отношения, которые подразделяются на несколько подгрупп и выражают:

а) *враждебное отношение:*

Уу жилиялай, жазыкыла, кзул **къанларын ичерле**,
Кеслери да дуниядан тынчаймайын кетерле;

б) *уважительное отношение:*

Атабыз аны бизден артыкъ неге кёреди?
Ёрге туруп, ол анга **намыс неге береди?**

в) *недружественное отношение:*

Бар умутум суууду, **ёчюлдю жаным** сизден,
Кёлюгюз къалай чыкъмайд энди бир кесигизден;

г) *подчинительное отношение:*

Кёп турмай, мирзеулю монг жылла башландыла,
Юсюпню оноуна башхала сыйындыла;

д) *жалостливое отношение:*

Жанлары ауруп, бирле жилий, бирсиле кюле,
Бир Ибилис мынафыкъ не этерин уста биле;

е) *положительное отношение:*

Менде жюз минг жан болса, сизге **къурман этерем**,
Биригиз ачымазча, бу дуниядан кетерем;

ж) *недоброжелательное отношение:*

Онусу да биргелей, онг жанында турдула,
Жан аурутмай, Юсюпню бирден-бирден урдула.

2. ФЕ со значением состояния также характеризуются высокой частотностью употребления, среди которых нами выделены следующие подгруппы, выражающие:

а) *физическое состояние:*

Юсюп факъыр аланы кир муратларын билди,

Жюрегине кѐп ачыу, тынгысызлыкъ да кирди.

Ол сѣзлени эшитип, Окъупну эси ауду,
Кесине келялмайын, о лиги кесек турду;

б) *психофизическое состояние:*

«Мени танымагъан кимсе?» - деп, Юсюп андан сорду,
Аны эшитгенлейин, ол **къартны кѐлю толду.**

Къайгъы кирип ичине, он кюнню ашамадым,
Бек азып, бу кюнледе манга аш жарашмады.

в) *моральное состояние (социальное состояние):*

Турлукъбуз Ата журтда, **жаныбыз тынчлыкъ тапмай,**
Жюрегибиз да излей, бир такъыйкъа тынчаймай.

Кеси атын дунягъа ол энди **айтдырлыкъды,**
Бизни уа эсибизде унутулмай къаллыкъды;

3. ФЕ со значением оценки, выражающие:

а) *положительную оценку:*

Къыйналгъанлыкъгъа Юсюп, **тюз ниетин бузмады,**
Къарындашлыкъ, жууукълукъ сѣзню атып къоймады;

б) *отрицательную оценку*

Бары да аны сѣзюн ийман бла алмалла,
Къарындаш **антларына кертчи болалмалла.**

«Ай файгъамбар улула, не **мурдарлыкъ этдигиз?**» -
Деп, Ибрагим да сорса, жибимезми бетигиз?

4. ФЕ, выражающие черты характера лица:

Иги адам къарындаш жанны юзюп алалмаз,
Уялмай, ол къарындаш къанынна да боялмаз.

5. ФЕ, репрезентирующие деятельность, бездеятельность:

Гъабитни сѣзлерин ол эсине тюшюргенди,
Къабыр къазып, ёлюкню кеси **жерге кѐмгенди.**

Чыгъаргъа болуш аны, Зулейха, **азаплыкъдан,**
Аны тилейбиз сенден барыбыз бир акъылдан.

Жыйылдыла бир кюнде хан арбазгъа билгичле,
Юч кюн даулашдыла, **ал бермейин** бир бирге.

6. ФЕ, репрезентирующие воздействие:

Ала, туююп, ол къызны **чач-тюк этдиле,**
Юсюпню уа кѐгюрюп, узакълагъа кетдиле.

Къалгъанлары да бирден **жан аурутмай сокъдула,**
Хар бириси жууукъллап, къайты-къайтып турдула.

7. ФЕ со значением движения:

Ол аны тѣшегине тартыр умут этгенди,
Юсюп да, къачып андан узакъ, **кери кетгенди**

Келип аны юсюне кѐгюрюкюнле къондула,
Бир кесекден аламгъа ала да **жол салдыла.**

Ол **жол кѐллю болгъанды,** зат билдирмей жашлагъа,
Юсюп чыкъды тюберге Нил жагъада алагъа.

8. ФЕ со значением восприятия выражают:

а) *слуховое восприятие:*

Юсюпню къулагъына мѐлекден **сѣз чалыннганд:**
Сен къул туююлсе, Юсюп, базарлада сатылгъан;

б) *зрительное восприятие:*

Юсюпню кѐрюп, бар халкъ **кѣзюн алмай къарады,**
Къолундан келгенича, къул-къарауаш сайлады.

Китфирни Зулейха деп жаш къатыны болгъанды,
Зулейханы **кѣзю** уа Юсюпде **къалгъанды.**

9. ФЕ со значением мышления:

Тюшюнде – онбир къозу, бирлери тас боду,
Ол **эсине тюшгенде,** алайда кѐлю толду.

Юсюп да айтды: «Гъабит, тюшюрдюм **мен эсине:**
Сабийликде къолунгдан кѐп алма кемиргенме.

10. ФЕ с каузативным значением:

Къабырыма келип, **къайгы салгъанса** манга,
Бил, ананг чыгъарыкъды тынчаймайын тангнга.

Юсюпню ариулугъу аланы **хайран этди**,
Аны нюрю алагъа айча, кюнча терк жетди.

11. ФЕ, выражающие биологическое существование:
Кёп турмайын Гъабитге былайда **ажал жетди**,
Юсюп, кеси къалгъанлай, алайда намаз этди.

Ананг Рахиль да ёлюп, бу **дуниядан кетгенде**,
Хар кюнде кесим жуудум кийиминги эрттенде.

Из изложенного видно, что фразеологизмы, используемые Д.-Х. Шаваевым, отличаются широким структурным и семантическим разнообразием и выполняют различные стилистические функции, что способствует достижению наибольшей выразительности при описании того или иного персонажа, а также других явлений действительности.

Источники и литература

1. Улаков М. З., Хуболов С. М. Семантически двукомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами, в карачаево-балкарском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2014. – № 52. – С. 113–116.

2. Улаков М. З., Хуболов С. М. Управляемые фразеологизмы как репрезентаторы объекта в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 5 (61). – С. 240–244.

3. Хуболов С. М. Структурно-семантические особенности трехместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – С. 64.

4. Гузеев Ж. М., Мизиев А. М. Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Принт центр, 2013. – 190 с.

5. Ахматова М. А., Текуев М. М., Додуева А. Т. Функционирование пространственных послеложных имен в

карачаево-балкарском нартском эпосе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 4 (28). – С. 142–150.

6. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Ахматова М.А. Полиаспектный анализ названий дней недели в карачаево-балкарском языке // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 248-251. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0059.

7. Кетенчиев М. Б., Казиева А. М., Узденова Ф. Т. Функциональносемантические и этнокультурные характеристики карачаево-балкарских и башкирских заговоров от сглаза // Языки и миграция в условиях глобализации: материалы саммита QS по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика». – М.: Российский университет дружбы народов, 2020. – С. 187–201.

8. Ахматова М. А., Додуева А. Т., Кетенчиев М. Б. Вербализация концепта «къыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 153–164.

9. Кетенчиев М. Б., Акамов А. Т. Концепт кёз / гёз («глаз») в карачаево-балкарской и кумыкской национальных картинах мира // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 158–170.

10. Мизиев А. М. К вопросу о системных связях фразеологических единиц // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 4. – С. 169–171.

11. Betuganova Y. N., Uzdenova F. T., Dodueva A. T., Khubolov S. M. Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi-journal of history culture and art research. 2019. T.8. № 2. – P. 660–670.

12. Эфендиев С. И., Шаваев И. Х. Социально-философский анализ творчества Шаваева (Абайханова) Даут-Хаджи // Дуния сагъышла. – Нальчик: «Принт Центр», 2018. – 408 с.

© С. М. Хуболов, М. А. Ахматова, 2024

А. В. Исаков

**«СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ»
В РЕЦЕПЦИИ БУРЯТСКИХ И КАЛМЫЦКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ¹**

A. V. Isakov

**“THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS” IN THE
RECEPTION OF BURYAT AND KALMYK WRITERS**

Аннотация. В статье рассмотрены различные формы рецепции памятника средневековой монгольской литературы «Сокровенное сказание монголов» в современной литературе бурят и калмыков. Установлено, что «Сокровенное сказание монголов», ставшее в XX веке центральным текстом монгольского литературного канона, в постсоветский период входит также в пространство бурятской и калмыцкой литературы. Творческое освоение этого текста бурятскими и калмыцкими писателями проявилось в создании его переводов на свои национальные языки, переложений в иные литературные формы (поэтическую и драматическую), а также интерпретаций, среди которых можно выделить произведения, посвящённые личности Чингисхана и тексты, основанные на смене фокализации и показывающие мир «Сокровенного сказания» с точки зрения второстепенных героев или народов, эпизодически фигурирующих в первоисточнике и считающихся предками современных бурят и калмыков.

Abstract. The article examines various forms of reception of the monument of medieval Mongolian literature “The Secret History of the Mongols” in modern literature of the Buryats and Kalmyks. It has been established that “The Secret History of the Mongols”, which became the central text of the Mongolian literary canon in the twentieth century, also entered the space of Buryat and Kalmyk literature in the post-Soviet period. The creative development of this text by Buryat and Kalmyk writers was manifested in the creation of its translations into their national languages, transcriptions into other literary forms (poetic

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

and dramatic), as well as interpretations, among which one can highlight works dedicated to the personality of Genghis Khan and texts based on a change in focalization and showing the world of the “Secret History” from the point of view of minor characters or peoples who occasionally appear in the original source and are considered the ancestors of modern Buryats and Kalmyks.

Ключевые слова: литература монгольских народов, общемонгольская литература, современная бурятская литература, современная калмыцкая литература, образ Чингисхана.

Keywords: literature of the Mongolian peoples, all-Mongolian literature, modern Buryat literature, modern Kalmyk literature, the image of Genghis Khan.

«Сокровенное сказание монголов» (ст.-монг. *Mongol-un niyuča tobčiyan*, монг. *Монголын нууц товчоо*, бурят. *Монголой нюуса тобшо*, калм. *Моңһлын нууц товчан*) — самое раннее из известных крупных произведений монгольской литературы, обычно датируемое 1240 г. Оно представляет собой историческую хронику возникновения единого монгольского государства и большей частью повествует о жизни его основателя Чингисхана. «Сокровенное сказание» оказало большое влияние на всю последующую литературу и самосознание монгольского народа. В XX веке его вновь обнаруженный текст был канонизирован в национальной культуре и получил статус «главной книги монголов» [1].

Монгольские народы России – буряты и калмыки – традиционно считают себя наравне с халха-монголами наследниками государства Чингисхана. В советское время эту часть их коллективной памяти и идентичности старались не подчёркивать, видя в ней потенциальное зерно национализма и угрозу единству народов СССР. Однако после распада СССР общемонгольская идентичность и тяга к освоению культурного наследия эпохи Чингисхана вновь ярко проявились в национальных культурах бурят и калмыков [2; 3, с. 104–125; 4, с. 40–41]. Об этом свидетельствует, в частности, интерес бурятских и калмыцких писателей к «Сокровенному сказанию монголов», которое они воспринимают как часть их общей с монголами средневековой литературы. В данной статье мы рассмотрим, как «Сокровенное сказание» входит в творчество бурятских и калмыцких писателей и осмысливается ими в контексте своей национальной культуры.

Освоение «Сокровенного сказания» в бурятской и калмыцкой литературах началось с переводов этого историко-литературного памятника на национальные языки. Показательно, что это происходит на рубеже 1980–1990-х гг.: переводы «Сокровенного сказания» становятся одной из примет начинающегося «национального возрождения». О большом интересе, который в это время возникает у бурят и калмыков к «Сокровенному сказанию» свидетельствует то, что почти одновременно в каждой литературе появляются сразу по два перевода от разных авторов. Первый бурятский перевод, сделанный Гунгой Чимитовым, выходит на страницах журнала «Байгал» («Байкал») в 1989 г. [5]. И всего годом позже в отдельном издании публикуется второй перевод, выполненный Чимит-Рэгзэном Намжиловым [6]. В том же году «Сокровенное сказание монголов» выходит на калмыцком в переводе Петра Дарваева [7]. Второй калмыцкий перевод был сделан Андреем Бадмаевым и помещён в составленную им антологию дореволюционной калмыцкой литературы «Сарин герл» («Лунный свет») [8]. Таким образом происходит приобщение бурятской и калмыцкой литератур к монгольскому литературному канону.

Вслед за переводами появляются и произведения, которые в сущности являются переложениями «Сокровенного сказания» в иную литературную форму. Так, в 1998 г. выходит поэма П. Дарваева «Сказание о Чингисхане» [9], которая представляет собой стихотворный пересказ «Сокровенного сказания». К тому же ряду можно отнести и пьесу бурятского писателя Валерия Басаа (Дабаева) «Чингисхан» (*Чингис хаан*, 2015) [10, с. 331–382]. В ней чередой эпизодов показана биография Чингисхана, причём автор не только строго следует за сюжетом «Сокровенного сказания», но и постоянно цитирует целые его фрагменты – в первую очередь это касается прямой речи персонажей. Так что пьесу вполне справедливо будет назвать инсценировкой, драматическим переложением «Сокровенного сказания монголов» (хотя в нескольких эпизодах автор вкрапляет цитаты и из некоторых других источников).

Более сложной формой творческой рецепции «Сокровенного сказания» стали произведения, посвящённые личности Чингисхана и предлагающие новые интерпретации его биографии. Например, бурятский драматург Булат Гаврилов в пьесе «Чингисхан» (2001)

[11] предложил собственное прочтение биографии основателя Монгольской империи. Он акцентирует внимание на мессианской роли Чингисхана, которая подчёркивается и в «Сокровенном сказании». Отличие пьесы Б. Гаврилова – в раскрытии Чингисхана как мыслителя и своеобразного пророка, проводника новых идей, преобразующих мир. Такая трактовка его личности появилась именно в нашем веке – и драматург переосмыслил средневековое жизнеописание Чингисхана в соответствии с новым взглядом на этого исторического героя. Другой бурятский автор, Алексей Гатапов, сочинил объёмный роман «Тэмуджин» (2010–2022) в пяти книгах [12–15], сюжет которого охватывает лишь один, относительно небольшой, отрезок жизни Чингисхана – его юность. В «Сокровенном сказании монголов» этим событиям уделено не так много внимания, однако писатель, отталкиваясь от канонического текста, пытается реконструировать подробности взросления Тэмуджина – будущего Чингисхана – и понять, что повлияло на становление этой незаурядной личности.

Ещё более творческое отношение к первоисточнику мы обнаруживаем в произведениях, основанных на приёме смены фокализации: сюжет «Сокровенного сказания» в них показан не с точки зрения Чингисхана, как в оригинальном тексте, а с точки зрения других персонажей. Так, в романе Владимира Бараева «Гонец Чингисхана» (2007) [16] история образования Монгольской империи показана с точки зрения гонца Тургэна. А Владимир Гармаев в своём романе «Джамуха» (2010) [17] сделал главным героем-рассказчиком одного из антагонистов «Сокровенного сказания» – Джамуху, который вначале был побратимом Тэмуджина, а затем вступил с ним в соперничество за власть над монгольскими племенами.

Отдельно стоит отметить произведения, основанные на том же приёме и показывающие мир «Сокровенного сказания» с точки зрения предков бурят и калмыков, ставших частью империи Чингисхана. В повести калмыцкого автора Виктора Манжеева «Два ойрата» (1991) [18] рассказывается о судьбе ойратов, эпизодически упоминаемых в «Сокровенном сказании», в переломную эпоху образования Монгольской империи. В романе бурятского писателя Цыдыпа Цырендоржиева «Три меркита» (*Гурбан мэргэд*, 2006) [19] речь идёт о судьбе меркитов – народа, жившего на территории

современной Бурятии. В «Сокровенном сказании» меркиты выступают противниками Чингисхана, и автор романа предлагает нам посмотреть на это противостояние с их стороны.

Таким образом, «Сокровенное сказание монголов», ставшее в XX в. центральным текстом монгольского литературного канона, в постсоветский период входит также в пространство бурятской и калмыцкой литературы. Творческое освоение этого текста бурятскими и калмыцкими писателями проявилось в создании его переводов на свои национальные языки, переложений в иные литературные формы (поэтическую и драматическую), а также интерпретаций, среди которых можно выделить произведения, посвящённые личности Чингисхана и тексты, основанные на смене фокализации и показывающие мир «Сокровенного сказания» с точки зрения второстепенных героев или народов, эпизодически фигурирующих в первоисточнике и считающихся предками современных бурят и калмыков.

Источники и литература

1. Дулам С. Главная книга монголов // Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А. Мелехина. – М.: Эксмо, 2009. – С. 19–49.

2. Скрынникова Т. Д. Образ Чингисхана в современном бурятском историко-культурном дискурсе // *Ab imperio*. – 2005. – № 4. – С. 93–112.

3. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. – 292 с.

4. Кучина Л. В. Культурная память как проявление диалога культур народов (отражение образа Чингизхана в культурной памяти калмыков) // *Человеческий капитал*. – 2012. – № 12 (48). – С. 35–41.

5. Монголой нюуса тобшо / Г. Чимитов буряадшалба // *Байгал*. – 1989. – № 3. – С. 109–136. – № 4. – С. 68–104. – № 5. – С. 97–125.

6. Сокровенное сказание монголов = Монголой нюуса тобшо / пер. с монг. Ч.-Р. Намжилова, С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1990. – 146 – 170 с.

7. Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 года / пер. со старомонг. П. А. Дарваева, Г. Г. Чимитова,

С. А. Козина; сост., вступ. ст. и примеч. П. А. Дарваева. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990. – 280 с.

8. Сарин герл. Хальмг литературун дурсхлмуд (XIII–XX зун жилмүдин эклц) / орчулсьн А. Бадмин. – Элст: Хальмг дегтр харһач, 1991. – 236 с.

9. Дарваев П. А. Сказание о Чингис-хане. – Элиста: АПП «Джангар», 1998. – 192 с.

10. Басаа В. Александрина. – Улаан-Үдэ: Бальжинимаев А.Б., 2015. – 384 с.

11. Гаврилов Б. Чингисхан // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: В 3 т. Т. 3. Драматургия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 472–494.

12. Гатапов А. С. Тэмуджин. Кн. 1–2. – 2-е изд., перераб. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. – 709 с.

13. Гатапов А. С. Тэмуджин. Кн. 3. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. – 381 с.

14. Гатапов А. С. Тэмуджин. Кн. 4. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. – 444 с.

15. Гатапов А. С. Тэмуджин. Кн. 5. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. – 493 с.

16. Бараев В. В. Гонец Чингисхана. – М.: Галерея Ханхалаев, 2007. – 480 с.

17. Гармаев В. Б. Джамуха. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 358 с.

18. Манжеев В. Б. Два ойрата. – Элиста, 1991. – 143 с.

19. Цырендоржиев Ц. Б. Гурбан мэргэд // *Байгал*. – 2005. – № 6. – С. 6–61. – 2006. – № 1. – С. 3–56. – № 2. – С. 3–34. – № 3. – С. 3–43. – № 4. – С. 3–40.

© А. В. Исаков, 2024

С. А. Ерленбаева

ЖАНР РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1960–1980 ГГ.)

S. A. Erlenbaeva

THE GENRE OF THE SHORT STORY IN THE WORKS OF ALTAI WRITERS (1960–1980 гг.)

Аннотация. Настоящая научная работа посвящена исследованию жанрового своеобразия алтайского рассказа в период с 1960 по 1980-е гг. на примере творчества Л. Кокышева, К. Телесова, И. Кочеева, Э. Палкина. В это время алтайская литература обогащается новыми жанровыми формами и тематическими направлениями, что обусловлено не только внутренними литературными процессами, но и влиянием советских культурных и идеологических тенденций. Рассказ как жанр занимает в этом процессе особое место. Исследование рассказов данного периода представляется исключительно актуальным, поскольку именно в это время происходит формирование ключевых традиций, определяющих вектор развития современной литературы.

Abstract. This scientific work is devoted to the study of the genre originality of the Altai short story in the period from 1960 to the 1980s. on the example of the work of L. Kokyshev, K. Telesov, I. Kocheev, E. Palkin. At this time, Altai literature is enriched with new genre forms and thematic directions, which is due not only to internal literary processes, but also to the influence of Soviet cultural and ideological trends. The story as a genre occupies a special place in this process. The study of the stories of this period is extremely relevant, since it is at this time that the formation of key traditions that determine the vector of development of modern literature takes place.

Ключевые слова: алтайская литература, жанр, рассказ, Лазарь Кокышев, Эркемен Палкин, Кюгей Телесов, Иван Кочеев.

Keywords: altai literature, genre, short story, Lazar Kokyshev, Erkemen Palkin, Kugej Telesov, Ivan Kocheev.

Писатели обращаются к жанру рассказа по нескольким причинам, обусловленным как структурными, так и

содержательными его особенностями. Форма рассказа позволяет авторам сосредоточиться на конкретных особенностях сюжета, обеспечивая более интенсивное и целенаправленное погружение читателя в определенную ситуацию, и отобразить эмоциональное состояние героя. Короткий и лаконичный характер рассказа способствует экспериментированию с различными литературными приемами и стилистическими формами, которые могут служить своеобразным исследованием для авторских поисков и инноваций. Так, многие писатели начинают творить именно в жанре рассказа, затем переходят к написанию более крупных произведений. Наконец, жанр рассказа дает возможность быстро реагировать на текущие социальные, культурные и политические события, позволяя писателям быстро интегрировать современные темы и проблемы в свои произведения.

Во второй половине 1950-ых гг. заявили о себе многие молодые алтайские писатели и поэты, которыми впоследствии была создана основа для дальнейшего развития алтайской литературы. Также значительно вырос и уровень профессионализма алтайских писателей. Многие авторы укрепили свои позиции в литературной среде, их произведения стали более разнообразными и сложными.

В культурной сфере наблюдается активизация деятельности Алтайского книжного издательства, которое стало важным центром публикации произведений местных авторов, а также переводных произведений мировой литературы на алтайском языке. Публикация работ на родном языке способствовала не только сохранению, но и преумножению национального литературного наследия. В этот период вышли в свет следующие прозаические сборники: «Адучи» (1959) и «Мöштөр шуулайт» («Шумят кедры», 1965), И. Кочеева, «Түндеги жылдыстар» («Ночные звезды», 1961) А. Адарова, «Повесть ле куучындар» («Повесть и рассказы», 1962) и «Карычак» («Снежинка», 1973) Л. Кокышева, «Тапта истер» («Следы на камнях», 1966) К. Телесова, «Элү туулар» («Горные духи», 1976) Б. Укачина и мн. др., в которых были в том числе опубликованы рассказы, раскрывающие национальный характер, восхваляющие красоту родного края и воспевающие героическое прошлое алтайского народа.

Р. А. Палкина отмечает: «Алтайский рассказ 1960–1980-ых гг. отходит от эмпиризма, этнографического бытописания,

чистой конкретики, почти равной очерку. Он поднимается до уровня художественного исследования, многомерного воссоздания окружающего мироздания» [1, с. 313]. Этот период по ее мнению характеризуется разнообразием рассказов в жанровом и тематическом планах, что отражает общий политико-культурный контекст эпохи. Особое внимание уделяется эволюции жанра рассказа, который переживает в это время своеобразный «ренессанс». В исследовании рассматриваются разнообразные типы рассказов, включая проблемные, рассказы-исследования, сатирико-юмористические, публицистические, лирические, психологические, трагикомические, парадоксальные и «лукавые» рассказы [1, с. 298–313].

В алтайской литературе отчетливо проявляется реалистическое направление, что является характерной чертой советской прозы. Реализм в алтайской прозе выражается через тщательно проработанные описания повседневной жизни, точную передачу социальных и культурных особенностей народа. В статье С. Каташа и Г. Кондакова о прозе 1960-ых, к примеру, утверждалось: «Героями этих произведений являются новые люди, наши современники, передовые труженики коммунистического строительства. Героика Великой Отечественной войны, героика наших дней социалистический труд родили новых героев алтайской литературы» [2, с. 109].

Сфера творческой деятельности Лазаря Васильевича Кокышева охватывает широкий спектр жанров: от прозы и поэзии до драматургии. Писатель является автором ряда значимых произведений, вписанных в историю культурного и социального развития Алтая. К периоду 1960-1980-ых гг. произведений Л. В. Кокышева в жанре рассказа относятся «*Уйку келбес тўн*» («Ночь без сна»), «Дикарка», «Эне» («Мать») в сборнике «*Повесть ле куучындар*» («Повесть и рассказы», 1962). В сборнике «*Карычак*» («Снежинка», 1972) напечатаны рассказы для детей.

Литературоведческий анализ жанровых особенностей рассказа Л. Кокышева «Дикарка» [3] позволяет выявить несколько существенных особенностей, которые структурируют произведение в рамках традиций русской литературы XX в., одновременно внося оригинальные элементы в структуру повествования и тематику. Она представляет собой гармоничный синтез нескольких

жанровых традиций. Основная сюжетная линия повествует о молодой девушке, ставшей жертвой преследований со стороны белогвардейцев. Вынужденное бегство главной героини происходит на фоне исторически значимого периода гражданской войны в России. Исторический контекст в данном случае служит не только фоном, но и глубоко затрагивает характеры и поступки персонажей, оказывая существенное влияние на динамику повествования.

Вторая сюжетная линия представляет собой ретроспективный взгляд на жизнь девушки, где подробно раскрывается ее биография, ключевые этапы жизни и их влияние на формирование ее личности. Использование этого приема в текстах, как показывает исследование И. Р. Гальперина, призван сообщить необходимые данные для дальнейшего повествования в произведении [4, с. 106].

Этот прием также подчеркивает психологическую глубину рассказа, привнося элементы психологического анализа. Психологизм потенциально раскрывает внутренние мотивы героини, ее страхи, надежды и переживания, что создает богатую и многогранную канву произведения.

Стоит также отметить трагические акценты, которые прослеживаются на обеих временных линиях: девушка оказывается не только жертвой исторических событий, но и борьбы за выживание в личном, интимном смысле. Финальная сцена, в которой белогвардейцы находят ее труп, завершает трагическую кульминацию, подчеркивая фатальность ее судьбы. Жанровая особенность рассказа заключается в удачном сочетании исторического контекста и психологической глубины, что вместе с трагическим финалом создает повествовательное пространство, наполненное драматизмом и эмоциональным напряжением.

Рассказ писателя «Эне» [3] – это произведение, в котором воссозданы реалии советской сельской жизни послевоенных лет. В рассказе также есть сочетание элементов реализма и лирико-психологической прозы.

В рассказ повествуется об одинокой женщине, чьи сыновья ушли на фронт. Введение фона Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенного времени служит основой для раскрытия образа главной героини, ее внутреннего мира и жизненных трудностей. В центре повествования – ее остро ощущаемое одиночество, что является ключевым аспектом для раскрытия

контекста произведения. Характерное для реалистической литературы стремление к отражению социальных и личностных проблем здесь представлено через жизненные обстоятельства и психологические переживания матери. Реализм проявляется в детализации быта деревни, трудовых будней в колхозе и конкретных исторических условий. При этом, автор достаточно глубоко проникает в эмоциональное состояние своей героини, что роднит этот рассказ с лирико-психологической прозой.

Кульминацией рассказа становится момент получения главной героиней письма от земляка, молодого парня, уехавшего учиться в Москву. Он пишет, что благодарен ей за участие в его жизни, за тепло и доброту, которые она ему дарила. Таким образом, она вдруг понимает, что неосознанно оказывала поддержку всем детям в деревне. Этот эпизод подчёркивает значение личности в обществе в традиционном для соцреализма ключе.

Таким образом, жанровая особенность рассказа выражается в синтезе реалистических и лирико-психологических аспектов. Произведение отражает не только внешние события и социальные условия, но и глубокие внутренние переживания, что значительно обогащает художественный уровень текста. Автор мастерски передаёт сложное переплетение личного и общественного, духовного поиска и внутренней гармонии.

В сборник Л. Кокышева *«Карычак»* [5] вошли рассказы для детей. Для автора здесь характерно использование традиционных фольклорных мотивов и нарративных структур, адаптированных для детского восприятия. К примеру, в одноименном рассказе, олицетворение снега, создает эмоциональную связь между юным читателем и описываемыми явлениями природы, делая их более понятными и близкими. Снег, вызывает у детей интерес и стимулирует познавательную активность, что является важной педагогической задачей.

Подобный прием применяется и в остальных его произведениях в этом сборнике. Рассказ для детей *«Өркө»* («Суслик») [5] можно отнести к жанру дидактической литературы, которая носит не только развлекательный, но и развивающий и воспитательный контекст. В данном случае автор показывает важность практичности и разумного планирования для существования, а также указывает на то, что чрезмерная осторожность и замкнутость могут привести к негативным последствиям.

Главным героем рассказа выступает суслик, чьи действия и характерные черты создают основу для анализа жанровых особенностей произведения. Рассмотрим их подробнее:

1. Антропоморфизация. Один из ключевых элементов детской литературы — это наделение животных человеческими качествами и чертами. Суслик в рассказе не просто животное; он обладает осознанной мотивацией, трудолюбием и осторожностью. Он сознательно планирует свою жизнь, заготавливает зерно и даже принимает решение не жениться.

2. Дидактическая направленность. Рассказ имеет явную нравственно-моральную составляющую. Суслик постоянно заготавливает зерно и не отходит далеко от своей норы, что можно интерпретировать как символ стремления к безопасности и стабильности. Однако чрезмерная предосторожность приводит к тому, что он оказывается социально изолированным. Непомерное стремление к самостоятельности и независимости, исчерпывающее силы суслика, и его последующая болезнь указывают на важность баланса в жизни и необходимость заботы о собственном здоровье.

3. Эмоциональная вовлеченность ребенка. Стиль и язык рассказа адаптированы для детского восприятия. Простые и понятные слова, реалистичные и легко визуализируемые действия героя способствуют эмоциональной вовлеченности маленьких читателей. Дети могут легко представить себе, как маленький суслик тащит мешок зерна, чувствовать его усталость и переживать за него, когда тот заболел.

4. Урок на будущее. Рассказ также служит напоминанием детям о том, что чрезмерное трудолюбие без учета собственных возможностей может привести к неприятным последствиям. Это мощный урок, который может помочь детям задуматься о важности отдыха и необходимости заботиться о себе.

Таким образом, Л. Кокышев в своих произведениях уделял особое внимание темам морально-этического характера. Его рассказы пронизаны глубокими социальными и личностными конфликтами, которые раскрываются через простые, но выразительные сюжеты. Демонстрация трагедии утраты может вызвать глубокий отклик у читателя. В своих детских рассказах с целью созданная красочной и выразительной повествовательной структуры автор использует олицетворение, что направлено на воспитание и развитие воображения у юных читателей.

Кюгей Телесов является автором прозаических сборников «*Ташта истер*» («Следы на камнях», 1966), «*Күүктинг үни*» («Голос кукушки», 1967), «*Кайда ол жол*» («Где та дорога?», 1968), «*Чалынду жаландарда*» («В росных лугах», 1971), «*Таныбаган*» («Не узнал», 1980) и др.

В своих рассказах К. Телесов активно исследовал и описывал жизнь и деятельность своих земляков, колхозников, предоставляя глубокое и реалистичное изображение их повседневного быта и трудовых будней. Важно, что писатель изображал психологическую и экзистенциальную связь человека с окружающей средой. М. С. Дедина, к примеру, пишет: «Для творчества К. Телесова, тонкого прозаика и глубокого психолога, характерно изображение изначальной абсолютной гармонии природного континуума, восприятие окружающей действительности как целостного и всеединого бытия, где тесно взаимосвязаны человек и природа. Особенностью произведений писателя стала тонкость восприятия окружающего мира и лиричность самовыражения автора» [6, с. 58].

Подобная связь человека и природы описана в рассказе «*Көрмөс лө бозу*» («Черт и теленок») [7] через взгляд на мир маленького мальчика. Рассказ начинается с описания ночного отела коровы, что сразу же помещает читателя в сельскую жизнь, где природные циклы и события имеют первостепенное значение. Герой рассказа, мальчик, демонстрирует свою заботу о новорожденном телёнке, надевая на него шапку и куртку, чтобы тот не замёрз и не отморозил уши. Этот трогательный момент показывает, насколько органично и естественно дети взаимодействуют с природой, проявляя к ней участие и заботу.

Наиболее известным в творчестве писателя является рассказ «*Таныбаган*» [8] Данное произведение можно классифицировать как пример социально-психологической прозы. Основной сюжетный мотив – ожидание мальчиком возвращения отца с фронта – подчеркивает эмоциональное напряжение и внутренний конфликт персонажей. Автор исследует психологическое состояние ребенка, который живет надеждой на встречу с отцом, которого никогда не видел. Этот мотив ожидания и надежды является основополагающим элементом нарратива, создавая эмоциональное напряжение и драматизм повествования.

Структурно рассказ построен на контрасте между внутренним миром ребенка и внешней реальностью. Автор использует приемы

внутреннего монолога, чтобы передать чувства мальчика, его страхи и мечты. Такое построение позволяет глубже проникнуть в переживания главного героя, что является характерной чертой социально-психологической прозы.

Тематика войны и ее последствий также относится к особенностям рассказа. Автор описывает не только физическую, но и эмоциональную травму, которую война наносит даже тем, кто не принимал в ней прямого участия. В данном случае история мальчика является метафорой общей трагедии поколения, выросшего в условиях войны и послевоенной разрухи. Через призму личной истории ребенка автор исследует более широкие социальные и исторические контексты.

В 1971 г. вышла книга писателя «*Чалынду жаландарда*». Сборник состоит из цикла рассказов: «*Бистинг журт*» («Наше село»), «*Бистинг журт жиит кижининг көзиле*» («Наше село глазами молодого человека»), «*Бистинг журт карган кижининг көзиле*» («Наше село глазами пожилого человека») [9]. Данные рассказы Р. А. Палкина характеризует как рассказы-исследования: «Рассказы исследования, представляя собой анализ различных проблем, позволяют автору раскрыть их с исчерпывающей полнотой. По форме воплощения авторского замысла – это повествования-исследования со свободным построением сюжета» [1, с. 301].

В первом рассказе доминируют рассуждения и наблюдения, что выделяет его среди других произведений писателя. В отличие от сюжетно-приключенческих рассказов, где основное внимание сосредоточено на развитии событий и характеров персонажей в контексте динамичных взаимодействий, данный рассказ сосредотачивается на детализированном описании и осмыслении повседневной жизни советского села.

Автор тщательно и с любовью описывает это уединённое место, где каждый уголок дорог ему: «*Бистинг журт сүрекей энтү жерде туруп жат. Айландыра жык эткен сүүри, сүүри туулар. Олор эдектерин жайа тудала, бого жайра, онжи, чечектел деп жан-жарт этире журтыска жакып салган*» («Наше село находится в очень удобном месте. Его окружают высокие, высокие горы. Они, раскинув свой подол, призвали наше село расти и цвести») [5, с. 5].

Жанровое своеобразие подобного рассказа заключается в его неспешности и созерцательности. Здесь нет места бурным событиям и неожиданным поворотам сюжета. Напротив, повествование течет

размеренно, и основное внимание уделяется взаимодействию с окружающим миром.

Автор мастерски передаёт реалии жизни, уделяя особое внимание психологическим аспектам и эмоциональным переживаниям своих героев, что позволяет читателю глубже осознать и прочувствовать все сложности и радости, сопровождающие их существование. Таким образом, произведения писателя не только сохраняют историческую память, но и способствуют более глубокому пониманию человеческой природы и общества, в которых мы живем.

Иван Кочеев еще один признанный прозаик алтайской литературы. В своей прозе умело сочетает реалистическое описание быта и повседневности сельской жизни в сборнике *«Мөштөр шуулайт»* («Шумят кедры», 1965) автор демонстрирует глубокое понимание социальных, экономических и культурных процессов. Его рассказы отличаются скрупулезным вниманием к деталям, что позволяет считывать общую картину жизни человека в разных условиях. Персонажи его произведений – это простые рабочие, в которых ясно читается твердость духа, приверженность к делу и непоколебимая вера в идеалы.

Рассказ *«Салгарлу»* [10] обладает характерной жанровой особенностью социально-психологической прозы. В центре повествования – женщина, чья жизнь глубоко осложнена условиями военного времени и необходимостью каждодневной заботы о больном ребенке. Еще одним главным героем рассказа является свекровь с ее критическим отношением к медицине, которое выражается через предрассудки старшего поколения. Свекровь – носитель традиционных верований и представлений, она не приемлет нововведений. Ее внутренний конфликт подчеркивается в сцене, когда врач рекомендует госпитализировать ребенка, а она, в силу своих убеждений, решает не сообщать об этом невестке.

Кульминационный момент рассказа наступает с получением письма от сына с фронта. Оно выступает катализатором для изменения ее позиции, приводя к осознанию ошибки в своём восприятии реальности. Этот эпизод обуславливает изменение социально-нравственных взглядов свекрови и переосмысление ею своих убеждений.

Еще одним интересным по сюжету и идейной направленности является рассказ *«Сақыш әббәһән»* («Старик Сақыш») [10]. В

жанровом контексте этот рассказ можно отнести к бытовой прозе с элементами психологического анализа. На протяжении всего повествования автор создает атмосферу повседневной жизни старого охотника. Сюжетная линия концентрируется на его взаимодействии с новым для него технологическим устройством – радиоприемником, что придает рассказу бытовую детальность и насыщенность описанием объектов материальной культуры. Охотник, привыкший к жизни в гармонии с природой, сталкивается с миром технологий, что вызывает у него смешанные чувства. Автор умело использует описательные и внутренние монологи героя, чтобы показать, как в охотнике борются любопытство и страх перед неизвестным. Здесь жанровое богатство текста проявляется в том, как через внешние действия и внутренние переживания охотника раскрывается его характер.

Ощутимая эмоциональная насыщенность повествования достигается за счет тонкого психологизма. Охотник, словно дитя, испытывает первобытный страх перед радиоприемником, но также его манит таинственная сила неизвестного устройства. Сцены, в которых герой долго и внимательно разглядывает радиоприемник, боясь его трогать, создают напряжение и усиливают эмоции читателя, который сам начинает ощущать волнение героя.

В конце рассказа главному герою удается побороть свой страх. Охотник медленно, но уверенно научился включать радиоприемник. Этот факт для героя является поворотным, а обычный предмет обретает в его восприятии символическое значение. Радиоприемник как символ нового, неизведанного мира, становится связующим звеном между привычной для охотника реальностью и современным техническим прогрессом.

Рассмотренные произведения данного автора демонстрируют сложные процессы адаптации и переосмысления пожилыми людьми устоявшихся норм и ценностей в условиях экономических и социальных трансформаций. Эти рассказы позволяют глубже понять динамику взаимоотношений между разными поколениями.

В сборнике Эркемена Палкина *«Бичигенер јакшы, Эрте!»* (1997) опубликованы рассказы, написанные в 1960–1980-ые гг. Следует отметить, что у писателя не так много произведений в жанре рассказа и большинство из них опубликованы именно в этом сборнике. Данные произведения, на наш взгляд, отличаются глубиной и эмоциональной насыщенностью. В них повествуется

о жизни местных жителей, об их повседневных делах, о взаимоотношениях между людьми. В своих произведениях автор уделяет внимание чувствам героев и их внутренним противоречиям. Писатель исследует человеческую природу, стремление к добру и справедливости. В его рассказах, как и в целом в его творчестве, прослеживается стремление к психологическому осмыслению поведения героев. У писателя есть и примеры лирической прозы (рассказ «*Jac kelip jam*» («Наступает весна», 1961) [11], что позволяет автору передать психологическое состояние персонажа через сравнение с природными явлениями.

Одной из ключевых черт жанра лирического рассказа «*Jac kelip jam*» является использование внутреннего монолога, благодаря которому читатель получает доступ к мыслям главной героини, ее ожиданиям и переживаниям. Предметом ее размышлений является наступление весны, которая для нее служит естественным символом обновления и надежды.

Важное место в рассказе занимает описание работы в колхозе. Труд и коллективная работа, столь важные в контексте советской литературы, переданы через призму личных размышлений героини. Она воспринимает свою работу не только как обязанность, но и как неотъемлемую часть своей жизни, своего места в обществе. Колхоз для нее – это не просто экономическая структура, но и пространство социальной и эмоциональной связи с другими людьми.

Героиня также уделяет много внимания своей семье, что позволяет взглянуть на ее личные ценности. Семья представляется ей как источник поддержки и любви. Через размышления о близких раскрываются как ее заботы и радости, так и переживания о взаимоотношениях с мужем.

Рассказ «*Kök ot*» («Синий огонь», 1970) [11] является своеобразным отражением историко-культурных преобразований и повествует о влиянии этих преобразований на жизни обычных людей. Автор по контрасту показывает две семьи: городскую и деревенскую. Сюжет построен на том, что в гости к знакомым из деревни приезжают земляки. Для деревенских жителей, эти технологии были чем-то совершенно новым и непонятным. К примеру, телевизор для них был «синим огнем», поразились они и газовой плите.

В целом, рассказ представляет собой жанровую категорию реалистической прозы с элементами социально-бытовой

характеристики. Стоит отметить, основной акцент произведения направлен на демонстрацию социального контраста между сельским и городским образом жизни, в частности, через демонстрацию отношения к технологическим достижениям того времени. Автор намеренно фокусирует внимание на культурном шоке, который испытывают герои. Эти бытовые атрибуты современной цивилизации функционируют как символы технического прогресса.

Проведенное исследование демонстрирует, что алтайский рассказ представляет собой сложный и многослойный феномен, в котором нашли отражение как уникальные культурные традиции, так и универсальные темы человеческого существования. На основе анализа произведений ключевых авторов, пишущих в рамках данного жанра, выявлено, что алтайский рассказ характеризуется особыми стилевыми и жанровыми чертами. К ним относятся лаконизм, экспрессивность, внимание к деталям, а также глубокая связь с природой, которая выступает не только фоном событий, но и активным участником повествования.

Источники и литература

1. История алтайской литературы. Книга 1 / ред. И. И. Белеков, С. Ш. Катынова, Р. А. Палкина, Э. П. Чинина, С. Н. Тарбанаква. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2004. – 551 с.
2. Каташ С. С. Алтайская литература на современном этапе / С. С. Каташ, Г. В. Кондаков // Очерки по истории алтайской литературы / под редакцией С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1969. – С. 107–170.
3. Кокышев, Л. В. Повесть ле куучындар / Л. В. Кокышев. – Горно-Алтайск: Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1962. – 231 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-ое стереотипное / И. Р. Гальперин. – Москва: КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Кокышев, Л. В. Карычак / Л. В. Кокышев. – Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1973. – 67 с.
6. Дедина М. С. Литературный портрет Кюгея Телесова / М. С. Дедина // История алтайской литературы. Коллективная

монография. – Горно-Алтайск: Министерство образования и науки Республики Алтай. Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. – С. 40-77.

7. Телесов, К. Күүктин үни / К. Толосов – Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1967. – 50 с.

8. Телесов, К. Таныбаган / К. Телесов – Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1980. – 207 с.

9. Телесов К. Чалынду јаландарда / К. Телесов – Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1971. – 59 с.

10. Кочеев, И. П. Мөштөр шуулайт / И. П. Кочеев. – Горно-Алтайск: Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1965. – 97 с.

11. Палкин, Э. Бичигенеер јакшы, Эрте! / Э. М. Палкин – Горно-Алтайск: Уч-Сумер, 1997. – 324 с.

©С. А. Ерленбаева, 2024

УДК 398

А. А. Белева

**Б. У. УКАЧИННИН «КАР ОРТОДО КАРА ЈАНЫС
ТУРА» ДЕП ТУУЈЫЗЫНДА КӨДҮРИЛГЕН ТЕМАЛАР
ЛА КУРЧ СУРАКТАР**

**О ТЕМАТИКЕ И ПРОБЛЕМАТИКЕ ПОЭМЫ
Б. У. УКАЧИНА «ОДИНОКИЙ ДОМИК СРЕДИ БЕЛЫХ
СНЕГОВ»**

А. А. Beleva

**ABOUT THE THEME AND PROBLEMS OF B. U.
UKACHIN'S POEM «A LONELY HOUSE AMONG WHITE
SNOWS»**

Аннотация. Бу статьяда Б. У. Укачиннин литературалык энчизи ле бойынын албатызынын литературазына учурлу камаанын

јетиргени көрүлет. Ол жанр ла теманын гранын кениткен, бойынын иштеринде јангы явлениялар ла процесстерды чындык көргүзүп көндүккен бичиичи. Анылу ајару Борис Укачинович Укачиннин 1973–1975 јылдарда чүмделген «Кар ортодо кара јаныс тура» деп туујы-хрониказына эдилет. Туујы-хроникада мындыј темалар учурайт: үй кижинин салымы, улустар ортодо колбулар ла кижинин психологиялык сүр-јуругы. Статьяда чүмдемелдин кееркедим анылузы, онойдо ок алтай литературага јетирген камааны шинделген.

Аннотация. В статье рассматривается литературное наследие Б. У. Укачина, внесшего значительный вклад в развитие литературы своего народа. Он расширил границы жанров, отражая в своих произведениях новые явления и процессы, характерные для современного ему общества. Особое внимание уделяется поэме-хронике Бориса Укачиновича Укачина «Кар ортодо кара јаныс тура», над которой писатель работал с 1973 по 1975 гг., и затрагивающей темы судьбы женщины, человеческих взаимоотношений и психологии личности. Статья представляет собой анализ поэмы-хроники и ее влияние на алтайскую литературу.

Abstract. The article examines the literary legacy of B. U. Ukachin, who made a significant contribution to the development of his people's literature. He expanded the boundaries of genres and themes, reflecting new phenomena and processes in his works. Particular attention is paid to B. U. Ukachin's epic chronicle "Kar ortodo kara janys tura," covering the period from 1973 to 1975 and addressing themes of women's fate, human relationships, and personality psychology. The article represents a profound analysis of the epic chronicle and its influence on Altai literature.

Түлкүүр сөстөр: туујы, чүмдеечи, үлгерчи, төс герой, тан сөс, јангар кожон, куучын.

Ключевые слова: поэма, автор, поэт, главный герой, монолог, народные песни, рассказ.

Keywords: poem, author, poet, main character, monologue, folk songs, story.

XX-чи чактын экинчи јарымында чүмдеген бичиичилер јаантайын бедиренип, солун жанрларды ченеп, јангырта чүмдегени билдирлү. Узак ойдин туркунына калыктын көгүс-санааларына,

јандаган јанына ајару этпегендер. Алтай литературанын жанжыгуларын улалткан, өзүмин јаньрта өнжиткен, литератураны солун жанрларла байыткан, јаны үйеге јол ачкан биичилердин тоозында — Аржан Ойинчинович Адаров, Лазарь Васильевич Кокышев, Эркемен Матынович Палкин, Борис Укачинович Укачин ле онон до өскөлөри.

Статьяла иштенер өйдө бис бичиичинин кепке базып чыгарган чүмдемелдерине тайанып, озор аайынча билимчилердин, бичиичилердин ле ширтүчилердин иштерин тузаланганыбыс. Ол тоодо туујы деп жанрды шиндеген иштер ајаруда болгон [1–9].

Шинжүчи А. В. Киндикова бичиичи керегинде мынайда темдектейт: «В поэзии Бориса Укачиновича Укачина, прежде всего, замечаешь многообразие тематики и жанров. Это стихи-послания, стихи-посвящения, стих-палиндром, стих-шутка, цикл стихов, притча, поэма-сказка, поэма-молитва, поэма-хроника, баллады и т. д. [10, с. 37]. В жанровой типологии его поэмы обозначили новые разновидности: поэма-хроника «Одинокий домик среди белых снегов», поэма-сказка «Золотая птаха», поэма-очерк «Карана», поэма-раздумье «Коновязи», поэма-молитва «Голова шамана». Даже простой перечень свидетельствует, что поэт находится в постоянных поисках. В поэмах Бориса Укачиновича Укачина затронуты такие вопросы, как судьба женщины, человеческие взаимоотношения, психология личности, связь времен и т. д.» [10, с. 51–63].

«Кар ортодо кара јаныс тура» деп туујы-хрониканы Б. Укачин 1973–1975 јылдарда чүмдеген. Туујы мындый бөлүктерден турат: «Танышканы»; «Эзенов Јыманнын дневнигинен»; «Чачактын куучыны» (баштапкы, экинчи, үчинчи), «Јыманнын куучыны» (баштапкы, экинчи, үчинчи, төртинчи); «Клаша»; «Бистин кожон»; «Айаспайдын письмозы»; «Айазып келет» (лирикалу сөс); «Үч сөс».

«Танышканы» деп бөлүкте поэт лирикалык геройдын алдынан төс геройыла таныштырат. Алтай албатынын таныжар ээжизин чүмдеечи буспай көргүзип салган. Алтай кижии јакшылашкан кийинде, сөөк-тайагын айдар учурлу.

– Јакшы ба?

– Јакшы, слерде јакшы ба?

– Акыр, бу

Слердин адаар-јолоор кем эди?

– Мен бе?..Мен – Эзенов Јыман,

Сөөгим десе – майман.

Балдардын энези – Чачак,

Сөөк-тайагы – кыпчак.

Сенийи, акыр, кем,

Таныбай отурым, экем?

Эмди јарт, билдим,

Поэт кижии сен бедин?..

– Эйе, шак андый... [11, с. 71].

Бу туујыда Б. Укачин бойынын геройларынын јапсызын, ичинде санааркаштарынын теренгин көргүскен. «Кар ортодо кара јаныс турадын» сүр-темдеги јаныс турган тура эмес, а кижии талтабыштан јажынып, ару санааларга јединип, амыр табар јер деп айдарга јарар. Ол ло өйдө ол кичинек туранын сүр-кебери ажыра поэт бойынын кычыраачыларына јаан јер-телекейди көргүзет. Айылдын ээлери ле – Диман, Чачак озордын огош кызы Клашала танышканы ажыра јер-телекейдин курч сурактары көдүрилет.

Чүмдеечи орток куучын ажыра төс геройдын јадын-јүрүмин, күүн-санаазын кыскарта көргүзип салган. Канчу эди балдараар? – деп, суракка төс герой кокурлап каруузын јандырат:

...Јыман көзин јума салып,

Јынкылдада каткырат.

Канза ыжын буркурадып,

Карууны мынайда јандырат [11, с. 72].

Төс герой азыраган балдарыла оморкоп, кокур ажыра бу биледе он эки бала деп јетирет: «Электро јок турлуда, – Јыман көзин сыкыйтат, – Бил турун ба керекти, – онон ары кокурлайт, Бистин балдар он эки» [11, с. 76]. Бу биленин балдары башка-башка городтордо (Барнаулда, Горно-Алтайскта, Алма-Атыда, Алданда) үренет, јадат. Озор ончолоры үренип алган, тоомјылу улус болуп иштеп јүргүлейт. Јолынан астыккан уулынын салымы учун эне-адазы тын санааркап та турган болзо, је ол уулы түзедилер деп ижемјилү јүргүлейт.

Јыманнын дневниктери бойынын куучындарыла эш-нөкөри Чачактын куучындарыла кезектейт (селижет). «Јыманнын куучыны» (баштапкы, экинчи, үчинчи, төртинчи). Бойынын куучын-монологторында јуучыл үлгерчиге баштанат:

Поэтке айтпас эрмекти

База кемге айдатан.

Кыштын мойнын кыскартып,
Куучынды неден баштайган?..

Берлинге жетире Куулгыдан
Јуучыл жолды кем өткөн?
Мөш жамынган јерине
Эбирип ойто кем јанган? [11, с. 88]

Јуучыл кажы ла куучынында бойынын кичү төрөлин ыраак
алтайла тундештирип, кижы кайда жүрзе, кижы адын јылыйтпас
учурлу деп некейт.

Элик бычкак өдүктин
Эскизи калгай јериме.
Эки айткан сөзимнин
Јарагай бирүзи поэтке [11, с. 88].

Јыманнын куучындары: баштапкызында – бүткүл үйенин
јүрүми керегинде курч сурак көдирилген. Төс герой карыкчал
санааларлу айдынат, онын үйези јуудан улам јылыган:

Бодозон до, карындаш,
Меге јажыт уулдардын
Көп сабазы эмди јок.
Је не арткан олордон:
Јангыс – кубал, јангыс – кок!..

Эзенов Јыман канду јуунын туружаачызы, шыркалу јанып
келгенин чүмдеечи мынайда јартайт: «Одус јылга белимди осколко
менин кемир јат. Шак ла ол шилеенди менен айрып болбой јат.
Көрзөңдө он колымды, эргекпиле ус сабар, ... је калашты ла
мылтыкты эмди де тудар арга бар» [11, с. 77]. Бу бөлүкте поэт алтай
кижинин сыныкпазыла оморкоп, кандый ла күчтерди бийик күүн-
санаала јенип чыгарын керелейт.

Эзенов Јыманнын ла ээжи Чачактын тилинин чеченин,
коқырчызын чүмдеечи албатынын оос поэзиязын тузаланганы
ажыра көргүзет. Темдектезе: «Јакшы эттин мўни амтамду, јакшы
эрдин сурагы јолду. Азыраган ак-мал ардак-семис, алкы бойыбыс
амыр јадыбыс» [11, с. 71]; «Јожон ат јоорыла мактанар, јокту кижы
балдарыла мактанар» [11, с. 72]; «Таар јерге чубалта айдаар, јалан
јерге јайа айдаар малду болзон – ол мак. Јер-айакка тазылын јайар,
јетен каанга элчиге барар балдарлу болзон, база мак!» [11, с. 72];
«Уйалбаза кам болор» [11, с. 73]; «Челдү эт тишке кысталар, чечен

кижи сөскө кысталар...» [11, с. 74]; «Көп малдын ортодо мўзи
сынык уй болор» [11, с. 74]; «Аркада өскөн агаштар ончозы тўней
болбойтон» [11, с. 75] ло о.ө. Фразеологизмдер: «Бастыра бойы
кызыл тил», «Ўстен тамар, бардан једер».

Экинчизинде јуунын темазы улалат, је мында јүрүмле
ээжиленген ноталар. Јыман јуудан тирү арткан, онын јүрүми улалып
ла јат.

Јок, чын ла мен
Јакшы кижы болбойым...
Өлгөнчө тен
Јүрейин,
Јүрейин,
Ойноп-ойноп алайын –
Ойым-ойым, ой, дейин!..

Јыманнын экинчи куучынына чүмдеечи албатынын јүрүм,
өлүм керегинде айлаткыштарын кийдирген. Јакшы кижиге кандый
бир тынду бир күнди сурап берер:

«Ол бүгүнче јүрзин» – деп,
Көрүк килеп, сураар.
«Ол бүгүнче өлбөзин» – деп,
Эртезинде элик сураар.

Мынайып јакшы кижы
Узак јаш јажаар.
Узун јолы, эткен ижи
Улуска онын тузалу болор ... [11, с. 96]

Кандый ла алтай кижы сўнгенин де, карыкканын да кожон
ажыра айдатан. Јыман да өкпөөргөнине эжин кожон баштазын деп
сурайт:

Эх, эх, энези,
Коодым кайнайт, кожондо.
Бу јүрүмнин ээзи
Бис эмейис – ондо!

Эх, эх, энези,
Эрдим изийт кожондо... [11, с. 97]

Үчинчизинде адалардын ла үйелер ортодо колбунын темазы көргүзилген.

Адалу-уулду – экүнин
Анғызы кайда?.. Бар ба?..
Ортозында олордын
Агы-чеги талай ба,
Айса, ак жалаң ба? ...

Лыман бойынын ат-нерелү жүрүмин ла уулынын шокчыл керектерин эске алынып, жүрегинде сысту отурат. Онын уулы кей-кебизин болгонын кородоп сананып, же түүзелер деп иженип ле бүдүп айдынат:

...Эх, уулымнын тенегин
Улуска айдарга уйатту.
Бистин үйенин жүрүмин
Билбес – онызы коркушту!..

Төртинчизинде үлгерчи ле лирикалык геройдын ортодо өдүп турган орток куучынга келижет. Бойынын куучын-монологында Лыман чүмдеечи-куучынчыга (автор-рассказчик) мынайда баштанат:

... Бат, уктын ба, карындаш,
Балдардын энези не деди?
«Эстетикан эски» деп,
Электеп баратан сен бедин?..
«Ийт буды тыйрык» деп,
Озогы улус айдатан.
Кемге де бүдүнбей,
Келиштире айт салган [11, с. 107].
Лирикалык герой:
Ийт – кижинин нөкөри,
Чочко эмес, теппей жүр...

Кандый да анчы сен болзон,
Калак, турна атпай жүр.
Көс жетпейтен телкемде
Көөркийлер эжер жүрүп жат.

Ээрдин жүзүн качан да
Эжикке уулап, сен салба:
Онын ээзи эжиктен
Эрте барар – ундуба ... [11, с. 109].

Куучынында Лыман эски өйдө «эстејика» ла эмдиги өйдин «эстетиказын» түнейлеп көрөт. Онын ондогоныла «эски де өйдө жап-жараш «эстејика» бар».

Ол өйдөги ээжилер учурын бир де жылытпаган:
Je болор, эм де көп
Албаты тапкан ээжилер.
Кижини кижидерге
Кичеенбеген бе ойгорлор? [11, с. 109].

Албаты тапкан ээжилерди бийик баалап, лирикалык геройдын тан сөзи ажыра чүмдеечи келер үйеге энчи эдип артыргызып саларын шүүген.

«Чачактын баштапкы куучыны». Бу тан сөстөн Чачак өскүс болуп, детдомдо чыдаганын куучындайт. Балазын јериген Өскүзек деп кой ажыра Чачактын күүн-санаазы ачылат. Бойынын куучынында (тан сөс) озо ло баштап кычыраачыла таныжат. Алтай кижиде танышса сөөк-тайагын айдатан.

Мен – Чачак,
Сөөк-тайагым кыпчак.
Одус жылга кой кабырып,
Мен баспаган меес јок.
Он эки бала чыдадып,
Мен көрбөгөн шыра јок.

Ачык айдынышта Чачак бир санаазын чыгара айдат:
Эт-јүректе бир санаа
Эмдиге мени эреп јат:
Эрте јашта энеден
Энелү неме аспазын.
Баш тирүде балладан
Балалу неме барбазын [11, с. 81].

Он беш төрт јолдыктан турган Чачактын тан сөзинде Тайгыл деп ийтле кожо Чачак энези јеериген кураанды ойто энези ле бириктирет. Андый неме улустада болуп турганын Чачак сезип турат:

Өскүзекти үредип,
Онду олут көрбөдим.
«Мындый улус та бар» – деп,
Ичимде бойым санандым [11, с. 83].

«Чачактын экинчи куучыны» (тан сөс) азыраган балдарына учурлалган. Кабай кожоннын учурын бийик баалап, балдарына энчи эдип артыргызарга амадайт. Тан сөс ойто ло танышканынан башталат:

Мен – Чачак,
Сөөк-тайагым кыпчак.
Тегерик айдый чырайым кайда,
Кайда менин омок каткым?
Он сегис жиит жажым кайда,
Кайда менин оттый каным? [11, с. 85].

Эненин ырызы балдарында. Балдарын чыдадып аларга Чачак ончо бойынын күчин, ырызын берген. Жангыс ла балдары сукадык, ырысту болуп чыдазын деген амадула жүрген. Онын ачык айдыныжында кажы ла балазы ого неден де кару болгоны билдирет, кажызы ла учун ого бойынын жүрүми де карам эмес. Жакылта кеберлү тан сөс – куучыны ажыра лирикалык герой келер үйеге жаан ачылта эдет:

Кару балдарым,
Кайран балдарым,
Жылдыс өндү аргымак атты
Слер минзин деп, мен минбегем.
Күн серпилген күмүш кырды
Слер ашсын деп, мен ашпагам [11, с. 85].

Балдарын аштатпай, суузатпай «бир калбактан арба терип, бир калбактан сүт жууп» деп, албатынын укаа сөзи ажыра ол бойынын күүнин чыгара айдынат.

Кара жангыс сурагын Чачак балдарына ундыбазын деп жакыйт:
Тегерик айдый чырайым учун,
Он сегис жиит жажым учун,
Кабай кожон, кару кожон,
Качан да алып жүрүгөр кожо:
«Ба-ай, ба-ай, кару балам,
Урлу кайын тазылы эдин,
Укту-төстү балазы эдин.

Ба-ай, ба-ай, уйукта, балам,
Бала кайын тазылы эдин,
Барлу-уктунын балазы эдин...» [11, с. 86–87].

Чүмдеечи кабай кожонды эненин уйкузы жок тундерин, балдары учун сыстаган жүрегин, уур жүрүмнен кажайган чачын көргүзөргө куучынга кийдиргени сезилет.

Кабай кожонды азырап алган балдарына энчи эдип артыргызып жатканы Чачактын эн жаан, кара жангыс сурагы болот.

«Чачактын үчинчи куучыны» (тан сөс) балдарына жакылта кеберлү чүмделген. Бойынын ачык айдыныжында Чачак чыдадып алган он эки балазына эдип турганы ажыра ончо келер үйеге баштанат.

... О, жайлазын, жайлазын,
Канайып сананар ончозын!..
Же кижини кижини эдерге
Килемжини көп эттим.
Он эки бала чыдадып,
Одыма коштой от салдым [11, с. 104–105].

Кажы ла чыккан балага
Кандый быян бербегем.
Кажызы ла жолын табарда,
Кандый алкыш айтпагам [11, с. 105].

Албатынын алкыжы, кеп ле укаа сөстөрине тайанып, эне кижини ончо энелердин адынан өзүп жаткан үйеге жакылта эдет.

Лирикалык герой жуулган сүр-кебер болот. Чачактын сүр-кебери ажыра кандый ла эне кижини көргүзөргө жараар. Кажы ла эне азыраган балазын ырысту, албатызына тузалу, төрбли учун тартыжар кижини болуп чыдазын деп амадайт. Салым канай салынарын кандый да эне билбес те болзо, же ол кабай кожонун кожондоп, балазын эрке эки колына салып, жайкап, бажын сыймап өскүрөт:

Кара сууга түкүрбө –
Канча малдын сугады.
Катыс кижини каргаба –
Качан түпте төрөгөн [11, с. 105].

Кара башту калыктын эжилерине, шүүлтелерине тайанып, лирикалык геройдын айдыныжы ажыра чүмдеечи озогызын ойгозып, келерликке жартайт, энчи эдип артызат.

Отгон јаан неме жок,
Оны, калак, алтаба:
Казанын ого азылар,
Калыктар ого жуулыжар [11, с. 105].

Өскө айылдан аяк ал,
Ойто куру жандырба!..
Ол кижиге быйанду бол,
Ойгор сөсти ундуба!..

Эненин жүреги – балада,
Баланын жүреги – бойында... [11, с. 106].

Албатынын алтынды айладу сөстөрүн чүмдеечи бойынын
геройлары ажыра ойто албатыга жандырат. Ундылып барааткан
албатынын жакылтазын жаны үйеге жетиргени, үлгерчинин база бир
жаан, керектү ижи болот.

... О, жайлазын, жайлазын,
Отко, сууга быйан бол!
Санаалу болзо, саназын –

Жааннын сөзүн жанчыкка сал! [11, с. 106].

Айдарда, Чачактын куучыны (тан сөс) рефренле, такып
айдылган эп-аргалардын болужыла тынгыдылат. Куучында
Чачактын тилинин чеченин, байлыгын чүмдеечи албатынын оос
поэзиясынын башка-башка жанрларын тузаланып көргүзөт.

«Клаша» бу бөлүктө огош беш жашту кызычактын телекейи
көргүзүлгөн, ого жуу дегени жилбилү болгон. Жуу дегени коркышту
болзо, ненин учун онын адазы ол жууда турушкан деген сурак
көлзөдөт. Бу ада-жаш балага жуу керегинде ондоорго күүч, адазы
онойдо ок балазынын берген сурагына каруузын жандыраарын
күчсинет.

Клаша – кызычак сурагы
Кызыдып, жүрегим кемирет.
Кижиге – улу жажыт деп,
Бу туштажу керелейт.

Чүмдеечи албатынын кожонун туу жызына кийдирет. Эжерлү
сөстү алтай жанарды чыккан-өскөн жерине учурлалап, геройлор

кожондойт. Алтай кижиге кожонун эжерлү эдип чүмдейт.

Автор албатынын жанар кожонун «Бистинг кожон» деп башка
бөлүк эдип кийдирген.

Аргымак кулды жаш тушта	Эремик кулды жаш тушта
Суу терени туштаган.	Суу терени туштаган.
Аданын уулы жаш тушта	Эненин уулы жаш тушта
Чак-эреме туштаган.	Чак-эреме туштаган.
Көбөн жалду көк-боро	Жалбыш жалду жал жеерин
Көндүккен жери Куулгы.	Жайа желген жер – Куулгы.
Көптөп өскөн бойлорыс	Жаба өскөн бойлорыс
Көрүшкен жерис – Куулгы.	Жанып келетен жер – Куулгы.
Кула тайдын туйгагы	Кара тайдын туйгагы
Кургап калар дешпегер.	Какшап калар дешпегер.
Куулганын жыргалы	Кайран Куулгы жанары
Кунукчыл болор дешпегер.	Катап болбос дешпегер.
Эмик ошкош сабарыс	Аткыс болгон сабарыс
Ээлгир болзо ол кайдат.	Артабас болзо ол кайдат.
Эдискис болгон бу үнис	Амыргы кептү үнибис
Элебес болзо ол кайдат.	Тунбайтан болзо ол кайдат

[11, с. 97–98].

«Айаспайдын письмозы» деген бөлүктө, жангыскан
жүреринин темазы ачылат. Бис айлынан, төрөл жеринен, билезинен,
төрөгөндөрүнөн, нөкөрлөрүнөн, жажыттарынан ыраакта жүргөн
кижиге көрөдубис. Түрмеде отурала, баштап качар күүни келгени,
өйлөр өткөн баажынан ачык айдыныштар ла эткен кереги
керегинде кородононыла солынат. Айаспай бойынын санаалары
ла сагыштарыла жангыстан жангыска артала, тенек болгонын, санаа-
сагыш жоктон кылык кылынганын ондогон. Ол керегинде, онын
эне-адазына бичиген письмозында айдылган.

Айаспайдын письмозын уулалтып, Б. Укачин учурлу
атту «Айазып келет» («Светаёт») деген бажалыкта геройына,
кычыраачызына баштанып, алкап, жүрүми жаранзын деп күүнзөйт.

Айланайын,
Айланайын,
Алкайын

«Эзенов Лыманнын дневнигинен» («из тетрадей Димана
Эзенова») (5) деп бажалык прозала чүмделген. Мында төс геройдын
жүрүми толо ачылат: жуулашканы, шыркалатканы, айлында улустан
самара алганы, кожо жуулашкан нөкөрлөрүн эске алынганы, олжого

киргени, качыш, шылу ла айдыныш, жуунун кийнинен жүрген амыр жадын-жүрүм. Геройдын сөсторице: «Бу бичигимди акту бойымнын жүрүмимнин башка-башка жылдары, башка-башка жылдары, башка-башка күндери... Айса, бир тужында балдарыма кереес те болбозо, керек болор... Алтайлап айтса, Жылан жыл, Жаан изү ай. Казань город, госпиталь. / Кизи кайкаар. Жылдар керегинде бистин алтай улус кандый чын айткан: Жылан жыл – кату жыл. Ол жылан чылап жылып келер, көчкө кептү көнкөриле берер» ... Тен тагмага тийген ок, капчыт ла келижип калган. А жылан кылыгын качан да таштабас, жангыс терезин таштаар. Куулгыдан чыккалым чек удабаган. А канча кире жол өткөм, канча кире жон көргөм?.. 8 июль, 1941 ж., Казань» [11, с. 79–80].

«Жуу башталгалы айлымнан бүгүн баштапкы письмо келди. Письмо жытчы ийт ошкош. Кижини истеп, бедиреп жүрер. Ол озо баштап госпитальга, онон кийнимнен бери келген. Алтайдын тууларынан келген солунла кожо жажыл мөштин, быыраш арчыннын жыды согор деп бодогом. Жастыра сананган эмитирим. Бу болуп жаткан өрттин, тарынын кычкыл жыды туку Куулгыга база једип калган ...»

«Мен күчтү деп, төш согунба: сенен күчтү табылар, мен сүмелү деп, тын умзанба: сенен сүмелү табылар» ... 6 октябрь, 1941 ж.» [11, с. 80].

Бойынын алтынчы дневнигин Жыман Эзенов Чаргы журттагы курорттын туразында 1969 жылда амырап турарда бичиген. Бу бичимелден геройдын көкси байлык, ончо немени шүүп көрөр, төп болгоны көрүнөт. Темдектезе, ол мынайда бичийт: «Је кижинин акту бойына көп неме керек јок. Онын көзинен јаш тамар эдип сүүндирип ийерге кезикте тен не де эмес. «Јакшы иштеп жадын, Жыман. Чаргыдагы совхозтор ортодо төзөлгөн курортко барып, 11 күнге амырап ал». Бу ла, өскө не де эмес, өзөгин изий берер. / Быжыл, 1969 жылдын ичинде, акыр, бу не жыл боло берди?.. Эје, алтай тооло Такаа жыл, туй ла 24 жыл мынан озо, 1945 жылдын май айында канду жуу токтогон эди. Онон ло келген – мен койдо. Бастыра балдар бу турлуда чыгып, чыдаган» [11, с. 115].

Дневникте чүмдеечи лирикалык айладу ажыра бойынын күүн-санаазын ачат: «Кар текши кайылып, кобыларды төмөн, сырагай ла менин койлорым чылап, ак көбүги анданып, суучактар түшкүлейт. Јер эрийт. Кыштын кызузы өткөн. Меес эдеги күнет. Мындый күнде ончозын көрүп, ойгонып жаткан Алтайды ајыктап отурага кандый

јакшы! Тагкымнын ыжы чөйилет, көксим кен. Койчыга јыргалду өй – јай келип јат. Жылдарым койлордын кийнинен мынайда ла чубажып, өдүп ле јат, өдүп ле јат». Јас, 1974 ж. [11, с. 116].

Борис Укачинович Укачиннин «Кар ортодо кара жангыс тура» деп туујызында «Уч сөс» (эпилог) деп бөлүктө чүмдеечи уч сөскө јаан ајару салат.

Айланайын,
Айланайын,
Алкайын
Бу үстимде јарыган бийик Күнди,
Бийик күнди ле бийик Айды!..

Онон

Бу ак кар ортодо жангыс турадый,
Мун тураларды ла јөс тураларды!..
Айланайын,
Айланайын,
Алкайын [11, с. 116].

Рефрен эп-арганы тuzаланып, автор бу уч сөстин учуры јаан болгонын көргүзөт. Эпилогто уч сөс јети катап айдылат. Бу уч сөс ажыра поэт жүрүмнин јажыттарын ачат. Ай ла Күн, кажы ла баланы, кажы ла энени, кажы ла аданы, онон омордын камыскан одын, жүректе күйген изү жалбышты, жүстерине түшкен кажы ла чырышты...; јаан ла кичинек сууларды, јабыс ла бийик ажуларды, јаан ла кичинек јолдорды оморды ончозын ондоп, сезип, оморго кару болорго амадайт; јаан ла кичинек городторды, таныш ла таныш эмес портторды, темир ле тегин де ол јолдорды, кара ла ак, кандый ла калыкты – ончозын, ончозын алкайт. Поэт база ла катап кар ортодо кара жангыс тураны алкайт: «Бу кар ортодо жангыс турага мени баштап экелген учун!..».

Чүмдеечиге ыраак турлу ла Орчыланнын салымы бирлик немедий. Бадышты, түштүкти тындап, калыктар салымын сананып, көп түндерле көп түштерди төрөл Кадыннан ыраакта өткүргенине кунугат. Кадын ла Хатынь деп сөстөр эжелү ле сыйынду деп билдирет. Белорус јерде обелиск-сөөктөр үлгерчинин јериндеги јебрен корумдарла биригет. Алтай эненин көстөринин јаштары Белорус эненин јаштарындый төгүлет.

Айланайын,
Айланайын,

Алкайын
Телекейди тендеп, бескеге салайын.
Айланып,
Айланып,
Айлыма жанайын,
Алкышты жонума, жолыма айдайын [11, с. 121].

Албатынын алкыжын тuzаланып, чүмдеечи бойынын төс геройын Лыманды ла онын эжин Чачакты, онын чыдаткан он эки балазын акту жүректен алкайт:

Бийик боочылар жабыс болзын,
Терен суулар тайыс болзын,
Je алдында жолдоры узун болзын,
Саргарып чыккан Сары Күн,
Сакыбаган быйанду ологго болзын! [11, с. 121].

Инверсияны эптү тuzаланып, үлгерчи тууызын түгезерден озо акту күүнинен быйанын бойынын эжине ле эки уулына, поэттерге ле журукчыларга жетирет:

Жартын, нөкөрлөр, мен айдайын:
Жайабагам тууыны мен жангыскан.
Эмди сананзам, элден ле озо
Эжигимде ырысты, энчүни туткан
Эжиме ле эки уулыма быйан!..
«Туујын божоды ба?» – тудуш ла сураган,
Тууразынан жөмөп, сагыжым курчуткан
Поэттер ле журукчылар – кару најылар,
Бастыра жүректен слерге быйан! [11, с. 122].

Укачиннин лирикалык геройы албатызы учун каруулу болуп, санааркап, тартыжып турат. Бойынын төрөлин сүүп, айландыра ар-бүткенге буурзак күндү жүрет. Туујынын композициязын элбеде жайылган эп-аргалар: такып айдылары, тыныдары, удурлаштылары ла о. ө. теренжидет.

Айдарда, Борис Укачинович Укачиннин туујыларынын аңгылузы ологдын лирикалык бүдүминде, чокумдап айтса, лирикалык геройдын көксиндеги санааларын чыгара айдынганында. Чүмдемелдеринде чүмдеечи бойы жаантайын ла туштайт. Оны көп тоолу лирикалык айладулар, чике эмес айдыныштар керелейт.

«Кар ортодо кара жангыс тура» деп туујы-хроникада Б. Укачин эпистолярный ла публицистический жанр (дневниктер, письмолор,

газеттен алынган үзүктөр) кийдирген. «Эзенов Лыманнын дневнигин» чүмдеечи беш катап тuzаланат. Дневник ажыра Эзенов Лыманнын жүрүми, алган эжи, азыраган баладары, Алтайына, албатызына баштанганы, көксинен чыккан санаалары, акту бойынын кылыгы иле көрүнөт.

Б. Укачиннин туујызында орток куучын ла таң сөс аңгылу айалга бүдүрүп, сюжетно-композиционный ла характерологический арга болот. Туујыда автор описание (портрет, пейзаж), повествование, психологизмнин эп-аргаларын тuzаланат. Лирикалык айладуга жаан учур эдилет, ненин учун десе ол ажыра автордын бойынын геройларына күүн-санаазы, айландыра болуп турган айалгаларга, эдилгелерге көрүми јарталат. Чүмдемелдин композициязында эпиграф, пролог ло эпилог жаан учурлу болот.

Бу туујыда кызыл учуктый салым деген тема аныланат: Лыманнын ла эш-нөкөри Чачактын, ологдын балдарынын, солдаттын, Өскүзектин, ыраак турлунын, орчыланнын салымдары көргүзилген. Туујыда салым жангыс ла кижидин эмес, је онойдо ок ол тыш өдүп болбос айалга. Чүмдеечи көргүскени ле, чүмдемелде кажы ла герой кандый бир айалганан камаанду болуп, ондый да болзо бойларынын күүниле, эдип турган керектери ажыра салымын бойы чүмдеер аргалу.

Б. Укачиннин «Кар ортодо кара жангыс тура» деп туујы-хрониказын орус тилге А. Плитченко көчүргөн. Көчүргени орто кеминде деп айдарга јараар, ненин учун десе көчүрөөчиге алтай албатынын көрүмин, жүрүмдик ондомолдорды ондоорго күчке келишкен болгодый. Поэт албатынын билимине тайанып чүмдеген туујызын алтай тилди билер, албатынын көрүм-шүүлтезин, көксиндеги санааларын ондоор кичи көчүрзе эптү болор деп сананадыс.

Литература и источники

1. Суразаков. С. С. Алтай литература. – Горно-Алтайск, 1962. – 255 с.
2. Казагачева. З. С. О некоторых проблемах взаимосвязи алтайской литературы и фольклора // Взаимодействие литературы и фольклора. – Душанбе: Наука, 1974. – 253 с.
3. Киндикова. Н. М. Традиции и новаторство современной алтайской лирической поэзии: Автореф. канд. филол. наук. – М., 1987. – 19 с.

4. Киндикова. Н. М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. – Горно-Алтайск, 1989. – 144 с.
5. Киндикова Н. М. Алтай литература јангырта кычырышла / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск, 1998. – 180 с.
6. Киндикова Н. М. Эмдиги ойдин алтай лириканын кееркедими. / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск, 1999. – 178 с.
7. Киндикова Н. М. Алтайская лирика. Этно-эстетический генезис, поэтика, искусство перевода: Автореф. доктора филол. наук. – М., 2001. – 50 с.
8. Киндикова Н. М. Проблемы алтайской лирики. – Горно-Алтайск, 2003. – 192 с.
9. Текенова У. Н. Литературанын телекейинде. Статъялардын јуунтызы. – Горно-Алтайск, 2013. – 144 с.
10. Киндикова А. В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Научное издание. – Горно-Алтайск, 2005. – 176 с.
11. Укачин Б. У. Мөнкүлик Алтайдын јанылгазы: үлгерлер ле туујы. – Горно-Алтайск, 1977. – 123 с.

© А. А. Белеева, 2024.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всероссийской научно-практической конференции
**«Творчество Эркемена Палкина в контексте
национальных культурных традиций»**, посвященной
90-летию со дня рождения писателя и общественного деятеля
(24–26 апреля 2024 года, г. Горно-Алтайск)

Организаторами научного мероприятия выступили НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова и факультет алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета при поддержке Правительства Республики Алтай и Министерства образования и науки Республики Алтай. Свои научные доклады представили ученые из городов Ижевск, Уфа, Кызыл, Улан-Удэ, Горно-Алтайск, Абакан, Нальчик. Были обсуждены перспективные пути дальнейшего изучения творческого наследия классика алтайской литературы, общественного деятеля, публициста и переводчика Эркемена Матыновича Палкина, а также представлены исследования, касающиеся алтайской и тюркских литератур, в том числе в сравнительно-сопоставительном аспекте. Ряд актуальных направлений было рассмотрено в междисциплинарном контексте.

На конференцию было заявлено 38 докладов. В докладах пленарного заседания говорилось о роли литературного наследия Э. Палкина сегодня, о жанре романа в алтайской и других национальных литературах, о литературной эпохе второй половины XX в. Перед присутствующими выступила канд. филол. наук, известный общественный деятель образования и науки РА, ветеран НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, вдова писателя Раиса Атвасовна Палкина.

В работе секции «Наследие Эркемена Палкина в современном осмыслении» состоялось обсуждение творческого наследия писателя, его роли в развитии алтайской литературы, особенностей художественной лаборатории и авторской стратегии писателя. Основная тематика выступлений была посвящена поэтике его лирических произведений, различным аспектам прозы автора, проблемам междисциплинарных исследований.

Работа секции «Творческая индивидуальность писателя в контексте национально-художественных традиций» позволила обсудить актуальные и новые пути и подходы в изучении национальных литератур. Основное внимание было уделено изучению современных проблем развития региональной литературы, теоретическим проблемам и прикладным аспектам осмысления авторского художественного мира и т. д. Наиболее интересными стало обсуждение в сфере литературных жанров, основных методологических принципов изучения художественного текста, осмысление роли личности в развитии литературных процессов в истории и современности.

Представленные вниманию участников конференции стендовые доклады касались широких проблем современного литературного языка, его актуального состояния и функционирования, историко-научных и общетеоретических особенностей творчества национальных писателей.

Данное научное мероприятие, посвященное творчеству Эркемена Палкина, явилось площадкой для обсуждения актуальных проблем тюркских литератур и культур на современном этапе. Вопросы и проблемы, которые рассматривались, важны для дальнейших перспективных научно-исследовательских и учебно-образовательных работ по направлениям изучения, преподавания истории, алтайского языка и литературы. Актуальны они и в контексте междисциплинарных исследований, систематизации работ, касающихся жизни, деятельности, творчества и наследия Эркемена Палкина. Участники конференции отметили большую теоретическую и практическую значимость представленных докладов, а также конструктивный характер дискуссий и продуктивный обмен мнениями.

В ходе обсуждения были высказаны следующие предложения и рекомендации:

Правительству Республики Алтай:

- рассмотреть вопрос об учреждении ежегодной премии для молодых писателей;
- в целях сохранения литературного наследия писателей РА активизировать работу по открытию Литературного музея Республики Алтай в г. Горно-Алтайске.

Министерству образования и науки Республики Алтай:

- рассмотреть возможность подготовки и издания альбома, включающего материалы о жизни и деятельности Э. М. Палкина.

Национальной библиотеке Республики Алтай

им. М. В. Чевалкова:

- рассмотреть возможность создания тематического ресурса, посвященного Э. М. Палкину, на сайте библиотеки.

Институту алтаистики им. С. С. Суразакова:

- продолжить научно-исследовательскую работу по выявлению, сохранению и популяризации литературного наследия Э. Палкина;
- продолжить сбор и изучение материалов, касающихся жизни и творческого наследия алтайских писателей, с привлечением исторических, историко-научных, методических материалов, архивных документов государственного, ведомственного и личного хранения;
- издать сборник материалов конференции.

Участники конференции выражают благодарность Научно-исследовательскому институту алтаистики им. С.С. Суразакова и Горно-Алтайскому государственному университету за организацию и проведение конференции.

Оргкомитет конференции выражает благодарность Правительству Республики Алтай и Министерству образования и науки Республики Алтай, Союзу писателей Республики Алтай, семье Эркемена Матыновича Палкина, а также всем участникам и гостям научного мероприятия за поддержку в организации и проведении конференции.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

С приветственным словом на открытии конференции выступает канд. филол. наук, и. о. директора НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова А. Э. Чумакаев

А. Э. Чумакаев и Р. А. Палкина на открытии конференции

Участники и гости на открытии конференции

Выступает канд. филол. наук, и. о. рук. научной группы литературы НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, с. н. с. М. С. Дедина

Выступает канд. филол. наук, учитель алтайского языка и литературы Республиканской гимназии им. В. К. Палакаса, с. н. с НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова У. Н. Текенова

Работа секции «Творческая индивидуальность писателя в контексте национально-художественных традиций»

Выступает канд. филол. наук, и. о. рук. научной группы фольклора НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, с. н. с. С. В. Абысова

Выступает канд. филол. наук, зав. кафедрой алтайской филологии и востоковедения, доцент А. В. Киндикова

НАШИ АВТОРЫ

Абысова Сурлай Владимировна, канд. филол. наук, и. о. рук. научно-исследовательской группы фольклора, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Ахматова Мариям Ахматовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», г. Нальчик.

Белеева Алина Анатольевна, младший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Булгутова Ирина Владимировна, д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института истории и филологии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ.

Дедина Маргарита Сергеевна, канд. филол. наук, рук. отдела языка, фольклора и литературы, и. о. рук. научно-исследовательской группы литературы, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», доцент факультета алтаистики и тюркологии ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», г. Горно-Алтайск.

Ерленбаева Сынару Адучиновна, младший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Зайцева Татьяна Ивановна, д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»; старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (УдмФИЦ УрО РАН), г. Ижевск.

Исаков Александр Викторович, младший научный сотрудник ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН», г. Улан-Удэ.

Киндикова Альбина Викторовна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой алтайской филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», г. Горно-Алтайск.

Кудирмекова Надежда Ивановна, канд. пед. наук, доцент, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Майзина Аржана Николаевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Максимова Ольга Михайловна, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Мамадакова Зинаида Пионеровна, педагог-библиотекарь МКОУ «Еловская СОШ им. Э. Палкина», с. Ело Республики Алтай.

Мекечина Алевтина Михайловна, учитель алтайского языка и литературы МБОУ «Лицей №1 г. Горно-Алтайска», г. Горно-Алтайск.

Мизиев Ахмат Магометович, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», г. Нальчик.

Тарасова Елена Евгеньевна, магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Тектиева Солоны Судуйтовна, учитель алтайского языка и литературы, МКОУ «Еловская СОШ им. Э. Палкина», с. Ело Республики Алтай.

Текуев Муса Масхутович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», г. Нальчик.

Халхарова Лариса Цымжитовна, канд. филол. наук, доцент кафедры бурятской и эвенкийской филологии Института истории и филологии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ.

Хуболов Сахадин Магаметович, канд. филол. наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», г. Нальчик.

Шутина Татьяна Кыпчаковна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Ядагаева Галина Егоровна, магистрант факультета алтаистики и тюркологии ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», г. Горно-Алтайск.

СЕТЕВОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук М. С. Дедина (отв. ред), канд. филол. наук
С. Б. Сарбашева, канд. филол. наук А. Б. Чендекова.

**«ТВОРЧЕСТВО ЭРКЕМЕНА ПАЛКИНА В
КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ
ТРАДИЦИЙ»**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
Э. М. ПАЛКИНА

ISBN 978-5-6049688-7-1

9 785604 968871 >

Компьютерная верстка Э. В. Белекова